

Ю. С. Грачев

В Иродовой бездне

Воспоминания о пережитом

Книга четвертая

Оглавление

Часть 7. СВЕТ ПЕРЕД ЛЮДЬМИ (1945)

[Глава 1. Дорогие минуты нам Бог даровал](#)

[Глава 2. Самый дорогой подарок](#)

[Глава 3. Молитва](#)

[Глава 4. Неголен](#)

[Глава 5. Блаженны кроткие](#)

[Глава 6. Восстановители](#)

[Глава 7. Огонь с небес священный](#)

[Глава 8. Семафор открыт](#)

[Глава 9. Предвесеннее](#)

[Глава 10. Униженные и оскорбленные](#)

[Глава 11. Искушение](#)

[Глава 12. Изгнанный](#)

[Глава 13. Господь печется](#)

[Глава 14. К ним все желание мое](#)

[Глава 15. Не молись!](#)

[Глава 16. Дорогое общение](#)

[Глава 17. Позаботились](#)

[Глава 18. Вражда](#)

[Глава 19. Свет перед людьми](#)

[Глава 20. Пасхальная ночь](#)

[Глава 21. День мира - день победы](#)

[Глава 22. В Красную армию](#)

[Глава 23. В пути](#)

[Глава 24. Как милосердный самарянин](#)

[Глава 25. Дорогие весточки](#)

[Глава 26. Конец войне](#)

[Глава 27. Демобилизация](#)

[Глава 28. Думы демобилизованного](#)

[Глава 29. Фавор и долина тени смертной](#)

[Глава 30. Возвращенная юность](#)

[Глава 31. Как идти?](#)

Часть 8. ПО ДОРОГЕ ИСПЫТАНИЙ (1949)

[Предисловие](#)

[Глава 1. И поднялся бурный ветер](#)

[Глава 2. Работа](#)

[Глава 3. Ожидание близких](#)

[Глава 4. Отрада небес](#)

[Глава 5. Они учатся](#)

[Глава 6. Арест](#)

[Глава 7. Скорбь](#)

[Глава 8. Искушение](#)

[Глава 9. Передышка](#)

[Глава 10. "Не заботьтесь"](#)

[Глава 11. Извращают](#)

[Глава 12. Мудрость](#)

[Глава 13. Упование только на Бога](#)

[Глава 14. Поругание](#)

[Глава 15. Испытание](#)

[Глава 16. Видение](#)

[Глава 17. Терпение](#)

[Глава 18. Любовь](#)

[Глава 19. В огне переживаний](#)

[Глава 20. Испытанная вера](#)

[Глава 21. Он знает](#)

[Глава 22. Избави от лукавого](#)

[Глава 23. Помощь](#)

[Глава 24. Не унывать](#)

[Заключение](#)

[Послесловие](#)

Часть 7. СВЕТ ПЕРЕД ЛЮДЬМИ (1945)

Глава 1. Дорогие минуты нам Бог даровал

"Как хорошо и как приятно жить братьям вместе".

Пс. 132,1.

— Проходите, проходите, дорогой брат! Мы слышали о вас, мы молились о вас, и вот дал Бог увидеться. Мы уже сообщили другим верующим, скоро соберутся и придет с работы руководящий брат.

Тепло, необыкновенно радостно было на сердце Лева. Родные — родные по крови Христа встречают его, и происходит это после долгой, долгой разлуки. Ведь находясь в заключении, он не получал ни от кого из верующих ни единого письма. Писала только мать, да с фронта получал он письма от жены. Бывало, вызовет его начальство и говорит:

— Ты знаешь, уж верующих ваших никого не осталось на свободе, все атеистами стали. Поэтому и не пишут тебе. Вот, пиши, — и начальник протянул ему лист бумаги, — пиши, что отказываешься от своей веры, и мы гарантируем тебе, что ты вскоре будешь на свободе.

А когда Лева отказывался дать подобное отречение от веры, они недоумевали:

— Почему же ты не отказываешься, продолжаешь упорствовать в своей вере?

— Держу связь с Богом, — отвечал Лева.

— Как это так? Ты кругом изолирован.

— А вот молюсь, и Господь Иисус Христос невидимо помогает, невидимо пребывает со мной.

Не понимая этого, люди качали головой.

Как Лева хотел в те годы и дни услышать о верующих! Был единственный случай за все время пребывания в узах. Это было весной. Вся природа расцветала, черемуха благоухала. Пришел один конвоир и сказал:

— Я был в дальней деревне, захожу в избу: люди читают Библию, поют. А я им говорю: "У нас в колонии доктор верующий". Рассказал им о вас, а они говорят: "Это наш брат!"

Когда Лева услышал рассказ конвоира, он не мог не прослезиться. Значит, верующие есть! Да, он знал, что они есть... У него на душе стало так светло, так радостно. Этот весенний день он никогда не забудет...

А теперь он видит воочию настоящих родных. Вот они приходят, вот пришел брат руководящий. Он бросился на шею Лева:

— О брат-страдалец! — воскликнул он. — Мы много слышали о тебе и вот приветствуем любовью Христа,

Он горячо обнял Лева и несколько раз поцеловал.

Приходили все новые и новые братья и сестры, все горячо поздравляли Лева, спрашивали об условиях жизни в колонии и радовались вместе с ним его освобождению.

— Да, мы слышали, брат, — сказал руководящий, — что ты где-то тут, в горах, находишься, но не знали твоей фамилии, и не было никакой возможности разыскать тебя. Но надеемся, ты не унывал?

— Да, не унывал! — радостно улыбался Лева, — "Иисус Христос со мною, часто с Ним я говорю..."

— А, видно, голодно там было у вас, — сказала одна сестра-старушка, глядя на худое лицо Лева.

— Да, всяко приходилось, но Господь помогал и, когда было особенно голодно, поддерживал.

— Вероятно, родная община поддерживала письмами, посылки посылала? — спросил молодой брат.

— Нет, никто никогда ничего не прислал, ни письма, ни посылки, и никто ни разу не посетил меня. В самом начале заключения жена была у меня там, в Кузях, а потом ее отправили на фронт. Мама, конечно, писала аккуратно, иногда присылала от своей скудности.

— А ты, брат, не обижаешься, что из верующих тебя никто не поддерживал? — поинтересовался брат руководящий.

— О, нисколько! — ответил Лева. — Я знал, что всем трудно живется. Я даже не знал, сохранили ли веру и, как дети Божии, только надеялся, что есть верные и они молятся обо мне.

Когда все собрались, брат руководящий прочел место из Слова Божия, где говорится о возвращении пленников и

радости в пении. Все громко, от души запели:

"Дорогие минуты нам Бог даровал..."

Особенно выделялся голос руководящего брата, пел он от души, со слезами.

Нельзя на словах передать тех молитв, которые возносились к Господу. Лева казалось, что он воскрес из мертвых, переселился в какой-то другой мир. Ведь так долго он не был среди родных, не слышал добрых, приветливых слов; ведь долгие годы звучали лишь грозные окрики, кругом были лишь суровые лица или же полные страдания безнадежные, умирающие "доходяги" и "мат" всепробитывающий.

И теперь, очутившись среди верующих в Евангелие, Лева особенно ярко почувствовал великий контраст между любящими Бога, с одной стороны, и вовсе Его не знающими — с другой.

И его сердце вновь и вновь наполнялось скорбью о том, что так много кругом тьмы и мало людей, знающих Спасителя...

Когда кончилось собрание, на котором Лева тоже делился драгоценным Словом Божиим и своей верой в Спасителя, была устроена простая братская трапеза.

— Вы, конечно, брат, отдохнете, поживете несколько дней, — говорили Лева собратья по вере, угощая его за столом.

— Нет, — ответил Лева. — Я рад побыть у вас немного, но мне дано направление в Уфу, где я должен получить документы и работать на одном из строительства, куда направляют освобождаемых заключенных.

— Но все-таки вы побудьте с нами хоть дня два-три.

— Нет, — ответил Лева, — у меня какое-то внутреннее побуждение: вперед и только вперед, не задерживаясь.

Как ни уговаривали его остаться, Лева решил на следующее утро уехать.

Это было исключительно трогательное расставание. Многие провожали его. Достали подводу и на ней довели до станции. Прощаясь, брат руководящий протянул Лева пакет:

— Это верующие собрали вам помощь от всей души, брат.

— Спасибо, — сказал Лева, — но я ничего не возьму. Мне немного дали в колонии на пропитание и на билет, и я хочу довольствоваться этим.

— Но, брат, это от Господа, ведь сейчас такое голодное время, хлеба купишь себе.

— Нет, — категорически сказал Лева. — Вы, вероятно, знаете адреса, где находятся братья в заключении, пошлите им, это будет лучше, а я на свободе.

Как ни упрасивали его, он ничего не взял. Он не считал грехом или плохим, когда верующие помогают друг другу, помогают ему, но в данный момент почему-то было такое состояние, чтобы меньше делали для него, а больше для других.

От Белорецка до центральной сибирской дороги, пересекающей Урал, он ехал по узкоколейке, по которой двигались товарные и пассажирские поезда. Он не думал о прошлом, как везли его когда-то здесь заключенным в битком набитом вагоне, — все это ушло как какой-то тяжелый сон. Его душа устремилась вперед, в будущее. Но каково оно, это будущее? Оно было скрыто от него в тумане неизвестности, и казалось, ни один луч не пробивался для него радостью. Но он знал, что вождем его жизни был Христос, и был спокоен.

Были у него внутренние, сокровенные желания, среди которых было одно трудно осуществимое, которое он открывал Господу. Это голод, это жажда, но не голод хлеба и не жажда воды. У него не было своего Евангелия, и за эти пять лет заключения, он был почти все время лишен драгоценного Слова Божия. Лишь в последний год он мог временно пользоваться Новым Заветом — это было большим чудом. Теперь у него было с собой несколько листочков Евангелия на русском языке и несколько листочков — на славянском. Эти листки он случайно нашел в бригадирских ведомостях по выпечке хлеба. Тогда бумаги не было, и привозилась всякая макулатура, на которой в колонии и оформляли документы.

На станции, где кончалась узкоколейка и шли поезда по главной сибирской магистрали, было многолюдно. Лева получил билет, но сесть, казалось, не было никакой возможности. Он видел, как различные люди с мешками, вещами, хорошо одетые, давали взятки проводникам и ехали.

На него, бедно одетого, никто не обращал внимания, и хотя он показывал проводникам свой билет, его отталкивали в сторону. Прошел один поезд, предстояло ожидать другого. Лева в душе молился Господу, чтобы Он помог ему уехать. Ведь сидеть здесь и ожидать день-два было для него весьма трудно. Во-первых, он был очень переутомлен, на вокзале же было битком набито. Во-вторых, стоял вопрос с питанием: хлеба даже за деньги достать было трудно.

Подшел поезд, люди бросились к вагонам, везде стояли проводники и отталкивали, говоря одно безнадежное слово: "переполнено". Вот поезд уже должен тронуться.

— Посадите, — просит Лева проводника. — Ведь вы понимаете, я из заключения, мне нужно ехать, я не могу тут задерживаться.

— Не могу, — отвечал проводник, — переполнено.

Лицо проводника совершенно безучастно, сурово и даже несколько зло. Да, конечно, на каждой станции их умоляют пустить. Поезд начинает трогаться. Внутренне молясь, Лева обратился к проводнику с последней просьбой:

— Пустите ради Господа Христа доехать до Уфы только!

— Садитесь, садитесь, — сказал ему проводник, сразу переменявшись в лице, и помог Лева забраться.

Конечно, этот проводник с известной точки зрения был совершенно неверующий человек. Он курил,

сквернословил, но, видимо, имя Господа Иисуса Христа не было для него праздным звуком. Лева знал и глубоко верил, что имя Бога, имя Христа имеет особую силу: "Имя Господа крепкая башня, убегает в нее праведник и безопасен".

Глава 2. Самый дорогой подарок

"Желание боящихся Его Он исполняет".

Псал. 144, 19.

Передлевой была Уфа. Поезд остановился, он вышел на перрон. Город, где он начал свое высшее образование, где он поступил в медицинский институт и с первого курса начал научную работу на кафедре фармакологии. Сколько было надежд, сколько было прекрасного впереди! Его жена решила переехать к нему, чтобы жить вместе, они уже сняли квартиру, все устроилось как нельзя лучше, и потом... все рухнуло.

Он не забудет, как подошел к нему его друг, коммунист, профорг, и с удивлением, более того — с ужасом спросил:

— Неужели вы баптист?

— Да, я баптист, — спокойно ответил Лева.

— Так лучше вам быть бандитом, чем баптистом! Что вы наделали? Теперь все погибло для вас!

Медленно он шел по знакомым улицам, медленно прошел мимо зданий института, куда в последний раз не он сам пришел, но его привели под конвоем и устроили над ним в институте показательный судебный процесс. Ему было немного грустно все это вспоминать... Все прошедшее ему казалось бессмысленным, а он был выкинут за борт жизни.

И теперь — как и где устроится жизнь? Хотелось бы только немного отдохнуть, но Отец Небесный знал, что лучше и как его вести. И, уповая на Него, Лева внутренне был совершенно спокоен.

Он подошел к дому, где часто бывал. Здесь жила одна старушка, приходившаяся родственницей подруги его матери. Здесь он неоднократно бывал, когда был студентом, здесь за него переживали, когда над ним разразилась гроза.

Он постучался. Александра Евграфовна встретила его приветливо:

— Ага, вернулись! Проходите, пожалуйста, очень рады. Александра Евграфовна была из верующих по православному, много перенесла в своей жизни и, как знал Лева, была сильно разочарована в православном духовенстве. Она знала глубокие убеждения Левы и хотя, возможно, не разделяла их полностью, но в ней чувствовалось сострадание и глубокая симпатия к нему. Она знала хорошо глубокую веру семьи Левы и горестный их путь.

— Ну, как, вы сохранили все так же веру? — спросила она Леву.

— Все так же, — ответил он. — Чем больше живешь, смотришь, тем более убеждаешься, как необходим Христос, Его учение людям. Вот прожил я эти пять лет и вновь увидел, что без Христа для человека одна гибель.

Александра Евграфовна поспешила угощать гостя. Была тут еще одна девушка, которая жила у нее. Они сели за стол, Лева помолился.

— Могу угостить вас тем, что имеем, — сказала, улыбаясь, старушка.

Она нарезала ржаного хлеба, поставила перед каждым маленькую розетку с постным маслом.

— Вот соль, — сказала она. — Макайте хлеб в масло, подсаливайте и кушайте.

Это было, без сомнения, очень простое угощение. Но для Левы оно было великолепным, необыкновенно вкусным и весьма, весьма дорогим. Ведь они делили с ним хлеб свой, а хлеб в то время давали по карточкам, с ним было весьма скудно.

Вечером Лева тихо делился со старушкой своими переживаниями, стремлениями. Старушка приподнялась, взглянула на Леву с простой добротой и сказала: "А знаете, я хочу вам сделать подарок".

— О, мне ничего не нужно! — отозвался Лева.

— Ну, так не говорите, что ничего не нужно, — возразила старушка. — Я знаю, что от этого подарка вы не откажетесь.

Она подошла к этажерке с книгами, вынула оттуда очень маленькую книжечку и подала Леве. Это был Новый Завет — дорогое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа. Лева был растроган до слез. От такого подарка он отказаться не мог. Это было то, о чем он истосковался, чего он жаждал больше всего. Его лучший друг Иисус знал это и расположил доброе сердце подарить ему необходимое. Для него это было особенной радостью, и теперь, в начале своей свободы, он может идти по пути жизни, вооруженный этим чудным божественным мечом — Словом Божиим.

Это маленькое Евангелие было неразлучно с ним несколько лет. Много черпал он из него, пил сам и поил других; сколько десятков душ отдались Христу, слыша великие истины этого Евангелия. В нем напротив текстов, которые дарил спасенным, он записывал их имена. А дальше, дальше... Это Евангелие у него отобрали...

На другой день Лева, купив на рынке хлебных лепешек, принялся помогать старушке пилить дрова. Пилить он умел, бывал на лесозаготовках, но пилилось плохо: сил было очень мало.

О своем здоровье Лева никогда не думал. Он знал, что им распоряжается его Любящий Иисус и его здоровье в Его руках.

Глава 3. Молитва

"Ты немного имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего".

Откр. 3, 8.

Лева оформил свои документы, получил паспорт. Паспорт был как паспорт, однако вскоре Лева на опыте пришлось убедиться, что это был какой-то особый паспорт. Знающие люди, начальство, как только возьмут его в руки, так сразу видят, что обладатель его из заключения и очень плохой человек.

Теперь Лева пошел в управление того строительства, где он должен работать. Он надеялся, что там примут его на должность фельдшера, трудоустроят, как трудоустраивают всех бывших в заключении.

Когда он поговорил с работниками управления, то ему сказали, что вакантных фельдшерских мест сколько угодно и, конечно, его тут же устроят. Но когда взяли его паспорт и позвонили куда-то, то ответили, что он совершенно не нужен и может идти куда угодно. Лева пытался доказывать, что имеет направление именно к ним, его должны трудоустроить, но это совершенно бесполезно: ему категорически отказали.

В раздумье он вспомнил, что у него имеется адрес одного из работников НКВД, которые живут и работают в Уфе и которые хорошо знали его там, в колонии, где он находился в заключении. Это были муж и жена. Она — начальник культурно-воспитательной части, он — инженер производства. Они тогда заинтересовались убеждениями Левы и решили его "перевоспитывать". Их попытка успехом не увенчалась, но, во всяком случае, они поняли искренность его взглядов и не относились к нему, как к врагу, как к недостойному человеку.

Когда он пришел к ним, они сидели за столом, у них в гостях были также несколько работников НКВД, как определил их Лева по форме одежды.

Леву встретили очень приветливо и поздравили с освобождением.

— Садитесь, садитесь кушать с нами, вы теперь такой же гражданин, как и мы.

Лева попытался было отказаться от стола, но его просто усадили и предложили есть без стеснения.

"Как приступить к еде? — думал Лева. — Можно, конечно, помолиться про себя, но какой-то внутренний голос говорил ему: "Неужели ты постыдишься Моего имени?"

В эти короткие секунды в Лева шла страшная борьба: молиться вслух или не молиться? Он решил молиться и сказать, что он верующий и перед столом должен помолиться. Он пытался сказать это, но на него напала такая робость, что просто язык не повиновался ему, чтобы говорить. "Господи, помоги мне!" — внутренне произнес он и затем спокойно и ясно сказал:

— Я человек верующий и перед тем, как кушать, хочу помолиться.

Он встал и произнес:

— Господи Боже, прими благодарение за Твою любовь ко мне! Благодарю Тебя и за этих добрых людей, которые хотят угостить меня этой пищей. Благослови ее и благослови этих людей, которые за этим столом, дай им всего доброго, хорошего. Хвала и слава Тебе за все. Аминь.

Когда он сел и начал есть, началась оживленная беседа. Работники НКВД, которые не знали его, были изумлены, увидев такого верующего. Знавшие же его улыбались, рассказывали и о его "приключениях", которые ему довелось испытать.

Леву расспрашивали о его убеждениях и в чем его надежда. Он с радостью отвечал и рассказывал о Христе, в Которого верил.

— Ну, как у тебя с работой? — спросили его.

— Да вот, в том управлении, куда меня направили, отказали. Теперь, не знаю, где придется устроиться.

— Так давайте к нам, в колонию, — сказал один из присутствующих. — Она рядом здесь, в Черниковке. Я вас прекрасно устрою вольнонаемным. Приезжайте к нам завтра туда, и мы оформим.

Лева согласился.

На следующий день он поехал в Черниковку, где ему надлежало оформиться на работу. Его приняли, взяли документы. Кажется, все устроилось по-хорошему, но потом куда-то позвонили, в результате документы вернули и сказали, что, к сожалению, его принять на работу не могут. И предупредили: и в других колониях вас также не примут. Грустный возвращался Лева в Уфу.

— Ну, как, устроился? — спросила его Александра Евграфовна.

— Нет, ничего не вышло, — ответил он.

— Оно и понятно, — сказала она задумчиво. — Никому ты не будешь нужен; ну, уж коли ты такой верующий, — терпи.

— Я не унываю, — ответил Лева. — Видимо, у Господа в отношении меня есть свой план.

Ложась спать, он горячо молился, прося Господа, чтобы Он определил его туда, где надлежит ему быть.

На другой день он пошел в милицию и стал рассказывать, что его нигде на работу тут не устраивают, и просил направить, куда можно.

Его бумаги взяли. Сидя у двери, он слышал, как они о чем-то совещались, куда-то звонили. Потом вышел начальник и вернул документы:

— Вот вам направление, — сказал он. — Идите в военнопризывной пункт. Вас направят на фронт.

— Благодарю, — сказал Лева и вышел.

"Господь знает, что и как лучше, — думал он. — Да будет воля Твоя!"

Простившись с Александрой Евграфовной и захватив с собой свое небольшое "имущество", Лева направился на призывной пункт. Туда люди поступали большими партиями из города, из ближайших сел, и их отправляли в воинские части. Война с фашистской Германией близилась к победе. На фронт, который растянулся на тысячи километров,

направлялись все новые и новые пополнения.

В здании призывного пункта он встретил самых разнообразных людей. Все они готовились к тому, чтобы расстаться с родными и быть в действующей армии. Много курили, перебранивались между собою или, чтобы развлечься, рассказывали самые грязные анекдоты.

Вся эта картина была хорошо знакома Леве. Это были те же самые люди, которых он во множестве встречал во время своих скитаний, и все они нуждались во Христе.

Лева внутренне радовался, что наконец-то он будет там, где, вероятно, не будут от него отворачиваться, как от бывшего заключенного.

Он был уверен, что и там он, несомненно, будет полезен, работая среди раненых. А кто знает, может быть, работу его оценят и смогут дать ему, как верующему, возможность работать и жить потом, как и все люди. Ну, а если придется там умереть? Смерти он совершенно не боялся и знал, что, оказывая помощь раненым и больным, он будет жертвовать собою так, как жертвовал Христос, чтобы спасти страждущее человечество.

И здесь, хотя было очень неприятно находиться среди этого табачного дыма, он был спокоен. Он знал: его судьба, его жизненный путь — в руках Иисуса. Написал письмо домой, чтобы молились о нем и чтобы несколько не беспокоились, так как для беспокойства нет причин. Господь будет с ним в армии так же, как Он был с ним везде.

Глава 4. Негоден

"Мои мысли — не ваши мысли, не ваши пути — пути Мои, — говорит Господь".

Псал. 55, 8.

Проснувшись утром, он открыл дорогое Евангелие, прочел двадцать второй псалом, и на душе стало совсем легко. "Господь Пастырь мой" — взял он текст на день.

После утреннего завтрака призывников партиями начали отправлять на медицинскую комиссию.

Раздетые донага, приходили они к врачам различной специальности и потом к председателю призывной комиссии.

Леву забраковали: он был: слишком истощен.

— Таких дистрофиков не берем, — сказали ему, — и сердце у вас что-то не в порядке, — добавил председатель комиссии. — В общем, получите документы и можете быть свободным.

Лева решил поговорить с офицером.

— Я, видите ли, из заключения и на работу никак не могу устроиться.

— А вы за что сидели?

— А вот в связи с верой. Я баптист, — сказал Лева.

— Ну, теперь вам будет жить легко, — заметил офицер. — Сейчас другие времена. Теперь открываются церкви, молитвенные дома, верующим будет разрешено совершенно свободно молиться и исповедовать свои убеждения.

— Это точно? — спросил с сомнением в голосе Лева.

— Точно, точно, — уверенно сказал офицер. — Я в курсе политики. Я говорю вам, как знающий. Работу вам дадут и притеснять вас не будут.

Это сообщение очень обрадовало Леву. Ведь столько лет по всей стране были закрыты молитвенные дома. С верующими, которые собирались для молитвы, расправлялись самым беспощадным образом. Объявляли их самыми злыми врагами, арестовывали и ссылали, как контрреволюционеров, якобы стремящихся свергнуть существующий строй.

"Неужели будет прояснение? — думал Лева. — Неужели прекратятся эти потоки грязи и клеветы, презрение и поношение, которые непрестанно лились на верующих в Иисуса Христа?"

Александра Евграфовна очень удивилась, увидев Леву.

— Как же так? — воскликнула она.

— Негоден, — улыбнулся Лева. — И на работу меня не принимают, и в армию негоден.

— Что же теперь ты думаешь делать?

— Буду хлопотать в милиции, чтобы мне разрешили выехать к маме, в Куйбышев.

— Но тебе не разрешат прописаться в Куйбышеве.

— Я знаю: не разрешат, но хоть повидаться с мамой, с родными, а там Господь усмотрит...

Глава 5. Блаженны кроткие

"Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю".

Матф. 5, 5.

По обыкновению, утром, встав и внутренне обратившись к Господу, Лева открыл Евангелие, чтобы взять текст для размышления на день. На этот раз ему пало на сердце, и он записал в свою записную книжечку текст этого дня: "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю".

Быть кротким — это духовное украшение христианина, но, к сожалению, это не всегда и не всем удается, и временами Лева ощущал недостаток кротости.

С утра пошел в милицию. Написал заявление, чтобы ему разрешили поехать в Куйбышевскую область. Таких, как

он, граждан с заявлениями, было много, создалась большая очередь. Ждать пришлось долго. Наконец подошел его черед, и он подал начальнику заявление.

— Это не все, — сказал начальник. — Напишите еще кратко свою биографию, где отбывали последний срок.

В милиции писать было негде. Кругом стояли, сидели люди, ожидавшие приема.

Лева пошел на почту и там написал заявление и приложил к нему свою краткую биографию. Писал и думал: "О, дал бы Господь наконец уехать! Так хочется повидать маму, родных, хоть немного отдохнуть от этой неопределенности... Скорей бы, скорей уехать! Господи, устрой же, ведь Тебе ничего не трудно!.."

Когда он вернулся в милицию и хотел пройти к начальнику, стоявшие в очереди его не пустили.

— Извините, — говорил Лева. — Я уже был у начальника, он меня только послал переписать заявление, я ему передам и тут же выйду.

Но его не пускали.

— Вставай, вставай снова в очередь! — говорили ему.

"Это несправедливо, — думал Лева, и сердце его тревожно билось. — Надо просто пойти и подать. Конечно, так". Но какой-то тихий голос шепнул ему: "Блаженны кроткие..." Да, в самом деле, — подумал Лева, — ведь дан мне текст на сегодняшний день. Нужно быть кротким". И он не стал возражать и послушно встал в конец очереди.

Минуты шли за минутами. Вышел начальник с папкой бумаг и куда-то ушел. Вместо него принимала его секретарь.

Наконец-то дошла очередь и до Левы. Он подал секретарю свои бумаги.

— Эх, что же вы так запоздали! — протянула секретарь. — Ведь начальник уже унес бумаги на подпись. Что вы так задержались с перепиской заявления? Ведь вы же сегодня могли все оформить и сегодня же поехать в Куйбышев.

— В очереди люди не пускали пройти, заново пришлось стоять, — печально сказал Лева.

— Да вы бы посмелее действовали! Завтра будет выходной, придите с вашими бумагами послезавтра.

Лева вышел из милиции. На сердце было тяжело. Он сел на скамеечку в городском саду. Солнце, в котором уже чувствовалось весеннее тепло, как бы ласково грело его щеки.

Но он не замечал ни наступающей весны, ни над собой ясного голубого неба. Какой-то голос нашептывал ему:

— Вот они, "блаженны кроткие"! Не кротость в жизни нужна, а напористость, твердость и даже дерзость...

Было очень тяжело.

Лева стал внутренне молиться и размышлять. Ведь мог бы Господь все устроить, и я бы поехал. Но не устроил. Почему?

Неужели Он хочет, чтобы я не повидался с близкими, все терпел и терпел и никакого луча отрады? Чего Ты хочешь, Господи?..

И вдруг ему стало ясно, что ведь в этом большом городе он совершенно не встречал верующих и ни с кем не знаком. В Белорецке ему говорили, что в Уфе нет общины, но есть отдельные верующие. Адреса точно дать не могли, но сказали, что за рекой Волгой на ремонтном заводе работает один брат. Не оставил ли меня Господь здесь для того, чтобы я повидал этого брата?

И на сердце стало сразу легче. Он почувствовал, что и солнце его пригревает, и над ним голубое небо.

Лева отправился на окраину Уфы, к реке Белой, перешел через мост и стал искать ремонтный завод. Судя по времени, работа должна кончиться и рабочие будут выходить. Он встал у ворот. К пожилым рабочим, что выходили с завода, он обращался с вопросом:

— Не знаете ли вы, тут работает верующий, баптист?

— Да вот он идет! — сказал один, указывая на пожилого, одетого в рабочую телогрейку человека.

Лева подошел к нему. Взглянул в лицо. Лицо тихое, доброе. Человек вопросительно посмотрел на Леву.

— Вы брат? — спросил Лева.

— Да, — ответил тот на вопрос Леве. — А вы брат? — задал он в свою очередь вопрос Леве.

— Да, я верующий брат из заключения.

— О, Господи! — воскликнул рабочий и поднял обе руки к небу. — Господи, я благодарю Тебя, что встретил брата!

И он бросился обнимать Леву. Народ останавливался.

— Видно, братья после долгой разлуки встретились, — говорили люди.

Брат Шангуров повел Леву к себе.

— Ну, хозяйка, угощай гостя! — Сестра приветствовала и угощала Леву. — А завтра, брат, у нас открытие молитвенного дома, как ты вовремя!

Все сияло кругом Левы. А на сердце ярко, ярко горели слова Спасителя:

"Блаженны кроткие..."

Глава 6. Восстановители

"Ты восстановишь основание многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения".

Ис. 58, 12.

За обедом брат Шангуров рассказывал Леве о переживаниях Уфимской общины. Давно уже не было здесь собраний, люди, ненавидящие Христа, разрушили все и не оставили камня на камне. Многие годы верующие не имели никакой возможности собираться. Но огонь любви к Богу не угасал. Дети Божии в душе не переставали молиться Господу о помощи. Они "как птицы в бурю притаились в ожидании света и тепла". И как только несколько потеплело, уменьшились притеснения за веру, они стали чаще встречаться друг с другом и начали хлопотать об открытии молитвенного дома. Молились, ходатайствовали перед начальством, и вот чудо: после стольких лет запрета им разрешили...

— И вот, дорогой брат, — радостно говорил Шангуров, — завтра впервые в доме одной сестры Пономаревой будет собрание на улице Уральский проспект.

Она отдала низ дома под собрание, и теперь открыто, без всякого страха, можем пойти туда. А сегодня вот вечером я собирался пойти устанавливать там скамейки.

— Так и я пойду с вами! — воскликнул Лева.

Хозяйка была Фекла Ивановна, она встретила их радостно. Они зашли в пустое помещение. Оно было совершенно без всякой мебели.

— А где же скамейки? — спросил брат Шангуров, — Мы будем таскать их сюда.

— Скамеек нет, — смущенно сказала Фекла Ивановна. — Вот есть только бревна да доски.

— А пила у вас есть двуручная?

— Есть, — ответила она.

Они вдвоем пилили бревна на чурбаки, а потом эти чурбаки втаскивали в помещение будущего молитвенного собрания, втаскивали туда доски, отпиливали и, прибывая к чурбакам, устраивали скамейки. Лева раскраснелся от работы. Пришли несколько сестер, и работа была закончена. Впереди, у окон, поставили просторный стол, и помещение для собрания было готово.

Фекла Ивановна пригласила всех наверх пить чай. Там, среди других, Лева познакомился с молодыми сестрами Мыльниковыми, которые горели огнем желания служить Господу. Они рассказывали Леве, что уже пригласили на собрание приближающихся. Хозяйка дома сказала, что ее дочери также должны быть на собрании.

Сестра Зина Мыльникова открыла Библию и прочла из Исаяи, 58, 12.

— Вот что руководит нами, — сказала она. — На нас пал жребий от Господа быть восстановителями развалин. Мы должны указать пути для населения, чтобы люди нашли спасение.

— И как же вы это делаете? — поинтересовался Лева.

— Очень просто, — сказала одна из сестер. — Где только ни случается, стараемся говорить о Христе, о Его спасении.

— И давно вы так начали служить Господу? — спросил Лева.

— Нет, недавно. Будто какая-то сила пробудила нас; мы были уже обращены к Господу, но огня не было, а тут вот получилось так: сходимся по двое, по трое и все молимся, и загорелся какой-то особый огонь, начали свидетельствовать другим, и Господь начал благословлять.

— Это удивительно, — сказал Лева. — Ведь я вот тоже много лет был в заключении и все больше молчал, а тут должен сказать вам: именно в этом году тоже появился в костях моих огонь, я удержался, но не мог и радуюсь, что души стали тоже искать Господа.

— Да, брат, — поделилась сестра Зина. — Вот пойду в баню мыться, помогаю какой-нибудь старушке, а сама ей о Христе говорю. А раньше так не было.

— Господь знает времена и сроки, — заметил брат Шангуров. — И Он посылает Духа Своего Святого для того, чтобы разбудить нас, чтобы мы стали восстановителями развалин. И удивительнее всего: Он Сам и двери открывает! Ведь раньше попробуй, похлопочи об открытии молитвенного собрания, сразу посадят. А тут и огонь Господь послал, и власть расположил. В общем, я вижу, Господь открывает дверь для благовестия, для спасения грешников.

Он предложил всем склониться на колени, благодарить Бога и молить Его благословить завтрашнее собрание.

Это были простые, но огненные молитвы, молитвы со слезами. Каждый сознавал, что предстоит что-то особенное — открытие молитвенного собрания. Какая это радость для сердца верующего, может понимать лишь тот, кто долго был лишен дорогих собраний, кто долго был в рассеянии.

Брат Шангуров пригласил Леву к себе ночевать, но беседовать долго они не могли. Лева чувствовал себя очень утомленным, глаза слипались. Сестра постелила постель, они спокойно заснули.

"Возлюбленному своему Ты даешь сон".

Глава 7. Огонь с небес священный

*"Проповедовать
благоприятное".*

лето

Господне

Луки 4, 19.

Когда Лева и брат Шангуров пришли в помещение молитвенного дома, оно уже было полно. Брат Шангуров вместе с другими старшими братьями сел за стол. Для Левы, как для гостя, нашлось место несколько поодаль. Люди все прибывали и прибывали. Мест для сидения не хватало, многие стояли. Нельзя передать того необыкновенно-праздничного, светлого выражения глаз, которые сияли у каждого.

Ведь это было необыкновенное воскресенье, и оно было воистину воскресение. Ведь тело Христа — церковь —

было уже как бы похоронено, тяжелый камень был привален к этой пещере прошлого. Все тогда, кажется, говорило, что с верующими покончено, что общины людей, следующих за Евангелием, стали достоянием истории. И вот, воскресение, церковь Христова в один час собралась вместе, она живая, она готова вновь и вновь славить своего дивного, распятого и воскресшего Спасителя.

Брат открыл собрание, пригласил к молитве. Поток молитв, казалось, был нескончаем. Каждый старался выразить не молча, но вслух благодарность Господу, что наконец-то долгожданное собрание открыто, Есть место, куда можно прийти и отдохнуть душой, напитаться драгоценным Словом Божиим и, подкрепившись, идти дальше по стопам Иисуса. Хора еще не было. После долгой разлуки голоса были не спешившиеся, но каждый пел от души, и родные мотивы наполняли душу особым чувством, которое покрывало все раны души, — те раны, какие имелись в течение долины смертной у каждого.

Каждый из братьев хотел сказать слово. Говорили просто, от души, и все было так близко и дорого. Тут не было братьев-ораторов, сильных проповедников. Большие труженики, претерпев крест, почивали в далекой пустыне жизни. Говорили простые братья, которых Сам Господь выдвигал на служение как восстановителей развалин.

— Посмотрим на Давида, — говорил один брат, — он много перенес, но как дорог ему Господь!

Брат читает 22-й псалом, в котором говорится о Христе, как о Пастыре, Который провел стадо свое через огонь и воду и вывел на злачные пажити, к водам тихим. "Нас Господь привел к водам тихим". Чего просит Давид? "Так благодать и милость Твоя да сопровождает меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни". Как он желал пребывать в доме Господнем, так и мы, братья и сестры, желаем пребывать в доме Господнем многие дни.

Шли минуты за минутами, часы за часами, собрание кончалось. Вознеслась глубокая благодарность Господу за то, что Он позволил сегодня быть всем вместе, славить Господа и наслаждаться дорогим Евангелием.

Собрание заканчивалось. Руководящий брат посмотрел на Лева и спросил:

— Может быть, вы, брат, тоже что скажете?

Отказаться Лева не мог. Правда, он несколько стеснялся своего вида. Все были одеты в самые лучшие праздничные костюмы, платья; он же был из заключения и выглядел более чем скромно.

Он встал у стола, открыл дорогое, подаренное ему Евангелие и прочел то, что лежало на сердце. Чувствовал он себя физически слабо, и казалось, никакого огня и силы не было в нем. Он прочел знаменитое место — 4 глава Луки, 18 — 19 ст. "Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу. Проповедовать лето Господне благоприятное". Исаяи, 61, 1-2.

Лева говорил об Иисусе Христе, Который оставил славу небес и пришел сюда, на нашу грешную землю, чтобы спасти людей.

— И вот это лето благоприятное мы переживаем сегодня, — говорил Лева. — Иисус Христос здесь. Он готов исцелить каждое сокрушенное сердце. Он готов освободить каждого пленника греха. Иисус сегодня пришел для того, чтобы неверующему, слепому дать зрение. Сегодня собрание открыто для того, чтобы отпустить измученных душой на свободу, освободить от всех дурных привычек, грехов, что мучает человека.

Лева видел, что собрание затянулось, и не намеревался говорить много. Он быстро закончил свое краткое слово:

— Я тоже испытал любовь Христа. Он освободил меня от греха. Он дал зрение, веру. Он, и только Он, лучший Друг моей жизни. И я полюбил Его; У меня была одна юность, я отдал ее Иисусу; если бы у меня было несколько юностей, я ни одну из них не оставил бы себе, а все их отдал бы Иисусу. Если есть здесь, кто измучен грехом, кто живет для себя и пленник своих привычек, кто погибает — покайтесь, придите к Иисусу сейчас же. Аминь.

Далее начал действовать Дух Божий. Грешники каялись. То одна, то другая душа вопияла к Богу, молила о прощении, молила об исцелении. Было что-то необыкновенное, чего многие никогда не видели в своей жизни. Покаяния продолжались, и из разных мест собрания вставали на колени новые души, которые просили милости у Господа. Пришел огонь с небес священник. Он прошел среди немощных тружеников и благословил их. Развалины восстановились. Новые живые камни готовились для того, чтобы войти в эту чудную постройку нового храма Божия. Приветствовали покаявшихся и небо, и ангелы небесные, и земля, все ликовало. И над всем стоял Тот, Кто был мертв, и вот — жив... Тот, Кому дана всякая власть на небе и на земле, стоял и благословлял тех, кто ищет святое Имя Его.

Трудно передать, что творилось в сердце Левы. Он ясно видел, что им, немощным, ничтожным, руководит Господь. Это Он не дал ему выехать в тот раз; как хорошо, что он исполнил этот текст: "Блаженны кроткие..." и не полез через очередь. Как ужасно было бы потерять то благословение, которому он был свидетель и в котором участвовал.

"О, как нужно быть чутким к внутреннему голосу! — думал Лева. — Сами по себе мы только орудия в руках Господа, и если будем послушны, то, несомненно, Он благословит и даст сверх ожидания, а если не так, будут только огорчения, несчастья и беды. Так хочется иметь благословение для окружающих, а это возможно только тогда, когда я буду поступать так, как велит Господь".

Леву окружали братья и сестры. Они убеждали его, чтобы он побыл у них с недельку.

— Как быть? — думал Лева. — Остаться — хорошо, но что говорит Господь? Внутренний голос говорил, что нужно идти вперед, не задерживаться, и это было не потому, что Лева ждал, что впереди будет все хорошо, и искал чего-то для себя.

Нет, он внутренне сознавал, что сделал то, для чего Господь его здесь оставил: встретился с верующими, порадовался, а теперь его ждут там, в родных местах. Он уже написал маме, что, возможно, заедет в Куйбышев.

Лева попрощался с дорогой, ставшей ему необыкновенно родной Уфимской общиной и пообещал по возможности вновь посетить их.

Подумать только! Он с верующими здесь пробыл только одно воскресенье, а так сблизился, как не сближаются люди, которые годами видят друг друга и пьют вместе. Это сделал Дух Святой через кровь Иисуса. Это величайшее родство, которое, вне зависимости от времени, образования, возраста, национальности, делает людей необыкновенно родными, истинными братьями и сестрами.

Глава 8. Семафор открыт

"Так говорит Снятый, Истинный, имеющий ключ Давидов, Который отворяет — и никто не затворит, затворяет — и никто не отворит..."

Откр. 3, 7.

Некоторые убеждены, что в жизни существуют духовные семафоры, подобно тому, как установлены семафоры на железной дороге. Когда семафор закрыт и горит красный свет, а поезд все-таки движется, то крупная или та или иная беда не минует. Когда же семафор открыт и горит зеленый свет, то поезд движется — это называется "зеленая улица", и он может безопасно передвигаться и достигать желаемого.

Так и в жизни христианина Господь устанавливает свои семафоры. И когда верующие присматриваются к ним, они видят, открыт или закрыт путь перед ними.

Если открыт — все устраивается и часто необыкновенно устраивается сверх ожидаемого, и благословение продолжается за благословением.

Если же идти по своей воле, не считаясь с теми указаниями, которые ставит Господь, или с теми или иными препятствиями, — получается беда.

Вспомним хотя бы ослицу Валаама. Это тоже был духовный семафор. В руках Господа ничего не трудно — закрыть или открыть. Но Он делает все это в планах Своих. Это Лева испытывал много раз, и в понедельник семафор был открыт. На его пути горел зеленый свет.

Когда он пришел в милицию, то очереди почти никакой не было. Ему быстро оформили бумаги, и он поспешил на станцию. Он знал: с билетами было трудно и часто люди просиживали днями, прежде чем могли уехать. Окно кассы было закрыто. Поезда, видимо, еще не ждали, и на станции было многолюдно, как обычно.

Внутренне Лева волновался:

"Неужели придется застрять из-за билета?" — думал он.

"Господи, Тебе ничего не трудно. Устрой!" — внутренне помолился он. Решил постучать в окно кассы, хотя оно уже было закрыто. На его стук в окно, оно открылось:

– Мне бы билет на Куйбышев...

– Пожалуйста! – сказали ему. — Только принесите справку о санобработке.

Лева побежал в пристанционную баню, где без затруднения, без очереди вымылся, провел дезинфекцию одежды, получил справку. Вот билет теперь у него на руках.

К отходу поезда проводить его пришли некоторые верующие.

– А мы не надеялись, — сказала одна сестра, — что вы получите билет, думали, что вы побудете с нами несколько дней...

– Нет, — улыбнулся Лева. — Господь открывает путь. Прошу только молиться обо мне, чтобы Он устроил все только к лучшему.

Они простились, долго махали белыми платочками. Махал и Лева, высунувшись из окна. Уфа исчезла из глаз.

Лева смотрел в окно, и воспоминания о минувшем невольно нахлынули на него.

Вот этой дорогой он ехал в Уфу, чтобы заниматься на подготовительных курсах для поступления в институт. Этой дорогой он возвращался домой уже студентом, зачисленным в институт, после сдачи экзаменов. Этой дорогой он опять ехал в Уфу учиться, полный радужных надежд и стремлений. Знал ли он, что пройдет немного времени, и все будет разбито, и пройдут годы, прежде чем опять этой дорогой будет он возвращаться в родной край. Нет, он не знал. Знал лишь Тот, Кто руководит судьбами человека и направляет все так, что все содействуют ко благу возлюбившим. Его явление, казалось бы, какое тут благо? Теперь он мог бы возвращаться домой с дипломом врача, с новыми надеждами, с желанием взобраться выше на вершины науки и делать новые открытия, чтобы приносить больше добра людям на поприще медицины...

Но увь! Он едет истощенным, усталым, освобожденным из заключения, где несправедливо, без вины, находился более пяти лет. За эти годы он ничего не приобрел, кажется, если не считать паспорта, по которому, казалось бы, вправду числится "обычным" гражданином. Какое тут уж действительно благо и кому это благо нужно?

Лева посмотрел в окно и невольно вспомнил как в первый раз в жизни, еще совсем юношей, он попал в тюрьму. Начальник ОГПУ Красноярска беседуя с ним убеждал его:

— Ну ты подумай; подумай: если Бог — твой Отец, то как Он обращается с тобой? Я вот, например, человек, а никогда бы не оставил своего сына в таких скверных условиях, в каких находишься ты. Или, может быть, Бог твой не всезнающий, Он не знает, что переживаешь ты? Или, может быть, Он не всемогущий, мы сильнее Его, и Он не может тебя освободить? Ну, если допустить, что Он всезнающий и всемогущий, значит, Он — не вселюбящий? Какая это любовь, допускать, чтобы ты, Его дитя, сидел в такой тюрьме и неизвестно, чем кончил...

На это Лева тогда спокойно отвечал:

— Я знаю, Он вселюбящий, Он всемогущий, Он всезнающий, и... то, что я попал в тюрьму, хорошо.— Ха, ха, ха! — смеялся начальник над ним. — Вот это здорово: попасть в тюрьму — хорошо!..

И вот теперь, перебирая в памяти прошлое, Лева вновь сознавал, что Он знает, Он силен, Он любит и Он устроит все как нельзя лучше. И если хоть одна душа найдет путь к свету, повстречавшись на этом пути с ним, он знал, он твердо верил: жизнь не бессмысленна, не бесцельна. Для того чтобы спасти хотя бы одну душу, стоит пожертвовать всем...

Глава 9. Предвесеннее

"Поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки".

Песнь песней 7, 13.

— Родной мой, — обнимала его мать. Сколько молилась, сколько ждала она своего сына! И не раз ждала. Это уже третий раз он возвращается из долгих лет заключения.

Когда-то Марии, матери Иисуса, было сказано: "И тебе самой оружие пройдет душу". И все матери, которые отдают своих детей следовать за Христом, знают, что впереди путь тернистый и их дочерям и сыновьям, если они истинно последуют за Христом, надлежит, пройти многие скорби, пройти не долиной роз, а долинами унижения и презрения, неся при этом груз больших испытаний. И их материнское сердце все несет, все переживает с теми, кого они посвящают Господу.

И несомненно, в будущем как радость, так и скорбь настоящая преобразится в чудный венец на глазах многострадальных матерей-христианок.

Приветствовали Леву и его три родных сестры и Анна Ананьевна, родственница, жившая в их доме, — одна из чудных служительниц Господних с двадцатилетнего возраста посвятившая себя на служение Христу.

Приветствовал Леву и Федор Лаврентьевич, отец его жены Маруси, которая находилась на фронте.

Как и всегда при прежних его возвращениях, начали с молитвы. Преклонили колена и горячо благодарили Бога за милость — ответ на молитвы, — за чудное свидание на земле...

— Ну, а как папа? Что пишет? — спросил Лева.

— Как ты знаешь, — сказала одна из сестер, — его взяли 2 июня 1943 года с некоторыми братьями, когда они стали собираться для молитвы. Много ему пришлось пережить, а теперь он в ссылке в Кокчетавской области, бодрствует, трудится...

— Ну, а как здесь, у вас, все так же община закрыта? — спросил Лева.

— Да, — ответила Анна Ананьевна, — закрыта, но повеяло теплом. Жизнь не удержишь, ведь война, горе, нельзя обойтись без молитвы...

И вот верующие все чаще стали заглядывать к слепой старушке нашего общества сестре Доминики Григорьевне. Заглядывать для молитвы. И теперь для молитвы приходят столько, что, почитай, целое собрание. Сначала приходили только сестры, братья опасались, а теперь и братья ходят — проповедуют.

— Слава Богу! — воскликнул Лева. — Везде чувствуется что-то предвесеннее. И хотя в природе еще снег кругом лежит, но на душе какая-то весна. Знаете, когда я был в узах на Урале, — сказал Лева, — я собрал целый гербарий весенних цветов. Собрал также стихи о весне наших русских поэтов и к этому сборнику приписал, что будет весна, обязательно придет весна, все зацветет, заблагоухает. И вот, как видите, оправдывается...

— Сегодня вечером собрание у Доминики Григорьевны. Пойдешь? — спросила его мама.

— Непременно! — ответил Лева.

Комнатку слепой учительницы Д. Г. Лобынцевой-Слегиной он хорошо знал. В ней могло уместиться очень немного народу. Доминикия Григорьевна была для него одной из самых дорогих сестер города. Эта старица была молитвенницей Левы, и Лева знал, что, дав обещание молиться о нем, она его исполняла.

Лева поразился, как много людей собралось в такой маленькой комнатке. Большинство стояло вплотную друг к другу, стояли и в комнатке и на кухне. Доминикия Григорьевна сидела на своей кровати.

— О, кто, кто? Я не знаю, — сказала слепая.

— Но вы догадайтесь, Доминикия Григорьевна.

— Ну, где тут догадаться? Столько людей к вам и приходят и приезжают...

— Это тот, за кого вы особенно молитесь.

— Неужели Лева?

— Это я, Доминикия Григорьевна! — сказал Лева, наклонившись и целуя старушку.

— Так будем благодарить Господа! — сказала слепая и начала молиться.

Пели гимн "Дорогие минуты нам Бог даровал".

Говорил слово Василий Алексеевич Кузнецов. Впоследствии он был избран пресвитером восстановленной общины. Говорил Лева. Было покаяние, и это наполняло всех радостью. Вот одна девушка вдруг воскликнула:

— Мое сердце каменеет, я необращенная, молитесь за меня... За нее молились, она плакала, каялась и отдалась Господу.

Леву особенно приветствовали как верующего вернувшегося.

— Так теперь будем жить и трудиться вместе! — говорили братья и сестры.

— Нет, — отвечал Лева. — Мне не разрешат здесь жить, в этом большом городе... Хотя бы где-нибудь поблизости. Я мог бы иногда навещать вас.

— А мы будем молиться, и Господь все устроит, — сказала одна сестра.

— Конечно, — согласился Лева. — Господь все может устроить и, кто знает, в свое время услышит нашу молитву. Но я всегда ко всему готов. Да будет воля Божия!

Глава 10. Униженные и оскорбленные

"Мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне".

1 Кор. 4, 13.

Недалеко от Куйбышева есть станция Зубчаниновка. Очень красивое, утопающее в садах место, селение. В нем жила родственница Левы, старушка тетя Паша. Она была молоканка и воплотила в себе все доброе, что имело в себе это глубоко духовное христианское движение: большое гостеприимство, стремление всем и каждому делать добрые дела. Когда Лева покидал родных, она сшила ему очень удобную подстилку из верблюжьего волоса с чехлом на нее и с сумкой в ней для хранения вещей. Эта подстилка всегда путешествовала с Левой, и на ней он спал.

Теперь у всех появилась мысль, что несомненно тетя Паша, которая жила одна, сможет хотя бы временно приютить Леву, он поищет там работу и сможет приезжать к родным.

Тетя Паша несказанно обрадовалась, увидев Леву.

— Да, конечно, конечно, — сказала она, — будешь жить, отдохнешь после тюрьмы, поправишься...

Лева пошел в амбулаторию, узнать, нет ли работы. Приняли его, как говорится, обеими руками: фельдшер был очень нужен.

Лева подал заявление и пошел прописываться в милицию. Дежурный взял паспорт Левы повертел и пошел к начальнику. Вернулся вместе с начальником. Тот грозно взглянул на Леву, вернул паспорт и сказал:

— Чтобы в двадцать четыре часа вас здесь не было! И обратился к дежурному, приказал:

— Немедленно возьми с него расписку, что он уезжает отсюда.

— Как же, почему я не могу здесь прописаться? Тут работа мне есть...

Начальник взглянул на него еще-грозней:

— Такого не пропишем! Немедленно убирайтесь отсюда!

— Куда? — спросил Лева.

— Куда хотите!

Сразу, как мыльный пузырь, лопнули его радужные мечты жить у тети Паши, отдохнуть и иметь постоянное общение с родной семьей и дорогой общиной. Грустно и больно... Но, Господи, Ты все знаешь...

Дома погоревали и снова, склонившись на колени, сказали все Господу.

Вечером на собрании Лева рассказал о своих обстоятельствах Василию Алексеичу.

— Да, — протянул тот. — Тебе надо куда-то подальше. Вот город Чапаевск...

— Ну, меня там не пропишут, — задумчиво сказал Лева. — Там химические заводы...

— Да, не пропишут, — согласился Василий Алексеич. — Поезжай-ка ты в Безенчук. Там сельская местность, там живет брат Пузанков.

— Да, я, пожалуй, поеду туда, — сказал Лева.

Безенчук действительно оказался чисто сельской местностью. Кругом поля, стада овец, коровы на улицах этого небольшого селения. Все, как в обычной деревне.

Лева быстро нашел избушку, где жила семья Пузанковых. Она была недалеко от станции. Встретили его очень радушно. Оба старичка Пузанковы, и муж и жена, хорошо знали родителей Левы. Его отец часто посещал их, и они были близкими друзьями в Господе.

— Как я рад, как я рад! — говорил старичок.

Когда они узнали, что Лева может остаться здесь жить, они тут же сказали:

— Квартиру искать не будем. Будем устраивать свои собрания. У меня тут сынок, дочка — уже подросли, тоже будут служить Господу.

Все, кажется, складывалось хорошо.

"Ну, — думал Лева, — наконец-то Господь устраивает..."

Лева пошел в амбулаторию — узнать насчет работы. Место фельдшера было свободно, и ему тут же предложили написать заявление, чтобы оформиться на работу.

— Ну, кажется, все слава Богу! — вырвалось у Левы.

Но все же он решил — прежде чем написать заявление, сходить в милицию, прописаться.

Дежурный милиционер принял его приветливо, велел принести домовую книгу для прописки.

— Ну вот, все будет хорошо! — сказала сестра-старушка, подавая домовую книгу.

— Да, я надеюсь, что все будет хорошо, — улыбаясь, сказал Лева.

А внутренне кто-то перед ним ставил другой вопрос:

— А если не удастся прописаться, это тоже будет хорошо?

Плоть Левы никак с этим не соглашалась.

В милиции Лева заполнил бланки. Милиционер взял его паспорт и домовую книгу и понес к начальнику. Вернулся

оттуда хмурый. Написал какую-то бумажку и подал Лева.

— Натя, распишитесь! — Лева прочел: "Обязуюсь в 24 часа выехать из Безенчука".

— Как же так? — спросил Лева.

— У вас такой паспорт, — сказал милиционер. — Прописать не можем.

Грустно стало на сердце Левой. Вот словно луч солнца выглянул из-за туч, и опять все темно, и тучи, бесконечные тучи...

Но он не унывал. Он знал, что выше этих туч есть Солнце, Которое никто и ничто не уничтожит, и что только Им мы движемся, живем и существуем.

Семья Пузанковых с грустью провожала Леву на станцию.

— Ну, дай Бог, еще встретимся! — говорил старичок, высоко подняв руку.

— Да, — сказал Лева, — непременно встретимся, если не здесь, то в небесной отчизне...

И он поднял руку, указывая на небо.

Глава 11. Испытание

"...Был болен, и вы посетили Меня..."

Матф. 25, 36.

Лева снова вернулся в Куйбышев. Опять был среди домашних. Что делать? Куда еще ехать? Где пропишут? Где найти работу? Что это за паспорт такой? Говорят когда-то были так называемые "волчьи билеты" и человека с таким билетом нигде не принимали, он должен быть без конца гонимым. Его участь — участь волка, которого все гонят, ненавидят. Ему нет места среди людей...

Молились опять Господу.

Что Он хочет? Внутри какой-то успокаивающий голос вселял надежду на лучшее. Ни отчаяния, ни уныния не было на сердце Левой. "Что я делаю, ты не знаешь, уразумеешь после", — вспоминал он золотой стих.

И вот, размышляя, смотря на карту, Лева решил поселиться в Сызрани. Это сравнительно небольшой город, там есть верующие, тоже, слышно, возникает община.

"Может быть, Господь предусмотрел, чтобы я остановился там", думал Лева.

И поехал, отыскивал верующих. Был на собрании. Проповедников было тут достаточно, некоторые старались говорить много и, как заметил Лева, говорили даже сверх написанного.

Его встретили радушно и сказали, что с квартирами в Сызрани трудно. Но есть одна бедная, больная вдова. Возможно, она приютит.

Лева пошел к этой вдове — Она была очень рада принять брата, но тут же сказала, что живет очень бедно. И вот — даже топить печку нечем.

Действительно в помещении было как-то сыро, холодно, неудобно.

"Ну, что ж, — подумал Лева, — где ни быть, лишь бы голову преклонить."

У вдовы был ордер на получение горячего сланца на топку печи, и Лева целый день помогал ей перевозить и укладывать сланец.

На следующий день пошел в райздрав. Свободных мест было сколько угодно. Предлагали хорошее место на одном заводе, в медпункте, и даже обещали через некоторое время квартиру. Все, кажется, наконец устраивалось... Но этот паспорт. Что это за паспорт?

Опять со встревоженным сердцем пошел он в милицию.

...Что лучше: удары жизни или ласки ее? Он вспомнил статью умершего еще в 1914 году пресвитера Самарской церкви Всеволода Ивановича Петрова, который писал, что удары жизни для христианина имеют великое значение. Через это он переплавляется ближе к Господу, и Он посылает благословение. Но довольно ударов, кажется, хватит их в жизни... но нет, опять удар. Паспорт вернули и отказались прописать.

Грустный пришел Лева к сызранским верующим.

— Вот что, брат! — сказал один из них. — Тут не согрешишь, а так делают.

И он наклонился к уху Левой:

— Все легко устроить, надо милиции взятку дать, немножко подсунуть, и все будет в порядке. Ведь, как говорится, "не подмажешь — не поедешь". Ты нигде не пробовал там это... взятку дать?

— Нет, не пробовал, — ответил, несколько хмурясь, Лева.

— Тут грешного нет, по-моему, — продолжал брат — Ведь сам понимаешь: без знакомства, и денег не сделаешь ничего.

Брат посмотрел на худое лицо Левой, на его бедную одежду и продолжали

— Может денег нет? Ты попроси родных или близких братьев, соберут тебе.

— Нет, сказал Лева, — это путь не по Христу. Вспомните, как в "Деяниях апостолов" не выпускали Павла из заключения, ожидая, что он даст денег. Но Павел де дал их.; Это путь не по Христу.

— Так знакомство надо, дорогой брат. — Надо выяснять, может, кто из наших верующих знаком с милицией...

— Знакомство у меня у самого самое большое. Я знаком с Тем, Кто управляет — всей милицией. Ведь, брат, подумай, — твердо сказал Лева, — управляет всем наш Господь. Он наш Самый близкий Знакомый, и если Он не даст санкции на мою прописку, то, значит, какие то у Него планы...

— Это ты, Лева, рассуждаешь очень высоко, — заметил брат. — Надо проще смотреть на вещи.

И вот опять он на станции, опять в очереди, опять волнуется, достанет ли билет на Куйбышев. Все так же идут набитые поезда во все стороны

Опять в поезде. Опять летят эти знакомые остановки... Какую радость он принесет родным?

Сам переживает, за него переживают, и кажется, никакого просвета. Надо скорей вернуться домой ведь там с нетерпением ожидает мама, чтобы увидеть его И узнать, какой результат.

Поезд подходит к Чапаевску. В этом городе он никогда не был. Он вспомнил, как ему рассказывали, что там, на одной улице, на окраине, живет один брат, вернувшийся с фронта, больной туберкулезом: Алексей Иванович Шапошников.

Кто-то даже говорил ему, что хорошо бы посетить больного. Но разве ему до посещения? Ведь он абсолютно не устроен в жизни. Чем порадовать больного, если жизнь полна невзгод? Вот устройсь, тогда, возможно, и поеду.

Поезд замедляет ход, останавливается на станции Чапаевск.

А ведь хорошо все-таки посетить больного!

Но, с другой стороны: ведь билет куплен до Куйбышева. И если он слезет здесь, билет пропадет, а со средствами у него так скудно... Что делать?

— Да, нужно ехать домой... Он стал прислушиваться к своему сердцу, и какой-то голос говорил ему: ведь посетить больного — посетить Меня. Ты столько для Меня и шел и неужели так ослабел, что не хочешь сделать маленькое доброе дело?

Лева поднимается, делает несколько шагов к выходу, но чувствует усталость, опускается на скамейку и мысленно произносит: "Не могу! В другой раз..." И опять какой-то внутренний голос говорит:

— Неужели ты не посетишь Меня?

Поезд трогается, Лева вскакивает, бежит, спрыгивает с вагона и рвет билет. Сразу на сердце стало легко. Он пошел искать ту улицу, где был дом больного брата.

Поднялся на крыльцо. Дверь оказалась незапертой. Он вошел. Слышались звуки фисгармонии. Он вошел в комнату. За фисгармонией сидел бледный, худой человек. Когда он взглянул на Леву, глаза его просияли и он протянул руку гостю.

— Вы, вы, вероятно, брат Лева?

— Да, это я. Откуда вы узнали? — спросил Лева, приветствуя Алексея Ивановича, которого видел тоже в первый раз.

— Я вас ждал, я много слышал о вас и молился, чтобы нам свидеться...

Голос его дрожал, на глазах были слезы.

— Если я пришел, то Господь прислал меня — это не моя воля. Они возблагодарили Бога.

Пришла жена Алексея Ивановича, Анастасия Ивановна, и стала готовить на стол, чтобы угостить гостя.

— Вот мои старшие дети, — говорил больной, знакомя Леву с Валею и Володей, которые учились в школе. Есть еще маленькие, о них не беспокоимся, а вот эти — старшие — уже отходят от Господа... Болит душа у меня за них...

— Ну; к вечеру, пожалуй, я уеду, — сказал Лева.

— Нет, и не думайте, брат! Тут столько у нас застывших... Ведь раньше тут была община, созовем, устроим собрание.

Лева остался.

Вечером в комнату натаскали ящиков, досок и устроили скамейки. Собрались верующие. Это было чудное, простое, но необыкновенно молитвенное собрание. Лева говорил о том, что настало время пробудиться от сна. Везде просыпаются верующие. Везде организуются общины. Господь открыл дверь...

Многие молились, молились со слезами, исповедовали грехи свои и вновь обещали так же, как и прежде, ревностно служить Господу.

На другой день Лева отправился. Душа его ликовала, он видел ясно, что Господь ведет его необыкновенным путем. Этот путь полон благословений.

На душе у него было вновь спокойно и тихо, даже светло. Невидимые лучи любви Божией пробивались через все тучи.

Глава 12. Изгнанный

"Блаженны вы, когда будут поносить вас и звать".

Матф. 5, П.

И снова был Лева опять в родном городе, в родном гнездышке, и опять они с семьей молились, прося Господа, куда и как надлежит поехать.

Лева решил пойти в облздрав и попросить, чтобы ему дали направление куда угодно, лишь бы работать. Там он откровенно рассказал, что вышел из заключения, нигде его не прописывают, нигде он не может устроиться на работу.

— За что вы сидели? — спросили его.

— В вязи с моими религиозными убеждениями, — ответил он.

— Вы верующий?

— Да, верующий, баптист.

— Да, конечно, все-таки вам должны дать работу, — сказали ему в отделе кадров. — У нас на периферии большая

нужда в фельдшерах. Дадим вам направление в село Колдыбань, там есть больница. Полагаем, что вас там пропишут.

— А как туда ехать? — спросил Лева.

— Поезжайте до Чапаевска, а там на машине до Колдыбани. И вот опять перед ним Чапаевск.

"Тут, видимо, какой-то план Божий!" — думал Лева.

Побывав вечером на собрании в Куйбышеве, на квартире Доминикии Григорьевны, Лева с легким сердцем направился в Чапаевск. Там, в семье Шапошниковых, его встретили особенно радостно.

— Дорогой брат, — сказал Алексей Иванович, — переночуйте у нас, вечером будет собрание, мы соберем, объявим, многие хотят слышать Слово Божие.

И опять необыкновенное собрание.

Руководил собранием старичок — брат Шагов. Лицо его сияло особой кротостью умиления. В слове участвовал и Лева.

Говорить приходилось мало, больше — молиться. Молитвы следовали одна за другой. Одна душа за другой отдавались Господу. Несколько человек уверовало из молодежи. Огонь Духа Святого действовал необыкновенно. Собрание продолжалось до трех часов ночи. Каждый изливал свое сердце Господу, каждый молился за спасение своих близких.

В конце собрания Лева проникновенно молился, благодарил Господа за чудные Его дела, что своими путями Он ведет и благословляет народ свой.

На следующий день его провожали в автомашине.

— Устройтесь на работу, когда будете ехать в Куйбышев, заезжайте к нам.

— Молитесь обо мне, — говорил Лева, — чтобы Господь привел меня к тихой пристани.

Была ранняя весна. Вот-вот, казалось, снег должен был таять, но завернули холода, и опять сыпал снег. Дул пронизывающий ветер. Когда добрались до Колдыбани, Лева несколько промерз. Ехал он на открытой грузовой машине и рад был обогреться в приемной главного врача больницы.

Главный врач, посмотрев его документы и направление облздрава, был очень доволен, что прислали фельдшера. Вызвал фельдшерицу и попросил устроить Леву где-нибудь на квартиру. Та пошла с Левой к одним знакомым, у которых была свободная комната, и те без всяких затруднений согласились принять Леву на жительство.

— Завтра утром пропишетесь в милиции, — сказала фельдшерица, — и приходите к нам в больницу. Старший врач сказал, что вы будете там работать.

Спокойно и крепко спал Лева. Вот наконец и тихая пристань. Видимо, все эти скитания нужны были для того, чтобы побывать в Чапаевске, чтобы новые друзья, новые души узнали о спасении и церковь еще более воспрянула.

Утром проснулся, умылся, внутренне попросил Господа указать текст, текст был самый приятный, блаженный: "Блаженны изгнанные за правду..."

"Вот сколько я был изгнанный, — думал Лева, — и наконец пришло... я могу сказать, что были трудности, были благословения, а теперь некоторый отдых."

В милиции его приняли сухо, официально, посмотрели документы.

— За что вы сидели?

— Да вот в связи с религиозными убеждениями.

Начальник резко встал и протянул паспорт Лева:

— Тут у нас и так хватает всяких сектантов, это старое сектантское гнездо, да еще фельдшер — интеллигенция села — будет верующий... Прописать не могу.

— Но почему, почему? — спросил Лева грустно.

— Я вам говорю, что не могу, и предлагаю вам немедленно удалиться из села.

— Да сейчас никакого транспорта нет, — сказал Лева.

— Это меня не касается. Я вас предупреждаю, — повышая голос, продолжал начальник, — чтобы вас сейчас же здесь не было, иначе я приму меры. А вы через час проверьте, — обратился он к милиционеру, — уйдет он из села или нет.

...Дует, дует холодный ветер с севера. Поднимает снег, метель. Степь безграничная, заснеженная. По дороге одиноко идет человек. Гонимый, презираемый, никому не нужный. Лева шел километр за километром. Грустные мысли вереницей тоскливо проходили в сознании. Никому он не нужный, без конца гонимый...

— О, Господи, что это такое?

Старые валенки трут ноги... А идти не близко. Он снял валенки и пошел в одних носках по снежной, обледенелой дороге. Он не чувствовал холода, он знал одно — что его гонят, что он должен идти и идти. А куда? Где будет пристанище? Он не знал. Он только верил в Отца, Который решает судьбы каждого, и, несомненно, не даст Он, Всесильный, погибнуть ему.

Силы быстро таяли, идти было трудно. Он останавливался, потом снова шел дальше. Легче идти летом. Лева когда-то много приходилось ходить пешком летом, когда он посещал ссыльных и заключенных... но теперь ему, одетому по-зимнему, идти было особенно трудно. Хотя бы машина какая... но машин не было видно... дорога, сколько не посмотришь в степь, пустынна. Медленно шел он. Уже вечерело.

— Господи, Ты видишь, у меня больше нет сил... Что это такое? Зачем?

Он вспомнил апостола Павла. У него были три "П", которым он решил с юности подражать. Это — апостол Павел, академик Павлов и знаменитый французский ученый Луи Пастер, который своими открытиями спас много человеческих жизней.

Для него путь в науку был закрыт. Он не мог подражать ни Павлову, ни Пастеру. А открыта была только одна

дверь. Это — жизнь по Павлу. Но как тяжела эта жизнь! Ведь он столько пережил, а до Павла ему было страшно далеко. Павел — это великая страданий, терпения, а в то же время величайших побед в христианстве. Он только лилипут по сравнению с Павлом... Но все-таки это путь благословенный... "Блаженны изгнанные". Но идти больше не было сил. Показалась какая-то машина, грузовая, военная. Лева поднял руку, его посадили. Машина быстро мчалась, и вскоре показались окраины Чапаевска, где он и слез.

Утомленный, изнемогающий, добрался он до семьи Алексея Ивановича.

— Брат, что с вами? — воскликнула Анастасия Ивановна.

— Меня гонят, — отвечал утомленным голосом Лева. Почти все время пешком пришлось идти из Колдыбани...

Его усадили у печки, на ноги дали теплые чesанки, накормили горячей пищей.

— Но вы так утомлены, сегодня собрания устраивать не будем, — сказала Анастасия Ивановна.

— Нет, нет, — возразил Лева. — Я уже почти отдохнул. Ведь меня для этого, видимо, Господь и вернул опять к вам.

И опять было чудное, благословенное собрание. Не только наслаждались пением, Словом Божиим, не только возносились благодарственные молитвы к Богу, но многие грешники открывали свои уста, каялись и находили мир у ног Иисуса.

Собрание продолжалось за полночь. Лева быстро уснул. На душе было светло и необыкновенно радостно...

На другой день он спросил Алексея Ивановича, как ему спалось.

— О брат, — я не спал совсем, я не мог спать! Ведь мой сын Володя покаялся, ведь моя дочка Валя покаялась... что может быть лучше?

— Да, слава Богу, слава Богу! — сказал Лева. — Это только Господь, это только Он, это только Его пути...

— А мы такие немощные и слабые...

Глава 13. Господь печется

"Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас".

1 Петра, 5, 7.

И опять он возвращался в Куйбышев. Казалось, что отчаяние, уныние должны наполнять его сердце. Но этого не было. В душе было ликование: были спасенные души, он жил и скитался не напрасно. И все тернии и невзгоды сердце не чувствовало; наоборот, был покой и глубокая уверенность, что есть Тот, Кто печется, заботится и все устраивает так, как никакой человек при всей своей мудрости и всех возможностях устроить не смог бы.

Ему стало ясно, почему первые христиане переживали все свои трагедии с величайшей радостью: они верили, они ощущали присутствие Божие и сила Божия помогала им не чувствовать страданий. В их сознании преобладало неземное. Поэтому Павел и писал, что "нынешнее временное страдание ничто по сравнению с той славой, которая открытается в вечности".

И домой Лева явился не грустным, а улыбающимся и необыкновенно радостным. Он делился впечатлениями не о своем неустройстве, не о том, как его гонят, а о том, какой огонь зажегся в Чапаевске.

После собрания, которое было у слепой сестры, он рассказал куйбышевской молодежи о тех благословениях, которые начались в Чапаевске, и те решили посетить Алексея Ивановича.

— Ну, а как вы, брат? Где же вы будете жить? — спрашивали

— Я не знаю, — весело отвечал Лева. — Господь знает, и верю, Он предусмотрел для меня самое лучшее.

На следующий день он снова отправился в облздрав. Там просто и откровенно рассказал, что его прописать в Колдыбани отказались.

— Ну что же с вами делать? — спрашивали его в отделе кадров.

— Ну, пошлите меня хоть в самое отдаленное место, я на все согласен, — отвечал Лева.

Посоветовались и выдали ему направление в село Пестравку.

— Это отдаленный район, далеко от железной дорога, нужда в медработниках большая, и там устроитесь, — сказали ему.

— А как туда ехать? — поинтересовался Лева.

— А через Чапаевск. А оттуда на машине прямо до Пестравки.

"Это необыкновенно! — подумал Лева. — Опять через Чапаевск! Какая радость! Опять встреча с дорогими, близкими, опять встреча с дорогой молодежью, которая отдала свое сердце Господу. И это печется Господь. Он Сам предусматривает планы и Сам определяет времена, когда и где быть. И все это к лучшему. Поистине сам человек никогда не придумает так, как делает Господь."

Когда Лева вновь появился на дороге дома Алексея Ивановича, его увидели Валя, дочь его, и сын Володя. Раньше они холодно смотрели на него и старались избегать встречи с ним. Теперь же они бросились к нему навстречу с сияющими от радости лицами и горячо приветствовали.

— Брат Лева, как, как вы смогли опять быть у нас?

— А вот так: еду устраиваться на работу в Пестравку. Все это сам Господь делает.

Алексей Иванович и Анастасия Ивановна, как только Лева вошел к ним, прослезилась и воздала благодарность Богу, что Он позволил им встретиться еще раз.

— К вечеру должны приехать и куйбышевцы, — сообщил Лева. Вечером было редкостное собрание. На нем присутствовали не только старички и старушки, не только люди средних лет, но была и молодежь, местная и приезжая, и все славил Господа, все с наслаждением слушали живое Евангелие и молились, молились. Новые души, ищущие Господа, находили мир у подножья Голгофы. Время пролетало, ночные часы бежали, а расходиться не хотелось.

Лишь только тот, кто бывал на собрании, где действует Дух Божий, где все просто, ничем не ограничено, в полной духовной свободе, — только тот поймет ту атмосферу любви, необыкновенно чистой радости и тишины, которая наполняет сердца...

На следующий день, провожаемый горячими молитвами и добрыми пожеланиями, Лева сел в попутную машину и отправился в Пестравку. В самой Пестравке, как слышно, верующих не было. Но кто знает, для чего и как ведет Господь туда?

Все поля покрыты снегом. Дорога еще не рухнула, но в воздухе, в самом сиянии солнца чувствовалось: вот-вот должна настать весна.

Приехав, Лева пришел к зав. райздравотделом и вручил ему направление из облздрави.

— Какими путями вы к нам, в Пестравку? — спросил тот Леву.

Можно было бы быть очень кратким и не рассказывать им о своих приключениях, но внутренний голос говорил Лева, что нужно быть откровенным. Он просто и кратко рассказал, что он из заключения, что он верующий, баптист, и вблизи большого города и около железной дороги его прописывать не хотят и вот направили к ним.

— Хорошо, — сказал зав. райздравом. — Вы сами никуда не ходите, давайте ваши документы и паспорт и идите отдыхать. Я сам схожу в милицию и куда следует, — конечно, постараюсь вас устроить, так как нам работники нужны.

На следующий день Лева был в райздравотделе. Когда он зашел к заведующему, по лицу того трудно было определить, положительный или отрицательный будет для Левы ответ.

— Садитесь, — сказал он. — Я не хочу огорчать вас. Ну, по всем инстанциям советовались в отношении вас, и я должен вам сказать, что я со своей стороны настаивал, чтобы вас оставили работать в Пестравской больнице, но бесполезно. Одним словом, в Пестравке вы работать не сможете. Но, знаете ли, нам нужно открыть фельдшерский пункт в одном селе. Село глухое, там только два колхоза. Так вот, если вы не возражаете, то поедете туда. Я уже говорил с главным врачом больницы, он сам поедет с вами. Найдете квартиру, откроете медпункт, будете работать. Согласны?

Лева не раздумывал. Выбирать, в сущности, не было никакой возможности. Беспокоиться тоже не о чем было. Ведь у руля его жизни Сам Господь. И как поется: "Не даст Он, Всесильный, погибнуть нам..." ч

— Да, я вполне согласен, — сказал он.

— Да, только знаете... но, в общем, вы понимаете, вы не маленький: вам сейчас нужно пойти на беседу к районному начальнику НКВД. Ну, а потом еще в военкомат, чтобы встать на учет.

Начальник НКВД оказался очень внимательным человеком. Он подробно и умело расспросил всю биографию Левы, все его приключения. А потом покачал головой и сказал:

— Ну, видно, крепко верующий вы человек, перевоспитывать вас не приходится. Запретить молиться вам мы не можем. У нас полная свобода вероисповедания. Только смотрите, никакой антисоветчиной не занимайтесь. Поймите, вы будете жить у нас, как на ладони. Каждое ваше слово, движение будут оцениваться.

— Я все понимаю, — ответил Лева. — И никакой антисоветчиной я не интересуюсь. Для меня только Евангелие и Христос — самое дорогое.

Военком тоже с ним побеседовал и в присутствии других, лиц сказал:

— Ну, желаю вам хорошей работы, только знайте: вы едете в очень темное село, очень темное.

Почему он назвал село "темным" и даже очень "темным" объяснено не было. Но Лева и без слов все понял. Его направили в село Тяглое Озеро, это селение, которое, начиная с XVIII столетия занимало в Самарской губернии особое положение, в котором народ спасался от гонений и притеснений из центральных губерний России и среди далеких степей, мирно трудясь, старались жить по Библии. Как описывает история, Тяглое Озеро и окружающая природа были исключительно богаты. Сюда явились в 1792 году молокане из Балашовского уезда нынешней Саратовской губернии и образовали особое молоканское поселение под именем сначала деревни, а ныне села Тяглое Озеро.

Это село, как описывается, по справедливости издавна считается своеобразным "Иерусалимом молоканства". Многие исторически известные далеко незаурядные события в деле духовного пробуждения народа связаны с этим селом. В этих местностях, а также по реке Иргизу в различных деревнях жили молокане, которые вдали от правительства и от духовенства стремились жить по-Божьи. Как описывает Ф. Ливанов, "в широких и необозримых степях, удаляясь от остальных людей, делаясь сынами природы, молокане не хотят знать ничего, кроме Библии, и предлагаются мысли о духовном и мирском царстве христиан на земле...". (Ф. Ливанов. Раскольники и острожники, т. 2, с. 417.)

Много лет с тех пор, как в этих местностях процветало молоканство. Там было большое духовное и евангельское пробуждение. Были и другие различные христианские течения.

И вот, Лева предстояло работать и жить в этом историческом селе, без упоминания о котором не обходится ни одно серьезное исследование по русской истории.

Помимо всего прочего, Лева знал, что его предки тоже пришли в Самару из этого села.

Когда-то в Тамбовской губернии крепостной одного помещика Семен Чекмарев, человек весьма религиозный, помогавший в службе священнику, стал читать славянскую Библию и, как следствие этого, отступил от православия. Разгневанный помещик отдал его в рекруты, и он, по условиям того времени, пробыл 25 лет военной службы. На службе Семена ценили как очень честного человека, и фельдфебель порекомендовал генералу взять его в денщики.

Несмотря на то что Семен крепко держался своей веры, генерал очень его уважал, посылал в город с ценными бумагами, доверял крупные суммы денег. Семен во всем был безукоризненно честен. Когда он уезжал домой, генерал награждал его. Вернувшись к себе, в Тамбовскую губернию, Семен не нашел там никого из родных. Многих своих крестьян, в том числе и семью Семена, помещик отправил на свои земли в Самарскую губернию, и нашел Семен свою семью в далеком Тяглом Озере. Там, в типично молоканской среде, его родные имели благословения как духовные, так и телесные. Со своим сыном Семеном Семеновичем Семен Чекмарев переехал в Самару, где на деньги, подаренные ему генералом, купил домик. Здесь его семья влилась в общину самарских молокан — духовных христиан.

У Семена Семеновича был сын Иван Семенович, родной дедушка Левы по матери.

Вот в какие края забросило Леву то, что люди называют судьбой. Лева понимал: это не была бессмысленная судьба. Это был перст Божий, имеющий особое значение. И село, которое местный военком охарактеризовал, как "очень и очень темное", на самом деле было издавна просвещено светом Христова учения. Попечение Божие он видел на каждом шагу и надеялся продолжать видеть его и в этом новом месте работы.

Именно поэтому на душе Левы было светло и спокойно.

Глава 14. К ним все желание мое

*"К святым, которые на земле, к дивным
Твоим — к ним все желание мое".*

Псал. 15, 3.

Вместе с главврачом больницы, который дал необходимые советы в отношении работы на селе, Лева погрузил оборудование медпункта на подводу, и они поехали в Тяглое Озеро.

Не доезжая до этого села километра три, они проехали селом, которое, как объяснил главврач, называется Садовка. Это была, в сущности, одна улица.

— Здесь когда-то было много садов, — объяснил врач, — жили люди зажиточные, занимались скотоводством, хлебопашеством, жили сытно. Ну, а теперь, как видишь, от садов ничего не осталось. Вон кой-где на окраине вишня растет...

Лева видел, что не только от садов, но и от многих домов тоже ничего не осталось. Местами были мазанки, даже не выбеленные, а просто вымазанные желтой глиной.

— Это вот тоже здесь один колхоз, который вы тоже будете обслуживать. Но сельсовет находится в Тяглом.

В селе Тяглое Озеро они подъехали к сельскому Совету. Председатель сельсовета принял их очень любезно и со вниманием отнесся к предложению доктора организовать фельдшерский пункт.

— Мы об этом давно мечтали. А вот скоро будет посевная, все это вовремя.

— Так нам нужно какую-нибудь избу, — сказал доктор, — чтобы там была ожидальня, комната приемная, комната, в которой мог бы жить фельдшер... Ну, и, само собой разумеется, помещение, где живет сама хозяйка, потому что она будет как уборщица.

Председатель задумался.

— У нас все село, которое растянулось версты на полторы, разделено на два конца; один конец называется "молоканским", другой — "православным". Так вот, я не знаю, где нам амбулаторию делать: в молоканском или в православном. В православном конце, пожалуй, и избы-то подходящей не найдешь, живут не так чисто, грязновато. А вот в молоканском — там избы подходящие; молокане раньше были люди состоятельные.

— Я не возражаю в молоканский конец, — сказал Лева.

— Вот у нас изба есть одна подходящая, — сказал председатель сельсовета. — У одной "мормонки". Дочь ее в другом селе, кто на фронте. Живет одна, и ей будет подходяще работать уборщицей.

— Пойдемте посмотрим, — предложил доктор, и они отправились.

Изба оказалась очень чистой, хозяйка — приветливой. И расположение комнат было удобное. Как войдешь — прихожая, она может быть ожидальней. Направо — комната для амбулатории, прямо — дверь в залу, где можно жить фельдшеру, а от нее дверь в комнату, где помещалась старушка-хозяйка. Все было очень удобно, и все единогласно решили, что здесь амбулатории и быть. Привезли из сельсовета ящики с медикаментами и оборудованием. Лева тепло распростился с доктором и принялся с помощью хозяйки оборудовать амбулаторию.

К вечеру он изрядно устал. Но все время, с тех пор как он прибыл сюда, мысль была только одна:

— Как вести себя?

Очень хотелось поскорее увидеть братьев, сестер, вместе с ними делить радости и горести. Никого он здесь не знал, но путем расспросов можно было легко найти. Но целесообразно ли сразу начинать общение с верующими? Ведь, в сущности, он едва-едва приземлился, сразу могут быть всякие недоразумения. Не лучше ли сначала показать себя как хорошего работника, образом своей жизни без слов выявить, что он христианин, а тогда все получится само собой. "Вначале дела, потом слова", — размышлял он. Но в то же время какая-то непреодолимая тяга, горячее желание — поскорее, поскорее увидеть родных, вместе с ними поблагодарить Господа.

Лева поужинал. Стоит ли хозяйке делать какой-нибудь намек, что он верующий, или жить, таиться перед нею в молитве?

Совсем стемнело. Хозяйка заглянула в комнату Левы, зажгла керосиновую лампу. Лева сел у стола и открыл свое дорогое Евангелие. Тихо. Лишь скрипят от ветра закрытые ставни.

Тихо, почти неслышными шагами вошла хозяйка. Лева подумал: "Вот она сейчас предложит стелить постель, пора

уж отдыхать". Но старушка посмотрела на него добрыми глазами, какими-то необыкновенными и вдруг сказала:

— Брат, а вы пойдете со мной на собрание?

Лева вскочил:

— Откуда вы знаете, что я брат?

— Как откуда? Все село знает, что приехал брат-фельдшер, лечить будет.

— Да откуда, как же? — недоумевал Лева.

— Я уж не скажу, откуда, — сказала старушка. — Только все братья и сестры собрались, ждут вас.

Лева тут же оделся, и они пошли.

На улице было совершенно темно, как говорится, хоть глаз выколи. В двух шагах — ничего не видно. Лева шел за хозяйкой.

Вошли в какой-то переулочек. Потом показалась изба, сквозь закрытые окна которой проблескивал луч света.

— Вон там собрание, — тихо сказала старушка. Они вошли в прихожую. Лева разделся, пришла старушка, а за ней и он.

В большой комнате на скамьях сидели женщины и мужчины. Впереди, на столе, на котором горела яркая керосиновая лампа, лежала открытая Библия. Вокруг стола сидели с большими белыми бородами глубокие старики. Все собрание пело. Это был знакомый, близкий сердцу Левы гимн. Но пели его как-то по-особенному, с каким-то степенным, особо широко разливающимся напевом. Леве указали место около старичков. Он сел, а пение все продолжалось. Они пели:

"Время, как река, течет
непрестанно все вперед;
с каждым днем ясней пред мною
смерть является с грозой".

Лева попытался присоединиться к пению, но слезы непрерывной рекой хлынули из его глаз. Он не мог удержать их, они текли и текли. Это не были слезы отчаяния, горя, это были слезы какой-то особой радости. Радости о том, что он вновь видит родных, близких, которые, тоже неся каждый свой крест, идут за Христом и уповают только на Него.

Он только пропел:

"Но я верю всей душой:
Бог со мною, Бог со мной!"

Потом он закрыл лицо руками, сквозь которые пробивались слезы, и только слушал, как пели:

"Бог меня Своей рукой
Сам ведет в борьбу со тьмой,
И в минуту утомленья
Он дает мне подкрепление:
И я верю всей душой:
Бог со мною, Бог со мной!"

Вижу я в пути земном
Искушения во всем,
И мне в сердце яд отравы
Хочет влить наш враг лукавый;
Но я верю всей душой:
Бог со мною, Бог со мной!"

Не страшусь, когда друзья
Оставляют вдруг меня
И гонений ряд суровый
Возведут на Божье слово;
Но я верю всей душой:
Бог со мною, Бог со мной!"

Когда кончилось пение, один из старичков прочел из Слова Божия и все, преклонив колени, единодушно обратились к Богу. Благодарили за многое и благодарили за то, что Бог послал им брата.

Ему предложили сказать слово. Никакого колебания не было в душе Левы, что нужно воздержаться, что это опасно, сразу выступать со словом. Разве можно отказываться читать Евангелие, когда просят? И он читал, говорил о любимом Спасителе Иисусе Христе, Который так роднит, что, только встретившись, мы уже любим друг друга, мы уже понимаем друг друга.

Здесь, на этом собрании, Лева особенно ясно почувствовал, что Господь привел его к тихой пристани.

Здесь, среди старых верующих, родных братьев и сестер, на этом простом собрании, он может отдохнуть после стольких испытаний и иметь новое благословение.

Утром он приступил к работе. Все шло хорошо. Пришел человек из сельсовета и вызвал его к председателю. Председатель был почему-то весьма возбужден и расстроен.

— Идемте со мной, — сказал он Лева. Они пошли по улице. Председатель наклонился к нему:

— Я это никому не скажу, но мне сообщили, что вы вчера будто бы попали на сборище сектантов. Как, почему, зачем вы заинтересовались ими?

— Тут ничего удивительного нет, — сказал Лева. — Я это ни от кого не скрываю. Я сам верующий, евангельский христианин – баптист, и все искренне верующие во Христа — мои братья и сестры.

— Да?! — удивился председатель. — Странно, странно! Но я должен вам сказать, я вам зла абсолютно не желаю, можете верить в душе, конечно, каждый может, но вы фельдшер, являетесь представителем советской интеллигенции села, и никак не совместимо, если вы будете иметь связь с сектантами.

— О том, что я верующий и что всегда имею общение с верующими, об этом знают все, — сказал Лева, — и в Пестравке начальник НКВД и другие знают, что я — баптист, а мы, баптисты, неразлучны друг с другом. На работе же это нисколько не отразится. Ведь вы знаете, верующие — добросовестные люди.

— Да, я изучил здесь и молокан и баптистов, — сказал председатель. — К труду они относятся добросовестно. Одно только плохо: веруют.

— Ну вот и я, безусловно, буду относиться к своим обязанностям добросовестно и полагаю, что все будет хорошо. Где бы я ни был, меня как работника везде ценили, — сказал Лева.

— Ну хорошо, хорошо, — более спокойным голосом сказал председатель. — Надеюсь, что все будет хорошо. Только вы, пожалуйста, с нашими работниками – с секретарем и с другими — о вере не беседуйте, не шумите. Пусть только я буду знать об этом, и все...

Лева ничего не ответил, и они стали разговаривать о предстоящей прививочной кампании.

— Это самое трудное дело у нас, — сказал председатель. — Народ невежественный, никаких прививок не хочет.

— Но я надеюсь, что проведу это успешно, — сказал Лева.

— Как только будет все готово к прививкам, — сказал председатель, — дайте мне знать, и я вам в помощь секретаря комсомольской организации выделю и заведующую избой-читальней.

— За это спасибо большое, — сказал Лева и они расстались.

Глава 15. Не молись!

"Кто постыдится Меня и моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет во славе Отца Своего со святыми ангелами".

Марка, 8, 38.

Это было в конце марта 1945 года, когда Лева приступил к работе фельдшера в селе Тяглое Озеро. Жители двух колхозов до этого обращались за медицинской помощью в село Пестравку, на что тратились непроизводительно время и силы. Теперь же они были рады лечиться в своем селе. Кроме амбулаторного приема, продажи медикаментов, Лева вел санитарные наблюдения и медосмотр учеников двух школ, которые были в этих двух селах.

Так как предстояла прививочная кампания, он прочел лекцию в избе-читальне об инфекционных заболеваниях. Крестьяне на лекцию собрались, с интересом слушали и задавали вопросы. Лева особенно оттенил важность профилактических прививок против брюшного тифа и сыпного тифа.

Питаться он решил у хозяйки, которой обещал платить за это по договоренности. В это время с продуктами на селе было очень трудно. И каждый кусочек хлеба был дорог каждому. Учитывая бедность Левы, председатель колхоза отпустил ему по государственной цене на 8 рублей 10 кило капусты, 10 кило картофеля, 6 кило муки. Можно было жить уже не голодая. А когда хозяйка из этой муки испекла пироги с сушеной свеклой, то это было уже не только вкусно, но и сладко. Сахара тогда не было.

Наступил день прививок. Весна давала о себе знать, снег таял. С раннего утра Лева вместе с выделенными ему помощниками — секретарем комсомольской организации и заведующей избой-читальней — двинулся с одного края села, заходя в избы и делая прививки. К удивлению его помощников, люди почти без всяких уговоров соглашались делать прививку, подставляя спину.

Зашли в одну большую избу, где у окна сидел старик с большой черной бородой и чинил сапог. Много детей играло тут же, на полу. Старик встал, повернулся к вошедшим и, протягивая руку Лева, сказал:

— Приветствую, брат!

Лева спокойно ответил "приветствую", пожал руку и приступил к прививкам. Когда они вышли из избы, секретарь комсомола, с удивлением смотря на Леву, сказала:

— Ну, и чудеса в решете! Я чуть не расхохоталась! Подает вам этот мужик руку и говорит: "брат". Какой вы ему, а он вам брат? Вы человек городской, наверное, тоже в душе посмеялись. Простота мужицкая!..

Лева промолчал, потом сказал:

— Видать, люди у вас добрые тут, по-братски относятся. Они шли из дома в дом, стараясь охватить до обеда ту часть села, которая называлась "молоканским концом".

— Вот сейчас мы зайдем в избу, — сказала зав. избой-читальней, — здесь живет несчастная женщина, мужа убили

на фронте, и осталось у ней пять малых детей... Да, впрочем, не она только, но много у нас вдов появилось во время войны.

Они вошли в избу. Чисто, опрятно. Около женщины, что сидела за столом, было двое маленьких, остальные, видимо, ушли в школу.

Лева узнал в сидящей женщине верующую сестру. Она не подала вида, что узнала Лева, но когда они расположились на столе и стали готовиться к прививкам, она взяла с полки большую Библию, открыла ее и, больше смотря на Лева, чем на его помощниц, начала читать вслух:

— "Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; и если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж".

Прочтя это место, женщина сказала:

— Я думаю, что прививки ни к чему. Если Господь не сохранит здоровье, то ничего не поможет и тифом заболеешь, а если сохранит, и без прививок сохранит.

— Да, — сказал Лева, — но вы ведь читали, что Сам Христос не отвергал врачей, но сказал: "Не здоровые имеют нужду во враче, но больные". И вот. Он умудряет врачей, как людей, охраняющих здоровье, проводить определенные мероприятия, прививки для того, чтобы здоровье людей сохранялось. Ведь все хорошее от Бога, не так ли?

— Оно так, — сказала женщина и стала раздеваться, чтобы сделать прививку.

— Это вы здорово! — сказала секретарь, когда они вышли. — По-ихнему вроде поговорили, и все вышло. А я думала, что нам придется протокол составлять или в сельсовет тащить, что срывает оздоровительные мероприятия.

Время уже было за полдень. Все они крепко проголодались.

— Вот что, — сказал Лева, — пора обедать. Я сказал хозяйке, чтобы был готов обед. Если вы пойдете сейчас к себе домой обедать, да готовить там будете, времени много потеряете. Давайте пойдете ко мне сейчас, в амбулаторию, поедим, а потом переклочимся на православную часть села. А завтра проведем прививки в Садовке.

В душе Лева немного волновался. Угостит он их, конечно, с радушием, и хозяйка достаточно наварила щей, но — как с молитвой? С одной стороны, опять какой-то "задний" ум подсказывал ему: "Ты усади их в амбулатории, пусть они поедят там, а сам в своей комнате поешь". Или еще другая мысль: "Ну а что, если в душе помолиться, греха не будет, ведь приходится же в столовых при себя молиться".

Он попросил хозяйку накрыть стол в амбулатории и приготовить обед на троих. Пока подавали пищу, он знакомился со своими помощницами. У одной был нервный ребенок и муж офицер, на фронте. У другой тоже муж на фронте — они недавно поженились.

Из их рассказов Лева понял, что они были очень хорошими активистами на селе и работники партии были ими довольны.

Когда налили щи, которые аппетитно дымилась и пахли очень приятно, Лева нарезал домашний хлеб и вдруг, вместо того чтобы приглашать есть, сказал:

— Я вас уважаю, надеюсь, и вы меня. Поэтому разрешите мне вам сообщить, что я человек верующий и перед пищей помолюсь.

— Господи, благодарю Тебя... — начал он, обращаясь к Всевышнему. Но молитву его прервали страшные крики. Обе его помощницы вскочили и испуганно закричали:

— Не молись! Не молись! Не молись!..

Но Лева продолжал спокойно молиться. Когда он кончил и сказал "аминь", он, улыбаясь, посмотрел на них и сказал:

— Не тревожьтесь, ничего особенного... Ведь это очень хорошо, что человек знает своего Небесного Отца, он не сирота, не бессмысленная пылинка на этой земле, и хорошо, когда благодарят Бога, дающего жизнь и создающего условия пищи для всего живущего.

Они молчали, он ел и продолжал угощать их. Наконец и они стали есть с аппетитом и в самом благодушном настроении закончили обед.

— А вы никому не скажете? — спросила секретарь комсомола. — Только, смотрите, никому! Получила я письмо от своего мужа, он офицер, и хороший, а пишет мне: "Молись обо мне, молись!"

— Ну, и как вы? — спросил Лева.

— По правде сказать, — ответила она, опустив голову, — молюсь о нем, как умею: дай Бог ему живым вернуться!

— И я, бывают минуты, — сказала заведующая избой-читальней, — тоже молюсь. Ведь жизнь как жизнь, но не то это: ведь мы понимаем это, сознаем — душа хочет лучшего...

Впоследствии Лева не раз приходилось дружески общаться то с одной, то с другой из этих женщин. Они относились к нему с большим уважением и делились горестями, самыми тайными обидами. И, наблюдая их, Лева убеждался, что в их душах, там, глубоко под пеплом внешней жизни, тлеют искры Божий...

В этот день они сделали все, что намеревались, и когда в райздраве узнали о цифре проведенных прививок, там были, с одной стороны, удивлены, а с другой — очень благодарны Лева.

Глава 16. Дорогое общение

*"И опять оживлял меня и из бездны земли
опять выводил меня".*

Псал. 70, 20.

Живя и работая в Тяглом Озере, Лева переживал необыкновенно счастливые минуты, когда бывал на собраниях верующих.

Многие молокане, а также просто интересующиеся, тоже приходили и слушали Слово Божие. Господь касался сердец, и самое радостное было в том, что и здесь находились гибнущие души, которые сознавали свое бедствие, обращались к Богу, каялись и получали новую жизнь.

Руководивший местной общиной старичок пастух брат Федюнин от души радовался, что Господь пробуждает общину, что многие духовно просыпаются и открыто исповедуют свои грехи. Исповедовал свои слабости и недостатки и сам брат Федюнин.

— В эти весьма трудные годы, — говорил он, — голод стучался в двери, и были случаи, когда от великой нужды люди поступали нечестно. Чтобы прокормить детей, брали колоски с колхозного поля и вообще делали то, что осуждала совесть. Теперь, проснувшись, мы оплакиваем свои слабости.

Лева вновь и вновь проверял себя. В своих записках, дневниках, которые он вел, а также на страницах книги Л. Н. Толстого "Круг чтения", он вновь отмечал свое бессилие перед Господом и молил о мудрости дорожить временем.

Немало времени уходило также и на то, чтобы писать письма и отвечать на них. Он аккуратно писал своей жене Марусе, которая была в авиации, ведущей наступление, начиная от Сталинграда. Писал он и своей маме, и многим близким в Куйбышеве, в Уфе, в Белорецке и в дорогом Чапаевске. Для более аккуратного корреспондирования он даже составил особый график и старался следовать ему. Шли недели. Он вникал в Слово и в то же время читал книги, особенно художественные произведения Льва Толстого, перечитал его "Воскресение". Несмотря на занятость, он все время чувствовал какую-то тревогу, тоску. Это была тоска по тем близким, отдавшимся Господу, которые были в Куйбышеве и в Чапаевске.

Однажды ему из райздравики дали командировку в Куйбышев, за медикаментами. Это была большая радость. Неожиданно появился он в доме Алексея Ивановича, его обнимали, целовали, как самого родного.

А вечером было собрание. Перед собранием он вместе с некоторыми юными посетил дочь одной сестры. Она была совершенно неверующая.

— Мне идти с вами на собрание, — говорила она, — совершенно незачем. У меня другие интересы. Ну, пусть ходит моя мама, старушка, это понятно...

Дух побуждал пришедших убедить ее пойти с ними на собрание. Наконец она согласилась, но когда они пришли, собрание уже началось, и даже в сенях не было места. Она осталась в прихожей, а Лева и другие с трудом протиснулись вперед. Молились, пели, читали Слово Божие. Когда был вознесен призыв — что Господь спасет и ныне, и каждый может воззвать к Нему, люди каялись. Перед самым концом молитвы из прихожей вдруг послышались рыдания:

— Я погибшая, я погибшая... — вся в слезах говорила та девушка. — Ведь когда были взрывы, я осталась жива; я знала, Бог чудом сохранил мне жизнь, но я отвергала Его, а в душе сознавала: Он любит. Господи, прости мою душу грешную! — молила она. И Бог ответил ей. Она получила радость прощения, ее приветствовали родные ей теперь сестры, целовали ее и она целовала их.

Огонь, чудный огонь, небесный огонь горел в Чапаевске...

С радостным и переполненным благодарностью Богу сердцем Лева пришел к своим домашним. Вместе с мамой преклонив колена, он благодарил Всевышнего, что он вывел его из бездн земли, вновь оживил и дал возможность трудиться и радоваться на нивах Его.

В Куйбышеве он тоже был на собраниях, тоже проповедовал Слово Божие. По окончании собрания, в тесном общении с близкими и приближенными, он рассказал о дивном огне, который горит в Чапаевске.

— Так поедем же в Чапаевск! — говорила молодежь.

— Поедем и мы! — говорили приближенные, которые еще не успели покаяться.

И они поехали. Поехали для того, чтобы увидеть огонь Чапаевска. И Господь сделал дивное, чудное, и те души, необращенные, что приехали из Куйбышева, покаялись, отдались Господу.

Новые друзья, новые братья, новые сестры... Льетса песнь торжества, песнь хвалы Господу, и горят, горят юные души огнем желания служить Господу, служить Евангелию.

А потом опять в путь, в Тяглое. Опять встреча с дорогими братьями — старцами и старушками, и их дивное, проникновенное сельское пение, которое Лева полюбил, пожалуй, больше, чем городское нотное.

Живя в Тяглом Озере, Лева особенно полюбил этих глубоких старцев, этих старушек, которые многое изведали в этой жизни и все утешение и прибежище находили в Господе-Вседержителе.

Богата и чрезвычайно интересна история села Тяглое Озеро. Это село — живое свидетельство вековых исканий русского народа. Я не напрасно упомянул несколько выше, что название этого села упоминается во многих серьезных исторических исследованиях, в курсах истории России.

В начале 20-х годов XIX века здесь среди так называемых "старых", или "постоянных", молокан с немалой силой вспыхнуло особое движение духовного пробуждения, и тогда это село причинило много беспокойства правительству и духовенству. В селе, как описывают, образовалось "государство в государстве". Люди, читающие Библию, Евангелие, стали стремиться к возрождению нравов первоапостольской церкви, к жизни по примеру первых христиан. Среди молокан своей решимостью обновить жизнь и своими организаторскими способностями особенно выделился брат Михаиле Акинфиевич Попов. (Кстати, старушки Поповы, молоканки, и донныне живут на окраине этого села). Он учредил среди молоканства движение "общих", то есть коммунаров. В его проповеди большое место занимала мысль о воплощении Бога в человеке. В основу было положено стремление к достижению духовной чистоты.

По историческим данным, Попов, будучи человеком весьма богатым, все свое имущество раздал своим бедным

"шабрам" (соседям) с тем, чтобы по слову Писания, гласящего, что "все верующие живя вкупе и имея вся общая", восстановить древнехристианскую гонимую общину и таким путем очистить молоканство, блуждающее, по смерти Уклеина, во тьме сомнений и с крупными зачатками разложения".

М. А. Попов все свои усилия направил на создание особой общины, которую он назвал "праведным селом", "станом спасения" и прочими названиями ("Сион на земле", "Сион-город"). Как пишет М. В. Муратов в книге "Русское сектантство и задачи его изучения", в своем "праведном селе" все движимое и недвижимое имущество сделал общественным достоянием, и доходы от всего этого шли в общую кассу. "Из этой кассы, сообразно потребностям каждого, отпускались средства на приобретение скота, сельскохозяйственного инвентаря и всего необходимого, до обуви и одежды включительно.

"Общие" весьма своеобразно поняли одно из мест Св. Писания, в котором апостол, обращаясь к верующим, предостерегает их от бесчинства, то есть от всего того, что в наши дни привычно зовется пьянством, распутством, хулиганством. Слова апостола: "Молно вас, братья, не ходите бесчинно" Попов и, его последователи поняли так, что апостол рекомендует им такой образ жизни, при котором каждый бы член общины был бы наделен каким-нибудь "чином". Такое понимание Писания привело к тому, что и для управления общиной были обязательно выделены двенадцать "чинов" (в числе этих двенадцати должны быть три женщины). "Первый чин — судья — должен был толковать Св. Писание, руководить другими чинами и председательствовать на духовном собрании...", "Внутренняя и личная жизнь каждого также подлежала регламентации — тайнику, "совести церкви" — открывались на исповеди все согрешившие и сомневающиеся; "мысленник" обязан был следить за словами других и, находя людей, как выражался М. А. Попов, "с разлаженным мысленным порядком", направлять их к судье, который должен был усевещать их и иногда отдавать на суд других чинов". "Особые чины, мужчина и женщина, следили за супружеской жизнью каждого...", "Словесник" и "молитвенник" читали во время богослужения псалмы и молитвы, а "духовница" являлась хранительницей... тех рукописей, которым придавалось значение". "Благодаря такой организации община не только не распалась вскоре после своего возникновения, но стала расти и богатеть и находилась в цветущем состоянии..." Конечно, правительство и духовенство не могли благодушно смотреть на появление и развитие в самарских степях подобной формы христианского коммунизма. В результате М. А. Попов и его ближайшие сотрудники были арестованы, на "общих" начались суровые гонения. Сам Попов был сослан на Кавказ. [С. В. Максимов. Сибирь и каторга, т. 2, с. 259. Содержательная книга М. В. Муратова по обстоятельствам переживаемого времени не издана до сих пор. Московским "Обществом истинной свободы в память Л.Н.Толстого" в 1919 году издано краткое изложение из книги Муратова под названием "Русское сектантство". Все цитаты заимствованы оттуда.]

Но ни ссылка, ни тяжелые условия жизни в Закавказье среди "инородцев" не ослабили энергии этого сильного духом человека, прирожденного народного вождя, или, как называет его М. В. Муратов, одного из многочисленных в сектантстве "народных интеллигентов". Он и там, в Закавказье, умудрялся создать такую же оригинальную общину, как в Тяглом Озере.

Как описывают историки, и эта община достигла большого духовного расцвета и материального благосостояния. Но, как и следовало ожидать, последовали неизбежные репрессии, и М. А. Попов был снова сослан, на этот раз в Восточную Сибирь. Там, в селе Шуше Минусинского округа Енисейской губернии, Попов вплоть до смерти продолжал неослабно трудиться на пользу прочно овладевшей им идеи христианского коммунизма. Сибирские молокане, познакомившись с Н. А. Поповым, заинтересовались его учением, и там, в Сибири, он снова нашел последователей, которые желали жить как первые христиане — одной единой, общей общиной, или, что то же, коммуной.

Из всего сказанного ясно, что то, что родилось в селе Тяглое Озеро и в его окрестностях, как прямой результат чтения Евангелия, — мысль о совместной жизни на земле, о том, чтобы все было общее и не было нуждающихся, — такая мысль захватывала сердца многих, и только жестокие преследования царского правительства подавили его самобытное народное движение.

Впоследствии, когда Лева получил возможность ближе ознакомиться со многими историческими источниками, которые в описываемое время (1945 г.) ему были неизвестны, он смог воочию убедиться в том факте, что целый ряд авторов описывает это замечательное духовное движение в русском народе, с такой силой обнаружившее себя в далеком, заброшенном степном селе. О Тяглом Озере и о движении "общих" писали, в частности, известный народник Всов (Каблиц) — см. его очерк "Русские диссиденты", известный исследователь сектантства А. С. Пругавин — см. его изданную в 1905 году книгу "Раскол и сектантство в русской народной жизни".

В четвертом томе "Русской истории с древнейших времен" М. Н. Покровского (изд-ва "Мир", 1920), написанной автором, как известно, в сотрудничестве с акад. Н. М. Никольским, этот последний пишет: "Попов всецело проникся мыслью о том, что молоканская организация должна восстановить организацию первоначальных христианских общин. Поэтому он начал с того, с чего начали, по словам Деяний, все новообращенные христиане: роздал все свое имение соседям и сразу приобрел последователей в лице всего населения двух селений: Яблоневого Гая и Тяглое Озера".

Известный историк самобытных народных движений проф. А. П. Попов в своих исторических исследованиях (б., т. 1, СП, 1906, с. 585) отмечает, что в своем движении М. А. Попов выразил "замечательный, своеобразный общинно-устроительный умственный такт нашего простого рабочего народа". Современный исследователь А. И. Клибанов (см. его "Историю религиозного движения в России". М., 1965) также уделяет большое внимание движению "общих", возникшему в Тяглом Озере. В 1833 году, по его словам, в селе жило около пятисот членов молоканской секты (с. 136 – 144).

Наконец, нельзя обойти молчанием тот любопытный факт, что в 1920 году описываемое село посетил член английского парламента, лейборист, квакер по убеждениям, Чарльз Роден Бекстон. Его интересные путевые записи о

пребывании в Тяглом Озере изданы в 1923 году. Госиздатом под названием "В русской деревне", с предисловием члена коллегии Наркоминдела, впоследствии академика Ф. Ротштейна.

Большого расцвета духовная жизнь села Тяглое Озеро и окрестных молоканских сел достигла, когда в начале XX столетия с Кавказа и с Нижней Волги пришла весть о спасении через искупительную жертву Христа. Это была новая струя. До этого молоканство свой способ спасения видело только в добрых делах и в этом смысле больше всего основывалось на выраженном в послании ал. Якова общеизвестном и общераспространенном изречении, что "вера без дел мертва есть".

Теперь вера в Христа, как в Спасителя, обновляла жизнь, создавала ей новую основу. Движение евангельских христиан (баптистов) захватило многих и многих жаждущих правды. В селе Тяглое Озеро стали расти братская община баптистов, и целый ряд молокан и православных полностью отдались Христу. Это движение достигло своего расцвета, начиная с февральской революции 1917 года и по 1928 год. В эти годы жизнь верующих, трудовая и честная, нередко по воскресным дням превращалась в сплошной праздник: съезды, гости, посещение друг друга... Огромные столы, где принимали пищу в простоте и веселии сердца...

Не было ему тогда между ними нуждающихся: каждый спешил оказать любовь больному, нуждающемуся.

В духовном росте последователей евангельских христиан большое содействие оказывали проповедники, приезжавшие из Самары. Среди них был известный своей глубокой духовной жизнью пресвитер Самарской общины Сергей Ананьевич Колесников. Он погиб, став жертвой чистой случайности.

На одном из собраний в этом селе в связи с тем, что помещение собрания было переполнено и было очень душно, решили открыть окно. Открыли, и, к несчастью, Сергей Ананьевич простудился и заболел воспалением легких в весьма тяжелой форме. В это самое время в Самаре происходил братский съезд. Ждали дорогого пресвитера, но вместо него привезли в молитвенный дом гроб, в котором покоился пресвитер. Он был молод, полон энергии, но Господь почему-то взял его прямо со своей нивы.

...Вот на это-то место, в это село былых побуждений и больших духовных движений народа, и привел Господь Леву.

Здесь было огромное поле труда — труда среди родных братьев, сестер и их семей; труда среди молокан, которые духовно оскудели, но не перестали быть молоканами и не переставали стремиться к лучшему; труда среди православного мира, который, ведя, в общем, грешную жизнь, все еще сохранял понятие о Боге. Среди православных, кстати сказать, Лева встретил одного престарелого крестьянина, который оказался ему родственником: деды этого крестьянина вместе с семьей прародителей Левы были вывезены помещиком из Тамбовской губернии.

— Да, мы мало слышим о Боге, — говорил этот старик. — Жизнь — одна суета и нужда. Не так жили деды наши, хоть и были они православные. Когда-то в Тяглом Озере была церковь, был священник, а теперь, — с грустью в голосе заметил старик, — от церкви и камня на камне не осталось, и нет у нас праздников светлых... Так, только одной памятью о прошлом и живем.

— А вы читайте Евангелие, — посоветовал ему Лева, — приходите к нам на собрание, легче на душе будет...

Глава 17. Позаботились

"Итак, доколе есть время, будем делать добро всем".

Гал. 6, 10.

Весна все больше вступала в свои права. Горячо, ласково светило солнце. Снег местами уже сошел, земля подсыхала. Приближалась посевная пора.

Лева продолжал деятельно вести лечебную, санитарную и санитарно-просветительную работу. Скоро будет уже жарко, и было бы важно предупредить развитие желудочно-кишечных заболеваний. Когда-то село было расположено на берегу замечательного озера. По историческим данным, "Тяглое Озеро" имело 200 сажен в ширину и две версты в длину, было глубоко, рыбно и богато дичью. Поселившиеся у этого озера молокане развели сады, и местность имела самый цветущий вид. В начале XIX века в селе находилось 219 молокан мужского пола и 229 женского. Кроме того, там же селились и православные. Но все течет и изменяется, и сады исчезли, а от рыбных богатств озера не осталось и следа. Оно обмелело, загрязнилось, и даже колодцы, которые раньше, как говорят, имели неограниченно-прекрасные воды, были сейчас в запустении.

На совещаниях в сельсовете ставился вопрос о питьевой воде. Ту воду, которая в озере была или текла от таяния снега, пить было нельзя. Туда попадали воды от нечистот, и нужно было особенно настаивать, чтобы везде была кипяченая вода. Лева заботился, чтобы как школы, так и полевые станы были достаточно снабжены кипяченой водой.

Дни бежали быстро, и в своем дневнике, который, за неимением бумаги, он вел на одной из книг Льва Толстого, он писал: "О, время бежит. Как ужасно бежит время! Господи, помоги!"

Большой радостью были для него письма от близких. Ему писали и из Куйбышева, и из Чапаевска, и из Уфы, и даже из далекого Белорецка. Все это радовало, потому что он читал и видел, что зажженные огоньки горят и светят,

Как-то утром он особенно горячо молился о тех юных и новообращенных, которые пошли за Иисусом. Свою молитву он записал. Вот она:

"О, Ты, что силен был сохранить меня в годину испытаний, Ты, Отец от юности моей, влеки же* их. Прошу Тебя, о, Любящий, сохрани каждого из них; ведь Ты их любишь, любишь больше, чем кто-либо, чем я. Прошу Тебя, будь близок к каждому из них... Отец, Отец, о них молю, благослови их в это утро. Я не могу быть с ними, но Ты подойди к

каждому из них, выслушай их лепет и дай им на сердце радость — радость солнечную. Пошли любовь — любовь огненную. Я знаю, они Твои, и верю, Боже, хоть они такие маленькие в вере и слабые, но никто не похитит их из руки Твоей. Милостивый Спаситель, сохрани их от лукавого. Твой образ совершенный да отразится в них. Молю, Боже, о них. Аминь".

Утренняя молитва Левы была прервана. Его вызвали к одной женщине, которой было плохо. Когда он приблизился к избе, он услышал страшные, душераздирающие вопли женщин. Лева побледнел, беспокойно забилося сердце:

— Что случилось? Почему так кричат, плачут? Он никогда в жизни не слышал такого вопля. Когда он вошел в избу, ему сказали:

— Получено извещение, что у хозяйки этого дома на фронте убит муж.

И она металась, рвала на себе волосы, кричала, а около нее кричали и рыдали такие же несчастные вдовы, как и она, которые в эти годы на поле брани потеряли своих мужей.

Рыдали дети, стон и плач был так велик, что Лева просто растерялся и не знал, что тут делать, чем помочь.

Страшно плачет, страшно кричит мать в селе русском, когда не может ни похоронить, ни обнять сына своего погибшего. Рыдает, мечется жена, потерявшая надежду видеть своего помощника и защиту, и все это сопровождается какими-то особыми, древними, старинными причитаниями, которые не записаны, не переданы и исчезли в прошлом.

Некрасова вспомнил Лева — его "Орину, мать солдатскую". Ему удалось воспеть страдания русской крестьянки. Но теперь — кто воспоет, кто передаст все горе, весь тот океан слез, которым был полон народ, теряющий тысячи тысяч своих детей в кровавой буре...

"О, скоро ли кончится эта война? — думал Лева. — И почему люди, которые призваны жить мирно, украшать землю садами, трудиться на полях, призваны любить друг друга, вынуждены убивать и быть убиваемыми? Кто породил этот страшный фашизм, эту коричневую чуму, что причинили столько горя, бездонного горя народу?.."

Как мог, он пытался успокоить бедную женщину, накапал ей валерьянки, но что это было! Если бы она была верующей и если бы Лева мог не только поить ее валерьянкой, но и говорить ей слова великой истины и великого успокоения... Но сделать это при выполнении своих служебных обязанностей Лева не решился. Если он в этом не прав, пусть будет судья ему Бог, ибо только Бог может все рассудить и оценить правильно и наше состояние, и степень нашего мучения. Он нелицеприятен, и Он знает все...

По вечерам Лева любил сидеть со стариками села — с этими древними дедами, верующими, глубоко верующими в Евангелие и отдавшими свои сердца Христу-Спасителю. Много видели они на своем веку. Они слышали о Тяглом, еще когда земля принадлежала помещикам, когда к сектантам относились с особым презрением.

Они сами лично были свидетелями и активными участниками тех больших свобод, когда земля стала принадлежать народу, а потом — голод, страшный голод Поволжья, когда люди умирали, как мухи, и ближайший Пугачевский уезд и смежные с ним становились пустыней...

Страшный 1921 год — небывалый по силе, по размаху голод Поволжья. Спокойно, как христиане, переносили они все. Когда была объявлена так называемая "продразверстка" и нужно было зерно, — они отдали его, не прятали.

Именно этот период жизни села Тяглое Озеро описан в книге "В русской деревне" англичанином Чарльзом Бекстоном. Он посетил Тяглое Озеро как раз тогда, когда не было ни керосина, ни спичек, ни жиров. Однако, встречаясь как с молочанами, так и с крестьянами других толков и направлений, Бекстон всюду видел их стремление к Богу, отмечал их глубокую религиозность.

Вот эти самые старички с большой любовью рассказывали Леве о тех крещениях, покаяниях, которые проходили в былые годы.

— Многие, многие теперь уже у Господа, — говорил дед Ланкин — представительный старец с большой белой бородой. — Ведь сколько еще голода мы пережили: 1931—32 годы прошло раскулачивание, а нас, верующих, все больше приписывали к кулацким "подпевалам". И это прошло. А потом 1937—38 годы "ежовщина". Только сколько ушло народу!

— Все эти испытания Бог допускал, — заметил Ланкин. — А вот теперь война и снова голод...

Дед смахнул набежавшую слезу.

— Сколько сыновей, и все полегли там, на войне... Вот скорби так скорби.

— Да, народ тяжело страдает, — сказал Лева. — Вот в Чапаевске, где я проезжал, сколько госпиталей, сколько раненых лежит, и всем бы им нужно самое лучшее питание, чтобы восстановить здоровье...

— А имеют ли они достаточно яиц, масла? — спросил один из старичков.

— Да разве имеют! — воскликнула старушка, сестра Анна. — Всю Россию разве обеспечат яйцами, маслом да сливками?

— Конечно, — сказал Лева. — Хлеба у них достаточно, и питаются они как можно лучше... А знаете что? Вот я сейчас живу у вас, питаюсь хорошо: есть и масло, и яйца покупаю, а вот лучше бы, кажется, сам не ел, а все передал бы в этот госпиталь.

— Правильно! — сказал старик Ланкин. — Кто, как не мы, христиане, можем и должны оказать любовь и сострадание нашим воинам? Не знаю, как умирали мои сыновья, дал ли им кто-либо водицы испить или молочком угостил...

И порешили тогда в этой простой избе села Тяглое Озеро начать собирать продукты — мясо, яйца, сметану, чтобы все собранное передать в госпиталь. Помолвились, чтобы Господь помог осуществить им это доброе дело. Поговорили с молочанскими старцами, с пресвитером, те с радостью откликнулись.

Пошли старички верующие в сельсовет, к председателю, и пригласили его и председателей обоих колхозов на

большое собрание верующих, чтобы обсудить вопрос о подарках для раненых воинов в госпиталях. На приглашение откликнулись охотно и обещали прийти.

Это было 20 апреля 1945 года. Все сектантское население Тяглого Озера собралось в самую большую избу. Были тут и самые старенькие старички и старушки, были и женщины различного возраста, были подростки. Мужчин было мало — все они были на фронте.

В центре избы, ближе к окну, за столом сидел председатель сельсовета, а по бокам его председатели колхозов. Около них — с одной стороны, пресвитер молоканский, старик невысокого роста, с длинной бородой, и с другой стороны пресвитер баптистский — сельский пастух с небольшой седенькой бородкой. Около него уселся Лева.

Было уже темно, ярко горели две керосиновые лампы. Изба была переполнена, многие стояли. Встал Иван Петрович, брат-пастух, и медленно, тихо сказал, кланяясь председателю:

— Без молитвы мы не можем...

— Ну, что ж, — сказал председатель сельсовета, — можете помолиться.

— Перед молитвой споем, — более смело, как-то ободрившись, сказал Иван Петрович.

Раздалось сильное, громкое пение, в котором преобладали больше женские голоса:

"Вот собрались мы опять
прославлять любовь Отца.
Пусть святая благодать
преисполнит нам сердца.
Вознесемся всей душой,
чтобы правду нам узреть,
чтоб восторженной хвалой

нам Спасителя воспеть..."

Наклонившись к председателям колхозов, глава сельсовета шептал:

— Это поют баптисты.

Когда кончилось одно пение, началось другое. Стали по-молокански петь псалом:

"Благослови, душа моя, Господа,
и не забывай всех благодеяний Его..."

— Это поют молокане, — снова шепнул своим соседям председатель.

Пели вдохновенно, сильно, как всегда обычно поют молокане. Молоканское пение очень своеобразно, и тот, кто способен вникнуть в него, способен полюбить его.

Пели, кстати сказать, не только молокане и не только баптисты. К пению этого чудного псалма присоединились и многие из так называемых "мормонов".

На столе появилась Библия. Иван Петрович прочел стих и призвал всех к молитве. Горячо, многие в полный голос зывали к Богу — Утешителю, Защитнику и Помощнику в бедах.

Затем слово было предоставлено молоканскому пресвитеру. Он прочел рассказанную Христом притчу о милосердном самарянине и сказал о той великой любви и заботе, которую проявил Сам Христос, как лучший образ милосердного самарянина.

— Сколько израненных, наших близких, лежат теперь в госпиталях! — говорил старец. — На нашу страну напал разбойник, и кому, как не нам, верующим, оказать любовь к пострадавшим. Я знаю: все наше молоканство, каждая наша сестра отдаст и масло и все, что может, для того, чтобы только порадовать раненых. Предлагаю избрать одного старца от нас и одного — от баптистов. Пусть соберут все и отвезут в Чапаевский госпиталь.

Иван Петрович сказал слово о том, что нужно делать добро всем.

Потом говорил Лева. В основание своей речи он взял текст: "Был болен, и вы посетили Меня".

— Посещать больных, оказывать любовь к страждущим, раненым — это самое христианское дело. Если мы это делать не будем, — мы не христиане. Да поможет нам Бог каждому жертвовать доброхотно, ибо доброхотно дающих любит Бог.

Затем кто-то внес предложение, что неплохо было бы предложить и православным поучаствовать в этом добром деле. Известно было, что православные тоже собираются в Тяглом Озере для молитвы. Выбрали делегатов и послали к ним старца Ланкина и Леву. Для сбора подарков выбрали несколько сестер, а чтобы отвезти все собранное в госпиталь — двух представителей — одного старца молоканина и другого баптиста.

Собрание заканчивалось горячей молитвой к Богу, чтобы Он благословил довести это доброе дело до конца.

Неожиданно одна сестра-старушка предложила — помолиться за председателей колхозов и председателя сельсовета, чтобы они уверовали, так как они не признавали Бога. Конечно, от этого никто не отказался, и слышались молитвы, в которых верующие христиане искренне молились за своих руководителей, желая им не только успеха в работе, но и спасения их бессмертных душ. Это было проявление искренней любви к ним. После молитвы приветствовались.

Те, о ком молились, были очень смущены, ничего не сказали и, попрощавшись с братьями за руку, вышли из избы.

На следующий день начались сборы пожертвований и подарков для раненых в госпиталях. Лева хоть и не имел кур, но накупил яиц и масла, чтобы участвовать в этом добром деле.

Вечером они были на молитве у православных. В избе был установлен иконостас, вокруг собрались старушки,

чтобы как умели излить скорбь и помолиться за родных, умерших, убитых, сражающихся за родную землю. Предложение о помощи раненым встретили весьма благосклонно и пообещали со своей стороны выделить старушку, которая все соберет.

На попутной машине отправились делегаты верующих с Тяглого Озера в Чапаевск.

Все с нетерпением ждали их возвращения. Ждал и Лева: как-то примут, как передадут подарки.

Вернулись старички радостные, взволнованные, необыкновенно бодрые. Их обступили. Они рассказали, как принял их начальник госпиталя, как приняли подарки, как повели по палатам, показали раненых.

— Уж какие есть раненые, какие несчастные! — говорили старички. — Есть такие, что и обеих рук нет, есть такие, что и лицо покалечено, страшно смотреть... Уж так они были рады видеть нас, так рады! Все папашами нас называли: "Папаша вы наши!" И оказали нам такой почет и уважение, каких мы в жизни не видели. А еще дали нам бумагу благодарности...

Многие читали эту бумагу, читал ее и Лева. Это было обращение к верующим село Тяглое Озеро от командования госпиталя и его политруководства. В нем верующим села выражалась благодарность за их заботу о раненых бойцах Красной Армии, рассказывалось о том, что делал ужасный фашизм, бомбя села и города, разрушая церкви и молитвенные дома. Говорилось и о том, что своей конечной задачей фашизм ставит уничтожение христианской веры. Под конец упоминалось, что в нашей стране верующим предоставлена полная свобода вероисповедания. Бумага была форменная, с подписями и печатями.

У старичков села и у Левы явилась мысль — послать эту бумагу в редакции газет "Известия" и "Правда" и призвать всех христиан всей страны последовать их примеру.

Ведь действительно, эта помощь, эта забота была бы далеко не лишней. И, несомненно, многие и многие верующие нашей страны откликнулись бы на призыв — улучшать питание раненых и посещать госпитали.

Но, увы, сделать это не удалось.

Надвинулась туча — темная, холодная, не с дождем, а с градом...

Глава 18. Вражда

"За любовь мою они враждуют на меня, а я молюсь; воздают мне за добро злом, за любовь мою — ненавистью".

Псал. 108, 4-5.

Начались посевные работы. Однажды, когда Лева был на полевом стане, туда же заехали представители из Куйбышева. Они что-то все высматривали, чем-то были недовольны. Среди них выделялся солидный человек в кожаном пальто. Как узнал Лева от председателя сельсовета, это был председатель по делам религиозных культов по области.

Вечером Леву вызвали в сельсовет.

— Я не знал, что это вы, — сказал человек в кожаном, — а то бы я мог поговорить с вами на полевом стане. Нехорошее у вас здесь творится, нехорошее, законы нарушаете, законы.

— Как? Кто нарушает законы? — удивился Лева.

— А вот вы сами участвуете в нарушении. Тут есть сектанты, и вы с ними связаны, и вы собираетесь, устраиваете всякие сборища. А есть порядок, закон, что религиозная община должна быть зарегистрирована и только тогда верующие получают право собираться.

— Но, насколько я знаю, — сказал Лева, — здесь никого нет против регистрации. Только, вы сами знаете, старички да старушки — они уже подавали вам заявление, чтобы зарегистрироваться.

— Я не могу их зарегистрировать, — сказал уполномоченный, — надо чтобы был пресвитер, имеющий удостоверение от Всесоюзного Совета евангельских христиан (баптистов), я вызвал вашего пресвитера, у него никаких удостоверений нет, он не рукоположен, просто, может, самозванец какой...

— Да это, безусловно, все уладится и из Москвы ему пришлют удостоверение, — сказал Лева.

— Ну вот, когда уладится, тогда и получите право собираться и молиться. А без этого устраивать собрания — это поощрять беззаконие. Я приехал сюда категорически запретить всякие собрания. Когда регистрируетесь — пожалуйте.

— Собственно говоря, почему вы со мной говорите о регистрации? — спросил Лева.

— Мы знаем, вы имеете влияние на сектантов и, как только приехали, активизировали их.

— Ничего плохого, — сказал Лева, — у нас нет. Вот собрали подарки в госпиталь. Все это доброе...

— Не прикрывайтесь подарками. Мы знаем, ваша главная цель — развитие сектантства, ловля душ человеческих. Слушайте меня, я не желаю вам зла.

С тяжелым сердцем Лева вышел из сельсовета. Придя домой, он все рассказал сестре — хозяйке дома. Они вместе преклонили колени и молились Господу. Старушка-хозяйка никогда громко не молилась, а только все шептала что-то про себя. Лева молился своему лучшему Другу и рассказывал о своем и братском положении.

На следующий день он повидался с братом Иваном Петровичем и старцами, и решили тут же, не откладывая, вновь написать заявление о регистрации общины в количестве 27 членов и послать его уполномоченному. Написали также в Москву, во ВСЕХБ.

Вот копия этого письма:

"Возлюбленные братья! Мир и радость вам да умножатся! (Деяния апост. 16, 9).

В селе Тяглое Озеро Пестравского района, Куйбышевской области нас, верующих евангельских христиан-баптистов, имеется 27 человек. Необходимо провести регистрацию согласно существующему положению. Для этого умоляем вас, братья, милостью Божьей:

1. Утвердите нам выделенного из нашей среды руководящего Федюнина Ивана Петровича. Брат в течение трех лет исполняет возложенные на него обязанности, прощен в 1925 году братом Т. Тимошенко. Брат хлебороб, колхозник-пастух. В жизни беспорочный.

2. Не замедлите прислать к нам брата для рукоположения И. П. Федюнина.

Помещение под молитвенный дом имеется. О нем подано заявление уполномоченному по делам религиозных культов по Куйбышевской области. Ответ сообщите письмом или телеграммой. Нам отвечайте по адресу: Куйбышевская область, Пестравский район, село Тяглое Озеро, И. П. Федюнину".

Отправили и ждали ответа. Но братья из Москвы ответной телеграммы не дали, и письма от них так и не было получено.

В чем дело? Бог знает!

Прошло несколько дней, и в село на легковой автомашине приехал секретарь партии. Все задвигалось, все как-то по особенному подтянулось.

Леве сообщили, что вечером в избе-читальне будет собрание жителей всего села, что к секретарю партии вызваны пресвитеры — молоканский и баптистский и что с них взяты подписки, что они соберут в избе-читальню на собрание всех верующих.

К вечеру в сельсовет пригласили и Леву. Секретарь партии встретил его, как будто перед ним был злейший враг его.

— Вы что тут, с сектантами связались? Вы интеллигенция на селе. Мы это терпеть не можем, мы меры примем, я это не покую, я это выявлю перед всем народом...

Лева пытался доказать, что, как верующий, он имеет право общаться с верующими, исповедовать свои убеждения; что эта вера, которую вместе с ним исповедуют его братья и сестры, ведет на селе только к развитию честности, к усилению в народе элементов правды и трудолюбия. В подтверждение доброй деятельности сельчан верующих Лева привел их заботу о раненых, что все они отцы и матери тех, кто сражается на фронтах. На все это секретарь отвечал однотипно и невразумительно: что этот дурман тормозит, мешает, что он этого больше не потерпит.

И невольно из этой беседы Лева извлек для себя одно мудрое правило: Его завещал нам великий русский поэт А. С. Пушкин:

"Хвалу и клевету приемли равнодушно".

Изда-читальня, как никогда, была полной. Пришли все верующие, пришли люди из деревни Садовка. По существу повестки собрание должно было быть посвящено вопросу о проведении посевной: как лучше и успешнее провести весенний сев. Слово для доклада было предоставлено секретарю партии. Он недолго говорил о посевной. И, засунув руки в карман, зло взглянул на сидевшего за столом рядом с руководителями села Леву и начал обвинительную речь, которой мог бы позавидовать любой прокурор.

— Вот мы прислали к вам в село фельдшера, посмотрите на него, посмотрите на этого фельдшера, на его физиономию. Человек учился на советские деньги, учился на ваши народные деньги, дали ему место работы, лечи людей, поправляй, даны тебе знания к этому, а вы знаете, товарищи, чем он занялся? — Он поднял руку и замер: — Он занялся религией, да какой религией — самой поганой: баптистской!

В дальнейшей речи оратор обрисовал перед народом баптистов, как самых подлых мошенников, приводил всякие примеры, вроде того что баптисты якобы спаивают людей вином-водкой (!), и снова напускался на Леву и клеймил его, как самого страшного злодея.

"Что делать? — думал Лева. — Возмущаться, встать и выступить с опровержением? Нет, это ни к чему". Он вспомнил Христа. Христос молчал, и Лева решил молчать, сидеть совершенно спокойно. Он смотрел на народ и внутренне молился за этого секретаря, чтобы простил ему Бог, ибо он не знал, что делал...

А люди, сельские люди, смотрели на Леву, и ни единого злого взгляда он не встретил. Сострадание, сочувствие — вот что читал он в глазах колхозников. На глазах некоторых сестер он заметил слезы.

Когда кончилось собрание, он подошел к руководству и, совершенно не касаясь тех оскорблений, которые относились к нему, стал говорить о том, что необходимо для каждого полевого стана закупить аптечки, чтобы вовремя могла быть оказана помощь.

На другой день Лева увидел, какое большое впечатление произвела речь секретаря. Тот рассчитывал, что он оттолкнет народ от фельдшера, что народ, может быть, потребует убрать его, но получилось наоборот. Везде, от всех верующих и неверующих, он слышал только слова сочувствия. Сестры говорили ему: "Смотрим мы на вас, брат, когда вас ругали, и видим: брат-то, видимо, молится. И мы молились за вас".

Потянулись дни за днями, каждый день Лева ожидал какую-нибудь неприятность.

"Что может быть? — мысленно спрашивал себя он и мысленно же, отвечал самому себе: все может быть!"

И когда он ложился и после молитвы засыпал, то, если послышится ему, что где-то едет автомобиль, он невольно спрашивал себя:

— Не за мной ли? Увезут, и опять начнется тюремная страда... Но он не пугался этого, он знал, что Иисус никогда его не оставит, и спокойно засыпал...

Верующим не давали собираться, разгоняли. Они собирались маленькими группками по домам и читали Слово и — пели, пели. Пение продолжалось далеко за полночь. В нем выражались глубокие скорбь и тоска, изливаемые к Господу.

Лева любил это пение, но чаще все же предпочитал оставаться дома и заниматься литературной работой.

В эти дни, по воспоминаниям прошлого, он написал рассказ "Дополнить число". Работал он также над маленькой повестью — "Из записок русской девушки". Героиней повести была известная христианка из самарской молодежи — Валя Алексеева. Но это произведение ему не удалось отработать.

Что его ждет впереди, он записал в свой дневник:

— Нужно быть всегда ко всему готовым. Быть готовым к движению и по горизонтали и по вертикали...

Глава 19. Свет перед людьми

"Так да светит свет наш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного".

Матф. 5, 16.

Лева трудился. Особенно он радовался, когда мог оказать больным реальную помощь. В это время на селе еще были далеко не единичны случаи заболевания малярией. Лечили акрихином, но часто получалось, что наступали рецидивы болезни. Еще в прошлом Лева работал и разработал комбинированный метод лечения малярии биохинилом и акрихином. Этот метод был успешно испытан и опубликован в медицинском журнале. Это лечение он применил и здесь. Результат был благоприятный, и рецидивы малярии не наблюдались. Больные были очень благодарны. Как с работниками сельсовета, так и с другими представителями общественности Лева был в самых хороших отношениях.

Вечерело... Лева уже собирался сесть за свой стол и писать письма, как пришел председатель сельсовета и предложил пройтись с ним.

"Опять какая-нибудь неприятность, — думал Лева. — Несомненно, там не успокоились и куют против меня что-нибудь плохое".

— Я вот к вам по какому вопросу, — сказал Ишин. — Вспашка у нас идет никудышная, трактора ломаются, запасных частей не хватает. Просто положение угрожающее...

— Да, дело трудное, — сказал Лева.

— Так вы должны нам помочь.

— Я? Помочь? — удивился Лева.

— Да, именно вы помочь должны. Ведь вспашка, это дело государственной важности, это посева, это хлеб.

— Так чем же я могу вам помочь?

— Вот мы думали-думали, как пахать землю... Лошадей, конечно, ни у кого нет, а вот есть коровы.

Лева сразу все понял. Давно уж крестьяне села Тяглое Озеро не имели своих лошадей. Единственная труженица, кормилица семьи, это — матушка-корова. Она поит крестьянина молоком, даем ему масло, а когда крестьянке нужно идти на базар, она запрягает свою "буренку" и едет на ней в Пестравку.

Когда же приходит весна и нужно вскопать землю под картофель, крестьянка или дед-крестьянин запрягают корову и пашут землю.

— Так вот, — продолжал председатель, — у каждой крестьянской семьи есть корова, и если запрячь и пахать колхозную землю, то кое-что мы вспашем,

— Ну, а я-то причем тут? У меня коровы нет,

— Вы пользуетесь большим авторитетом на селе. Никакая семья, которая так дорожит коровой, не согласится, конечно, отдать ее пахать колхозное поле. Но если ваши старики-баптисты дадут коров, попашут, то, глядя на них, и молокане и православные тоже будут пахать.

— Но не отразится ли это на коровах, такая нагрузка? — спросил Лева.

— Нет, — ответил председатель. — Сейчас весна, корм пойдет, а потом тем, которые дадут коров, мы пойдем навстречу, дадим на время, чтобы они обработали свои огороды, плуг...

— На это я вам ничего не могу сказать, — произнес Лева в раздумье. — Поговорю со старичками, это их дело.

Когда Лева рассказал старичкам о предложении председателя сельсовета, те задумались. Лева, со своей стороны, зная все тяжести в жизни семей верующих и большое значение коровы в хозяйстве семьи, не говоря ни за, ни против, ждал решения старейшин.

— Что нам делать? — сказал один из старичков. — Собираться для молитвы не разрешают, того и гляди, может быть, и огороды не дадут обрабатывать, а это единственное, что нас кормит. Как по Христу мы должны поступить тут?

Дед Ланкин встал, подошел к окну и долго смотрел на видневшиеся невспаханные поля.

— Земля-то наша, горе-то наше, — сказал он. — И Христос говорил: "Просящему у тебя дай". Однако надо вначале сходить потолковать, сколько и как пахать, чтобы не в ущерб коровам было...

Находившиеся в избе сестры-старушки ничего не говорили, а только тяжело вздыхали.

Крестьяне поговорили с председателем и как-то друг друга поняли. Они знали, что с Ишина требуют многое, и он несет большую ответственность, и ему, председателю, нелегко, и все нужно и нужно...

К вечеру следующего дня Лева услышал, что баптисты первые выехали пахать на своих коровах колхозную землю. Они выполнили намеченное на их долю и потом стали пахать свои огороды. За ними на коровах пахали и

другие колхозники.

Казалось бы, в благодарность за доброе отношение, за такое проявление сознательности нужно было указать "спасибо" верующим села, дать им возможность собираться, молиться и славить Бога. Но, увы, этого им так и не разрешили. Местные руководители, конечно, были бы не против дать возможность верующим помолиться, но какая-то дальняя сила давила, запрещала, препятствовала. Между тем, в то же самое время местами, и не только в Москве, но и во многих других городах, люди открыто совершали молитвенные богослужения и никто не притеснял их. За что же верующим села Тяглое Озеро досталась такая доля?

Глава 20. Пасхальная ночь

"Что вы ищете живого между мертвыми?"

Луки 24, 5.

Приближался самый светлый, самый радостный праздник — Пасха, Светлое Христово Воскресение. Чудный день, когда христиане вспоминают победившего смерть Спасителя, приветствуют друг друга целованием и, на возглас: "Христос воскрес!" громко, с верою отвечают: "Воистину воскрес!"

Готовились к этой встрече чудного праздника и в селе Тяглое Озеро. Лева хотел порадовать не только здешних верующих, но и дорогих верующих в Куйбышеве, в Чапаевске. Как это сделать? Сохранился старинный, древний обычай: крашеные яйца. Лева получил за апрель зарплату — 436 рублей, из них 100 рублей уплатил хозяйке за приготовление пищи, еще 100 рублей перевел нуждающимся и 100 рублей отложил на покупку яиц для того, чтобы поздравить близких с Пасхой.

"Самое основное — для людей больше, для себя меньше" — записал он в своей книжке.

Яйца он решил не красить, сделать цветную наклейку на каждом из них и на ней написать текст или куплет гимна.

Одну корзину яиц он направил в Чапаевск, другую — в Куйбышев.

Настал канун желанного праздника. В селе было обыкновение — пасхальную ночь встречать в собрании, размышляя о Спасителе, отдавшим жизнь за грехи людей, погребенном, а потом воскресшем. Думали, что если и запрещали собираться, то можно будет все же хоть группами по домам встречать рассвет и петь и славить Иисуса.

Ни у кого и мысли не было, чтобы устроить большое, пышное угощение, но все думали только об одном: отдохнуть душой и побыть хотя бы немного вместе.

Но, увы! Желания не сбылись... Несмотря на имевшуюся партийную директиву — избегать оскорбления религиозных чувств верующих, и сам праздник и встреча его были скромны. Приехали люди, было дано задание, были даны цифры, была организована подписка на заем.

Леву вызвали в сельсовет.

— Вы меня вызвали, чтобы подписаться на заем? — спросил он председателя сельсовета.

— Да, но не только...

— На какую сумму вы рекомендуете мне подписаться на заем? — обратился Лева к председателю.

— Я вам советую на месячное жалованье; мы, конечно, понимаем, что вы сейчас живете очень бедно, но заем — это дело государственное. Мы вам кой-чем, быть можем, и поможем.

— Ну, конечно, я готов подписаться...

И Лева подписался на месячное жалованье. Он хотел уже уйти, но его остановили:

— Вы нам нужны.

— Чем могу быть полезным?

— Вы знаете... — сказал ему руководящий подпиской. — Мы слышали, вы имеете большое влияние на село. Так мы обсуждали насчет вас... Подписка будет производиться всю ночь в сельском Совете. Сюда будут вызываться люди и с ними будет проводиться беседа. Так вот: от вас ничего не требуется, вы только должны сидеть около председателя сельсовета. Можете не говорить ни слова, но ваше присутствие необходимо.

На душе у Левы было грустно, невыразимо грустно и тяжело. Чудная пасхальная ночь, дивный рассвет... а тут — сиди, дыши этим прокуренным табачным воздухом — и молчи! Отказаться — как быть?

Он пытался подыскать какой-нибудь текст Писания, который оправдывал бы его отказ, но как ни вспоминал, ему, наоборот, вспомнилось:

"...И если кто принудит тебя пройти с ним одно поприще, — пройди с ним два".

Конечно, по существу тут никакого принуждения нет, но все же говорят: ты должен присутствовать.

— Хорошо, — ответил Лева, — я приду.

Это была ночь с 5 на 6 мая 1945 года. Никогда не забудет ее Лева. Рассыльные по очереди приглашали крестьян и вводили их в сельсовет. Там их убеждали подписываться на определенную сумму, ими указанную.

— Да что вы? Как я могу! — вздыхал крестьянин. — Ведь я раздет, посмотрите, какие на мне штаны. Ведь вы знаете, как я живу...

— Нет, ты должен, — убеждали его. — У тебя есть овца, продай ее и заплатишь. Мы тебя не принуждаем, это добровольно, но подумай...

И крестьянин сидел, думал, шли часы... Наконец вставал, подписывался и уходил. Иного выхода не было.

Потом другая женщина. Она тоже разводила руками:

— Да как, да что? Да разве я могу столько?

А ей указывали, что может продать поросят или какую другую живность и заплатить.

Пришел один из посланных и сообщил, что такая-то женщина не идет, говорит — больная.

— А, доктор, вот иди, проверь, может она идти или нет? Может быть, притворяется, что она больная...

Лева шел. Шел, как убитый. Он знал: там жила вдова, у нее много детей, но ее вынуждали тоже подписаться и что-то продать. Увидев Леву, она махнула рукой и сказала:

— Я не больная, доктор, я просто не хотела идти...

И, тихо вздыхая, женщина поплелась в сельсовет. Посылали его и к другим, которые действительно были больны.

Верующие братья и сестры были тоже вызваны, они спокойно подходили к столу, долго не разговаривали, а подписывались на ту сумму, которую им предложила комиссия.

Они знали:

"Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся".

Только одна сестра категорически отказалась подписаться на предложенную ей сумму. Но и ее не оставили в покое и в светлый пасхальный день вызывали несколько раз.

И Лева видел, как она, понуриив голову, все стояла у сельсовета. После узнал он, что она все же подписала то, что ей предлагали...

С больной головой, с разбитыми сердцами возвращались люди домой, так же, как и Лева. Солнце светило так ярко, кажется, сама природа ликовала в светлый день Воскресения Иисуса Христа... но почему, почему же Леве было так тяжело, так невыразимо тяжело, как никогда раньше, в самые трудные дни его жизни?

Прежде, чем лень отдохнуть, он взял Святое Евангелие и сказал внутренне:

"Господи, укажи мне, порадуй меня!"

И прочел:

— "...И будут царствовать на земле".

Так, значит, придет время, когда наступит Царство Бога на земле, царство мира, радости, праведности, когда пустыни застроятся и земли расцветут и не будет уже ни нужды, ни горя, но люди, любя Тебя, на всей планете будут любить друг друга?

Но будет ли это и когда? Или, может быть, эта грешная земля должна прежде сгореть, и потом будет все новое... Или прежде, чем земля сгорит, все же, как написано, царство мира соделается царством Христа и все будут ликовать и сиять, как светлое Христово воскресение?..

На все такие вопросы сам Лева ответить не мог. Но там, в глубине души, он верил, верил, что любовь, мир — то, что Христово, да и сам Христос все-таки придет, как пришла весна жизни после зимы...

Что же будет?..

Глава 21. День мира – день победы

"Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены"

2 Кор. 4, 8.

Чудесные, теплые майские дни. Не раз холод с севера дул пронизывающим ветром, не раз казалось, что не будет настоящего тепла, но все-таки тепло пришло. Зазеленели веточки на деревьях, всюду появилась трава, и люди, люди — каждый без исключения — ждали только одного: когда же наконец кончится эта ужасная война.

Каждый житель Тяглого Озера каждый день думал только о том, о чем думала вся страна: скорей бы конец этой ужасной войне!

Люди, и верующие, и неверующие, неся большие жертвы, отдавая своих лучших сыновей, терпя лишения — ждали только победы, мира.

И вот, когда 9 мая пришла и в Тяглое Озеро весть, что война кончена, победа, мир на земле, — люди, каждый, оставили работу и бежали сообщать друг другу эту весть.

— Наконец-то мир, наконец-то война кончилась! Поздравляли, обнимали друг друга.

В амбулаторию к Леве забежала дряхлая старушка и, вся сияя какой-то особенной радостью, воскликнула:

— Бог услышал наши молитвы! Мир! Мир! Событие-то какое радостное!

Лева вышел на улицу. Около сельсовета толпился народ, было устроено нечто вроде стихийного митинга. Народ обсуждал сообщение, переданное по телефону. Но не все радовались и улыбались. Были вдовы, их Лева видел: они утирали слезы и всхлипывали, все еще оплакивая своих мужей, погибших на кровавой ниве.

Старички, старушки, братья и сестры собрались прямо на улице и направились к председателю колхоза за разрешением собраться и устроить благодарственное собрание — молитвы за победу, за мир на земле. Они стояли около него, он их всех знал. Он знал, что это лучшие трудовые люди колхоза, знал, что многие и многие их сыновья отдали жизнь на фронте. Но мог ли он разрешить собрание? Без сомнения, он не был жестоким человеком, как и другие партийные люди села. Они хорошо, приветливо относились к сектантам. Но председатель и другие ответили, что нет, разрешить собраться для молитвы не могут.

Звонили в Пестравку. Старики волновались:

— Неужто в этот день не разрешат собраться, помолиться, прославить Бога?

Но ответ был получен один — сухой, твердый, неукоснительный:

— Вы не зарегистрированы, и нарушать закон, собираться, устраивать богослужение никто вам не позволит.

Вздыхали старушки, пожимали старички плечами, и казалось, никто не может помочь им, никто не может разрешить им собраться и прославлять Господа.

Однако ни ропота в прямом смысле этого слова, ни негодования не слышал Лева ни от кого. Братья и сестры, от юности впитавшие в себя Дух Христов, Его терпение, знали, что нужно терпеть, не роптать, нужно все, все говорить Господу, и Он усмотрит.

Всем селом было решено — устроить большой праздник. Варили большой обед, готовили столы с расчетом, чтобы было всего вдоволь. И верующие, и неверующие дружно трудились для того, чтобы порадоваться. Несколько изб было занято под столы.

Когда же стали распределяться по избам, то, вполне понятно, кто с кем дружил, кто был породнее, поближе, те и собирались ближе друг к другу в той или иной избе. И получилось, что одну избу наполнили близкие, родные братья и сестры, а также те, кто приближался к евангельской истине. И началось пение, началось славословие к Богу. Народ ликовал. Радостно, вдохновенно пели братья и сестры старинные песни, псалмы, гимны из сборника "Гусли".

Потом брат Ланкин, всеми уважаемый старец, открыл Библию и стал читать из псалмов Давида, и когда он читал, то — словно бы он читал про них, про их скорби и слезы, читал, а эти псалмы не слушались, а переживались. Сидя за столами, вкушая пищу, верующие не переставали беседовать друг с другом, а потом, подкрепившись, стали петь и петь.

Любят, необыкновенно любят дети Божий в селе Тяглое Озеро пение. То один брат, то другой вставал и читал Слово Божие.

Встал и Лева, открыл Библию и прочел то место из пророка Исакии, где говорится о великом мире, когда люди перекуют мечи на орала, когда будет полный мир, все люди на всей земле будут родными братьями и сестрами и не будут больше учиться воевать.

— Вот сейчас мы так счастливы, — говорил Лева, — перестала литься кровь человеческая. Но как же будут счастливы люди, когда раз навсегда прекратятся все войны и земля будет как цветущий сад! Когда каждый, исполненный Духом Христовым, будет искать только случай, как помочь другому, как сделать ближнему добро... И верующие пели:

"Не нашим хотеньем,
Не нашим веленьем, —
Своим изволеньем
Усмотрит Сам Бог.

Тебе доверяюсь я,
Ты властвуй над мной,
Пока введешь меня,
Господь, в Твой покой..."

Бодрые, утешенные дивным общением, поздно ночью расходились верующие по домам.

Но совсем не так праздновали День Победы люди, не знающие Бога. Сначала водка веселила их, а потом причинила страдания...

Глава 22. В Красную армию

"...А мы всегда радуемся".

2 Кор. 6, 10.

Когда по делам службы Лева в Пестравке зашел к зав. райздравом, тот, выслав секретаря, сказал Лева:

— Мы вас ценим, как хорошего работника, но я должен сказать, что врагов у вас много.

— Какие такие враги? — удивился Лева. — Все ко мне хорошо относятся.

— Но вы понимаете наше время? — пояснил зав. райздравом. — Религия — это родимое пятно старины, оно, должно быть искоренено. А вы там, в Тяглом Озере, связались с верующими, они вас уважают... Так вот, это недопустимо, и вас решили убрать. Можно вас, конечно, отправить на все четыре стороны, но я говорил, что нам работники очень нужны. Есть у нас в районе такая захудалая деревушка, она вдали от дороги, медпункт там весьма нужен. Так вот, я и договорился, чтобы направить вас туда. Сектантов, насколько я знаю, там нет. Народ пьющий, и я думаю, вы там будете работать спокойно.

Печально было на сердце Левы слышать все это. Но, с другой стороны, он внутренне как бы даже радовался, что все-таки его не выкидывают за борт, все-таки он там сможет трудиться и, несомненно, как фельдшер будет полезен. Ведь и там есть больные, значит, он будет нужен.

А какой-то внутренний голос в тайнике души говорил:

"И там есть грешники, значит, ты там будешь нужен".

Однако планам перевода его в глухую деревушку не суждено было осуществиться. Через несколько дней его вызвали в Пестравку, в военкомат. Там объявили ему, чтобы он срочно рассчитался с работы. Завтра его направляют на военную службу в Красную Армию.

Это известие явилось для Левы полной неожиданностью, но почему-то необыкновенная радость наполнила его сердце. Он совершенно не знал, куда его направят и как. В этом смысле могло быть всякое. И хотя характеристику он

имел "особую", но явно сознавал, что это путь Божий, что Господь — вождь его жизни — ведет его дальше. И душа его ликовала.

Обратно он шел полем, пешком. Шел и громко, во весь голос пел.

Когда он подошел к деревне Садовка, его заметили сестры в одной избе и вышли ему навстречу.

— Брат, у вас какая-то радость? Что случилось, что вы так поете? Поделитесь...

— Меня направляют в армию, — коротко ответил Лева.

— Как? Туда же, куда ушли наши сыновья? Их убили, убьют и тебя. Опять, быть может, будет война...

И заплакали, заголосили женщины.

— Что вы, что вы! — утешил их Лева.

— Нет, брат, не утешай! — сказала одна старушка. — Мы уж всегда плачем, когда провожаем в армию.

В Тяглом Озере весть, что Лева уходит на военную службу, быстро облетела все село. К нему шли прощаться верующие и неверующие. Сколько добрых, сердечных слов, пожеланий! Здесь, в этом селе, близких родных у него не было. Но все село было необыкновенно родное, а братья и сестры по крови Христа были настоящими родными.

Лева собирав пожитки. Носки были рваные, он уселся чинить их. Вот вошли сестры с добрыми пожеланиями:

— Да ты что, брат, сам-то чинить? Давай-ка мы починим. Может, тебе постирать что нужно?

Каждый чем-то добрым стремился послужить ему.

На следующий день, распроставшись со всеми, пожав руку председателю сельсовета Яшину и другим работникам, Лева сел в машину. Целая толпа народа махала, кричала "до свиданья!", прощаясь с ним.

Что его ждет?

Несколько новобранцев, в том числе и работник сельсовета, молодой парень, пьяные, едва держались на мешках, которыми была гружена машина.

В машине же Лева увидел одну из сестер-верующих.

— Вы что, тоже в Пестравку едете? — спросил он ее.

— Нет, не в Пестравку, — отвечала она.

— А куда?

— Я сама не знаю, куда я еду. — Я еду с вами. Куда вас повезут, и я поеду, узнаю, куда вы попадете.

Эта сестра, решившая провожать Леву, не была еще членом общины. Ее ревность и желание оказывать добро Лева тронуло его сердце.

— Да воздаст вам Бог! — сказал Лева.

Из Пестравки с бумагами и с провожатыми они ехали через Чапаевск и Сызрань. Когда прибыли на станцию Чапаевск, сестра сходила к верующим и сообщила, что здесь Лева. Кто только был свободен, вместе с Алексеем Ивановичем пришли прощаться с ним. Обнимались, приветствовались.

— Верим, брат, не последний раз видимся, — говорил Алексей Иванович. — Вот мое здоровье очень слабое, но верю, мы свидимся...

Алексей Иванович действительно был очень слаб, он часто кашлял, щеки его запали и горели лихорадочным румянцем. Туберкулез прогрессировал.

Поезд тронулся. Молодежь бежала за вагонами, все махал платочками и кричали:

— Будем молиться, будем молиться, вы вернетесь!

В вагоне, наполненном новобранцами, ехала и сестра из Тяглого Озера, провожая Леву.

На душе у Левы было необыкновенно спокойно. Щит веры, который он когда-то видел, что был нарисован на столе у Ивана Канпшкова, защищал его сердце.

Он знает, Он любит, Он силен!

Глава 23. В пути

"Передай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит".

Псал. 36, 5.

Поезд шел по направлению к Сызрани. В окнах мелькали знакомые картины. Они вдвоем тихо беседовали:

— Я вот чем хочу поделиться с вами, сестра, — сказал Лева. — Раньше я был несколько моложе и, знаете, старался сам спешить вперед. Помню, меня некоторые останавливали и говорили: "Подожди, Господь усмотрит!" Но я спешил сам — высказываться, делать, когда меня и не спрашивали. Ну в итоге получились различные приключения, так что мой дядя сказал про меня однажды стихами Лермонтова: "А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой".

— Ну, а теперь вы раскаиваетесь, что так поступали? — спросила сестра

— Нет,нисколько! — ответил Лева. — Господь, несомненно, видел мою искренность, а ведь написано: "С искренним Он поступает по искренности его". И вот тогда безусловно все шло так же, как Господь предусматривал. Но были с моей стороны, может быть, и лишние переживания. Теперь меня призвали, и я радуюсь: никому никаких пояснений не делаю, а все вверяю Господу, внутренне молясь: "Отец, устрой, как находишь лучше, и направь куда лучше". И на душе абсолютно спокойно, знаю: Он любит, Он силен, Он знает и все решит...

Поезд подходил к Сызрани. Знакомый вокзал. Здесь он искал когда-то работу, здесь познакомился с дорогой семьей детей Божьих, здесь его провожали... А когда-то, в прошлом, здесь, в этом городе, он сидел в пересыльной тюрьме, как "преступник".

С верующими повидаться не удалось. Приехавших сразу сдали в военное подразделение, которое было огорожено проволокой.

Скоро выяснилось, что Лева здесь не принимают, а направляют в пересыльный пункт города Куйбышева.

Поехали дальше, в Куйбышев. Сестра и тут сопровождала его.

В Куйбышеве есть район, который когда-то называли "Запанским", а теперь называется — поселок Шмидта. В нем внушительных размеров красная кирпичная церковь.

Много, много прекрасных по архитектуре церквей, знаменитый собор, — все было уничтожено, но эта церковь как-то сохранилась: ее использовали по разным хозяйственным надобностям.

В войну эта красивая церковь была особо отгорожена и в ней находился пересыльный пункт для отправляемых в армию.

Приехавшая с Левого из Тяглого Озера сестра съездила и сообщила семейным Левой, что он в Куйбышеве. И вот, его мама и Анна Ананьевна пришли проведать его. Это были краткие минуты свидания.

— Опять ты, Лева, в путь! — грустно говорила мать.

— Да, — улыбался Лева, — не имеем постоянного града, ищем будущего. Ты, мам, обо мне не беспокойся, Отец усмотрит все, до мелочи, и сделает только хорошо. У меня на сердце как-то особенно легко.

— Мы будем молиться о тебе, — говорили ему родные.

К вечеру в распределитель приехали автобусы с артистами и всех пригласили посмотреть и послушать их искусство. Лева, однако, воздержался и решил лучше уединиться.

Обходя помещение, один из военных заметил его и некоторых других, которые также воздерживались от посещения представления.

— Это что такое? А ну-ка на двор, стройся! Завтра вам наряд — мыть пол, а сегодня по моей команде — "марш бегом"!

Из окон здания слышится песня "Вот мчится тройка удалая", а Лева и его коллеги бегом маршируют по двору.

Казалось бы, что эта неприятность могла нарушить бодрое настроение Левой, но, наоборот, ему стало совсем весело. На следующий день их погрузили в вагоны. Эшелон формировался на Дальний Восток.

Здесь были люди разных возрастов, призванные из разных районов, но большинство было красноармейцев, выписанных из госпиталей и снова направляемых в армию.

Ехали в теплушках. Двери были открыты, погода стояла чудесная, и было приятно любоваться "открывавшимися видами. Сначала обычная русская природа, потом знакомые Лева Уральские горы, далее Сибирь, Прибайкалье, Байкал, Забайкалье и, наконец, Дальний Восток.

Лева захватил с собой две книги. Это — "Новый Завет", что подарила ему старушка в Уфе и с которым он никогда не расставался, и "Круг чтения" Льва Толстого. Духовной пищи было достаточно. Кормили их также хорошо. В больших городах были развернуты войсковые столовые, там они получали горячую пищу.

Как ни всматривался Лева в лица окружающих, как ни прислушивался к их разговорам, — родных по вере он не встречал. Эти праздные разговоры, анекдоты, неизбежное сквернословие — все напоминало ему сравнительно недавнее минувшее, когда он жил среди людей, не знающих Бога. Состояние души Левой можно было образно выразить, как состояние человека, попавшего в чужую страну. Он понимает язык, может говорить с людьми, но все это не родное. Он жаждет встретить земляков, родных и близких по родине. Наподобие этого и Лева чувствовал себя среди этих людей как чужой; для него было бы большой радостью встретить земляков той обетованной земли, на которой обитает правда. Но, увы, он никого не встретил.

В свою записную книжечку, которую он начал вести еще с января, находясь в заключении, Лева продолжал записывать золотые стихи на день, которые клал ему на сердце Господь. И это было дивной пищей как для размышления, так и для утешения, ободрения. Иногда один и тот же текст он брал в течение нескольких дней. И этот текст не увядал, а вновь и вновь был источником сил и надежды.

Когда они прибыли в город Комсомольск, их построили, и они двинулись в отведенные им казармы. Их встречал духовой оркестр, встречали приветственными речами, как достойное пополнение армии.

Пройдя санобработку, Лева преобразился. Гражданскую одежду у него взяли, и он получил гимнастерку, брюки и желтые ботинки с толстой подошвой, портянки и знаменитые обмотки, которые вояки называли "семиметровыми голенищами".

Надев пилотку, Лева стал неузнаваемым.

Его зачислили во взвод, и потекла обычная армейская жизнь: бегом в столовую, бегом из столовой. Занятия проходили не напряженно, так как ходили слухи, что эти войска будут использованы на трудовом фронте.

...И вдруг завывли сирены. Ночное небо прорезали лучи прожекторов, слышались какие-то выстрелы, взрывы. Началась война с Японией. Военные части быстро формировались и направлялись на фронт. В одну из таких частей попал и Лева.

В битком набитом вагоне, лежа под лавкой, ночью он молился:

— Господи, Ты знаешь, Тебе доверены и жизнь наша и судьба. Если возможно, прекрати скорей эту войну, и если Ты ведешь меня, чтобы я видел все это, то дай только быть полезным страждущим людям, оказывать помощь раненым и больным. Жизнь же моя в руках Твоих, успокой моих близких, сохрани тех, которые там познали Тебя.

Их части расположились на берегу Амура.

Рвались, взрывались доты, дзоты — японские укрепления на противоположной стороне Амура. Квантунская армия отступала. Лева попал в мотопонтонную бригаду.

Глава 24. Как милосердный самарянин

*"Утешайся Господом, и Он исполнит
-желание сердца твоего".*

Псал. 36, 4.

Утром Лева проснулся рано. Их части должны быть брошены в наступление.

— Где здесь красноармеец фельдшер? — громко, во весь голос, спросил вошедший майор, начальник санитарной службы. Лева встал.

— Это вы? Следуйте за мной.

Познакомившись с. Левой, начальник санитарной службы сказал, что берет его в личные помощники, он будет числиться фельдшером штаба. В беседе с майором Лева не скрыл от него, что он верующий. Это удивило начальника, но он сказал:

— Я верующих знаю и надеюсь, как настоящий верующий, вы меня никогда не подведете.

В обязанности Левы входило — вести амбулаторный прием сотрудников штаба, а также водителей автомашин, приданных мотопонтонной бригаде.

На большие понтоны грузили автомашины и огромные вездеходы, которые перебрасывали в армию без задержки на суше — по воде. Лева грузил медикаменты и другие документы медсанчасти.

Мотопонтонная бригада двинулась в наступление по реке Сунгари по направлению к Харбину. Была ранняя осень. В это время река Сунгари разливалась, и многие места были затоплены. Всюду слышалась перестрелка.

За свою короткую армейскую жизнь в походах Лева сам приучился стирать свое белье. А привычка спать всегда на жестком дала ему возможность чувствовать себя прекрасно даже и тогда, когда, постелив шинель и ею же укрывшись, он спокойно засыпал.

Там, где были большие селения, мотопонтонная бригада приставала и выходила на берег. Здесь приходилось принимать раненых, перевязывать, отправлять дальше, и Лева сознавал, что он попал сюда не напрасно.

Вечером, перед сном, они подолгу беседовали с майором.

— Ну, теперь я верю, — сказал майор, — если где мы попадем в окружение, ты меня не оставишь. Я могу вполне положиться на тебя.

Однажды по какой-то причине у всех красноармейцев части был произведен обыск. У Левы в кармане обнаружили Евангелие. Это, с точки зрения военных властей, была по меньшей мере необычная, запретная и даже "преступная" вещь, так как ее тотчас же передали политруку. Тот пришел, побеседовал с Левой, узнал, что он баптист, и возвратил Лева Евангелие.

— Конечно, — сказал политрук, — в армии служат и верующие и неверующие, все обязаны защищать свою родину, но только для фельдшера быть верующим — это минус.

Позже от своего начальства Лева узнал, что о нем был разговор у полковника, но тот отозвался о баптистах хорошо, сказав, что он встречал их на фронтах войны с фашистской Германией. Как рассказывал полковник, баптисты были верными и некоторые из них отличились.

После этого и политрук стал относиться к Лева по-товарищески, а майор сказал, что все фельдшера — офицеры и что постарается также и Лева аттестовать как офицера.

Медленно плыли мотопонтонные части вверх по Сунгари. Вечерами, после того как Лева заканчивал перевязки и успевал принять всех заболевших, он часто сидел на носу судна и размышлял. На небе загорались звезды, было тихо, тихо, лишь издали доносились звуки выстрелов. Лева вспоминал Тяглое Озеро, этих простых, дорогих братьев, сестер — колхозников-крестьян земли русской. Ведь в нравственном отношении они на голову стояли выше остального населения села. Они были самыми трудолюбивыми, честными, трезвыми людьми. Почему же их так презирали, не давали собираться даже для молитвы? Почему и в далеком прошлом, когда в Тяглом Озере верующие объединялись, чтобы жить общей жизнью и помогать друг другу, когда они сами содержали и руководили школой, в которой достигали сплошной грамотности среди поголовно неграмотного населения окрестных сел, — почему они в этом деле встречали только одни притеснения?

Ведь, как описывает Юзов (Каблиц), чего только не замыслили против верующих Тяглого Озера! Предполагалось, в частности, "вскрывать письма, адресованные к "общим", и не принимать от них никакой корреспонденции без удостоверения от полиции. Но так как некоторые верующие занимались извозным промыслом, это не могло привести ни к чему. Их школу, "как средство распространения ереси", предлагалось уничтожить, а взамен ее учредить особое полицейское управление для надзора за сектантами и для доставления православному священнику возможности безопасно исполнять миссию обращения заблудших в недра православной церкви".

Почему и в прошлом и в настоящем так не любят последователей Евангелия? Даже тех, которые хотя бы частично стараются жить по Евангелию?

"Не потому ли, — думал Лева, — что учение Христа принадлежит будущему, оно еще не осуществлено, оно гораздо выше всего того, что есть и было на земле? Оно — свет, и потому те, кто прозрел, кто еще во тьме, не любят света". (И.Юзов. Русские диссиденты. СПб. 1881.)

Господи, прости им, ибо не знают, что делают. Ведь если не знают, то что же на них огорчаться? Нужно всем прощать, всех любить, за всех молиться...

Он прилег и начал дремать. Подошел дежурный офицер и заботливо сказал:

— Ложись-ка туда, подальше от борта. А то во сне повернешься и упадешь в воду...

Лева прилег в другое место, ему была приятна эта забота... а какова же забота Отца?!

Глава 25. Дорогие весточки

"Что холодная вода для истомленной жаждой души, то добрая вест из далекой страны".

Притч. 25, 25.

Их часть поднималась все выше и выше по реке Сунгари. Временами делали остановки и выходили на берег. У китайцев покупали овощи — огурцы, помидоры. Питание, в общем, было отличное. Поступали сведения о том, что везде наша армия идет в наступление, настроение у всех было приподнятое. Были и раненые. Один из вездеходов был подбит снарядами и едва не затонул. Кругом была опасность.

Сердце Левы было наполнено мыслями о своих близких. Письма на фронт доставлялись без перебоев, и для него было большим праздником — получать эти письма. Ему аккуратно писала мать, иногда он получал от нее сразу по два письма. Сколько любви, сколько материнской заботы чувствовалось в каждой строчке ее письма! Он знал, что она всегда молится за него. Он знал также, что многие и многие другие близкие родные молятся за него.

Большой радостью было для Левы получать письма от его жены, которая была в армии и находилась в частях, расположенных в Польше. Боевые действия там уже давно закончились и, как писала она, "жизнь ее протекает в полном благополучии". Она писала и ободряла его, что скоро и он и она будут демобилизованы, встретятся и проживут лучшей жизнью после всех этих испытаний.

Читая ее добрые, сердечные письма, Лева особенно радовался, что и его спутница так же, как и он, живет надеждой на Всевышнего и только Он может сохранить и его и ее целыми и невредимыми душой и телом.

Часто офицеры и красноармейцы вели разговоры о своих семьях, о своих женах, и многие потеряли надежду встретить своих жен верными. И когда спрашивали Леву о его жене и он отвечал, что он в разлуке с нею с 1940 года и что она служит в армии, в авиации, — многие усмехались и говорили:

— Ну, не надейся на свою жену! Там никто не устоит. Об этом и разговора быть не может: одна женщина в полку, да еще в авиации...

Но Лева был спокоен. Он уповал только на Всемогущего и знал, что только Он, именно Он, дает и верность, и любовь, и надежду на будущее.

— А у вас дети-то есть? — спросил как-то начальник его санчасти.

— Нет, — ответил Лева.

— Это плохо, — сказал майор. — Когда дети есть, то надежды на верность больше, а так, кто знает, что может получиться. Я вот о своей жене, хотя у нас и ребенок, и то не могу не беспокоиться.

— А вот вы почитайте письмо от нее, — сказал Лева. Майор прочел и, возвращая, сказал:

— Да, видно, жена у тебя особо хорошая.

— Она всегда ободряла меня, — сказал Лева, — и бывало, когда я находился в тех условиях, о которых я рассказывал вам, она всегда с фронта и из-под Сталинграда писала чудесные письма. Бывало, прежде, чем мне вручат письмо от моей Маруси, все мое начальство, не говоря уже о цензуре, прочтет ее письмо, и все восхищались ее письмами.

— Я вижу, что она у тебя верующая, как и ты, — сказал майор. — И в этом у вас большое счастье.

Необыкновенной радостью было для Левы полученное однажды письмо из далекого Чалаевска. Там писали, что все ждут его, все живы и бодры и однажды ночью пели:

"Не расскажет ручей говорливый
никому моей тайны...
По лесам и полям молчаливым
пробежит он холодной струей.
Не расскажут, что волны слыхали..."

— О, они приняли крещение, они идут дальше, слава Господу! Душа Левы ликовала, он благодарил и молился за молодежь, которая встала под знаменем Христовой церкви. Они прислали ему свои фотографические карточки. Это было тоже необыкновенно приятно: Эти листочки он бережно хранил, как драгоценность, и вечером, в свободные минуты, снова и снова перечитывал каждое слово.

— Да, действительно, "что холодная вода для истомленной жаждой души, то добрая вест из далекой страны..."

В своих ответах на полученные письма Лева вкладывал в них всю душу, всю любовь. Он знал, эти маленькие весточки, написанные иногда карандашом, будут дороги для тех, кого он любит и которые его любят.

— Да, какое это счастье — любить и быть любимым! Это как лучи солнца, озаряющие все, согревающие и рассеивающие тьму!

В свою записную книжку Лева заносил все новые и новые тексты из Слова Божия. Он давно не был на собрании, давно не имел общения с дорогими братьями и сестрами, но духовно не ослабевал, его любовь не охлаждалась. Личное молитвенное общение с Господом, чтение дорогой, любимой книги, письменное общение с дорогими — вот те источники, которые давали ему силы, находясь в армии, на фронте, не только увядать духовно, но укрепляться в вере все более и более.

Глава 26. Конец войне

"Ты — покров мой. Ты охраняешь меня от скорби, окружаешь меня радостями избавления".

Псал. 31, 7.

Несколько дней их части стояли в городе на берегу реке Сунгари — Цзямусы. Жителей в городе почти не было. Дома без крыш, целые кварталы без населения. С большим интересом Лева с майором обходили эти улицы, заглядывали в полуразрушенные дома. Они не встречали здесь ни стульев, ни столов, ни кроватей. Зато всюду во множестве были какие-то плетеные циновки, которыми и обходились местные жители. Спали, видимо, на вделанных в стену полках. Много всякой бумаги, различных книг встречали они в домах, но все они были на одном из местных языков (корейском, китайском, японском), и никто не смог прочесть в них ни одной строки.

— Во всяком случае, чистой бумаги нужно захватить, — сказал майор. — Пригодится.

Лева согласился с ним. Он надеялся, что если он будет продолжать учиться, то на этой бумаге сможет сделать себе прекрасные тетради для записи лекций.

Все было бы хорошо, если бы не ночи. Опасность грозила от врагов, — Квантунская армия, отступив, оставляла после себя и снаряжение, и продовольствие, и запасы медикаментов. Но ночью на людей нападала страшная армия особо активных маньчжурских блох, они лезли под белье, немилосердно атаковали, и когда утром люди вставали, все тело было покрыто какой-то сыпью, как будто это было начало какого-нибудь неизвестного инфекционного заболевания. И когда был получен приказ — двигаться дальше, все были рады оставить этот переполненный блохами город.

И вот неожиданное сообщение: "Победа! Япония капитулировала!"

Все в армии радовались, все поздравляли друг друга, у каждого крепла твердая уверенность, что теперь-то он вернется домой живым. День победы был объявлен праздником, и его решили отпраздновать как можно более торжественно.

Ну, как русские люди празднуют? Кругом была трофейная китайская водка, причем в неограниченном количестве. Ее привезли в бочках и начали поздравлять друг друга. Водка лилась, меры никто не знал. И когда наступила ночь, всюду слышались стоны, рвота. Многие вовсе без сознания были. Единственные, кто были абсолютно трезвыми, был начальник санитарной службы и сопровождающий его Лева. Они всю ночь обходили части и пытались установить, нет ли тех, кто находится в смертельной опасности и уже не реагирует на нашатырный спирт. К счастью, все обошлось благополучно, никто не умер.

Утром, как в таких случаях "полагается", опохмелялись, а потом — кто мирно беседовал, кто ссорился, кто разнимал. Местами были крики, ругань. Потом кто-то дал сигнал, и на радости многие стали палить из огнестрельного оружия. Высшее командование немедленно дало приказ о том, чтобы личное оружие было сдано.

К Лева подошел ротный офицер и сказал, чтобы он сдал свое оружие.

— А я и не получал его, — ответил Лева.

Много забот и хлопот было в эти дни в санчасти. Кто-то нашел какие-то бобы, поел их, и получилось тяжелое отравление, пришлось промывать желудок и давать сердечное. Другие нашли бутылку с маслом и решили пожарить блины. В результате получилось сильнейшее расстройство кишечника. Это было касторовое масло, которое, как выяснилось, в этой местности и изготовлялось.

Находясь среди людей, с которыми Лева подружился, многие из которых были его товарищами и друзьями, Лева не мог не молиться о них. Он желал, чтобы они были здоровы и чтобы все обошлось без особых несчастных случаев. И надо отметить, что в их мотопонтонной бригаде, в его штабной автороте все было до конца благополучно.

Был получен приказ о возвращении назад, на берега Амура. Командование решило не плыть по реке, а на автомашинах и вездеходах тронуться сухопутным путем. Временами шли дожди, а дороги в Маньчжурии оказались очень плохими. Иногда тракторы помогали вытаскивать машины с войсками из грязи.

Все были рады, когда вернулись на свой берег Амура. И опять разместились в казармах. Жизнь потекла обычным порядком. Осень все больше и больше вступала в свои права, стало совсем холодно. Поговаривали о том, что скоро старшие возраста будут демобилизованы. Ходили также упорные слухи о том, что их части будут направлены на Курильские острова.

Лева хотелось к близким, хотелось страшно — вновь поступить в институт, продолжать учиться.

Его начальник, майор, все еще хотел хлопотать, чтобы аттестовать Леву, как офицера, но Лева упросил его этого не делать.

— Да, пожалуй, и в самом деле я об этом хлопотать не буду, сказал майор. — В звании рядового красноармейца тебя демобилизуют.

Глава 27. Демобилизация

"Знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения".

2 Петра, 2, 9.

Расположенные вблизи госпитали, прибывшие на Дальний Восток с германского фронта, начали свертывать свою

деятельность. Начальнику санчасти было предложено — принять медикаменты этих госпиталей на временное хранение. Медицинская служба госпиталей была рада уезжать домой, демобилизоваться, и постепенно сдавали медикаменты. Майор дал распоряжение, чтобы Лева, помимо своей основной работы, стал начальником аптеки и принял медикаменты.

Их было с избытком, так как госпитали имели много трофейного из Германии, а также своего. Лева все аккуратно записывал и складывал. Особенно серьезно дело обстояло с наркотиками. Сдавший ему заведующий аптеками сказал:

— Не проверяй, сдаем с лихвой!

И когда Лева все же стал проверять, то убедился, что действительно и кокаина и морфия он имел гораздо больше, чем числилось по аптекам. Об этом он доложил майору.

Все больше и больше поговаривали, что на днях их части направят на Курильские острова. Некоторых уже начали отправлять. В этот день Лева для размышления взял текст "Знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения" и с утра, помолвившись, пошел трудиться в аптеки. Там дел было много, Лева старался во всем быть аккуратным человеком, четким.

Вдруг к нему прибежал посыльный:

— Вас немедленно требует ротный командир.

Лева поспешил к нему. "Что означает этот вызов?" — думал он. Возможно, он попал в списки отправляемых на Курильские острова. Это было бы задержкой демобилизации, крушением мечты, что он в этом году будет продолжать учение в мединституте, прерванное в связи с арестом.

— По вашему приказанию красноармеец Смирнский прибыл! — сказал Лева.

— Почему без вещей? — спросил его командир.

— Я не знал, что нужно с вещами, — ответил Лева, и сердце его екнуло: куда?

— Вы демобилизуетесь, едете домой, оформляйте все в санчасти и сегодня же к вечеру являйтесь на сбор всех демобилизуемых.

Кто-то словно произнес в душе Левы: "Знает Господь, как избавлять..." Лева так привык к ударам судьбы, так свыкся с мыслью, что впереди его ожидают только неприятности и нечто тяжелое, что это доброе известие и радовало его и в то же время он был как-то особенно сосредоточен, готов ко всему. Кто знает: а вдруг отменяют его демобилизацию, ведь он... особый человек! Но в душе непрерывно звучал все один и тот же текст: "Знает Господь..."

Майор поздравил Леву, пожелал счастливого возвращения в родные места, успешного продолжения учения, выдал ему хорошую, лестную характеристику. Старшина снабдил его новым обмундированием, вручил красноармейскую книжку, в которой значилось, что он "участвовал в боях" против Японии и награжден медалью "За победу над Японией".

Аптеку принял сам майор.

— Вот что, — сказал Лева он. — У нас излишек всяких медикаментов. Бери себе что хочешь и сколько хочешь, только прошу тебя — не бери наркотиков. Хотя они у нас и лишние, но если найдут их у тебя дорогой или дома, то могут быть недоразумения и достанется мне. Я проверять не буду, что ты возьмешь...

— Хорошо, — сказал Лева. — Я возьму кое-что из медикаментов, но наркотиков не возьму, чтобы не подвести вас.

— Я вам верю, — сказал майор и пожал Лева руку. Вечером был большой торжественный ужин — целый пир, на котором выступал полковник. Он благодарил воинов за службу, за участие в боях, вспоминал отдельные эпизоды войны и в заключение сказал:

— Не желаю больше встречаться с вами на полях войны, мы мирные люди, мы ненавидим войну, ее нам навязали. Давайте лучше будем встречаться с вами на мирном труде, в строительстве лучшего будущего. За это мы и будем снова класть свою жизнь, как клали ее на фронте.

Все аплодировали ему. Искренне, громко аплодировал и Лева.

Демобилизованных посадили в особые, приспособленные для перевозки людей товарные вагоны. Заиграл духовой оркестр. Поезд тронулся. Он шел туда, в родную сторону, туда, к Волге, к родным и близким. Лева внутренне молился и благодарил Бога.

Глава 28. Думы демобилизованного

"Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, — и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя".

Псалом. 138. 9-10.

Теперь, когда поезд, пробежав просторы Дальневосточного края, приближался к Байкалу, Лева невольно вспоминал, как он ехал сюда, на Дальний Восток, в далекий Комсомольск. И только упование на Всевышнего давало ему глубокую веру, что любящим Господа все содействует ко благу и что если он попадет и на край моря, рука Господня и там поведет его.

Так все и получилось. Вспоминалось пребывание в Комсомольске. Как хотелось Лева найти там родных братьев и сестер, как он искал тогда их по улицам, подходил к людям, спрашивал: никто не мог ответить, есть ли они здесь. Однажды у бани он спросил стоявших:

— Не знаете ли, где живут баптисты?

Ему ответили:

— Такой фамилии не слыхали.

Большой отрадой был ему пожилой человек — красноармеец, украинец, который как-то сблизился с ним. Он искал Бога и они вместе взбирались на крышу строящейся казармы и там беседовали и молились. Больше ни с кем Лева не пришлось быть близким.

Вот теперь, когда возвращавшиеся домой люди были особенно веселы, шутили, — он молчал и ни слова не обмолвился о путях спасения. Почему это молчание? Он сам объяснить не мог. "Казалось бы, — думал он, — нужно им сказать о самом важном, чтобы, вернувшись домой, они искали Евангелие, искали верующих, искали спасения". Но Лева молчал. Не было ясного пробуждения, чтобы свидетельствовать. Может быть, некоторые упрекнут его и скажут, что он виновен в том, что не засвидетельствовал о Христе тем людям, с которыми ехал многие дни. Пусть Сам Господь рассудит его.

В вагоне были двойные нары. На нижних нарах расположился Лева. Случилось, что красноармеец, сидевший на верхних нарах, пил чай из миски. Зацепившись за нее, он опрокинул ее, и чай вылился на Леву. Лева вскочил и стал выговаривать ему за его неосторожность. На следующий день повторилось то же самое. Увидев, что опять на него сверху полился чай, Лева был внутренне очень возмущен, но решил остаться спокойным: спокойно обтер лицо, стряхнул воду с рубашки и не сказал ни слова. Товарищи его удивились выдержке и спокойствию.

— Я бы на твоём месте ему сейчас показал... а ты какой терпеливый!

Но Лева был очень недоволен собою. Ведь это внешнее спокойствие, это только оболочка, а внутри, то есть на самом деле, он страшно возмущен и проникнут к этому человеку далеко не добрыми чувствами. Господь же знал все, и Лева видел, что перед ним он совсем невыдержанный и совсем неспокойный.

"Господи! — внутренне просил он. — Эта длительная поездка, эти люди кругом, — это тоже школа для меня. Научи меня не сердиться в действительности и быть внутренне спокойным".

Они проехали еще несколько дней, и опять все тот же неуклюжий красноармеец на верхних нарах опрокинул миску с чаем и вода полилась на Леву. Все кругом кричали и ругали неуклюжего, но Лева на этот раз был счастлив: внутренне он нисколько не обиделся и не рассердился.

Приближался Иркутск. Волны воспоминаний юности нахлынули на Леву.

— Да, там были его университеты, там целых полгода он провел в одиночке... Это было, когда Лева было всего-навсего девятнадцать лет. Далее пошли знакомые станции и, наконец, Красноярск. И вот тут все перемешано: с одной стороны, испытанная им в те дни большая радость дивных встреч с ссыльными и заключенными братьями, с другой стороны, как достойное увенчание этих встреч — личный тернистый путь, путь пребывания в заключении и больших страданиях. Но удивительно: теперь, когда все это уже позади, все пережито, — эти лишения, эти тернии как-то не помнились и не чувствовались.

А вот радость служения Господу горела, пылала в его сердце, и он знал, что это — вечное и перед лицом этой Вечности перенесенные им временные страдания — это поистине ничто.

Он задал себе вопрос:

— Что, если бы ему дали юность вновь? Как бы он начал ее? И он тотчас же ответил себе без колебаний:

— Так же, только еще лучше, еще жертвеннее, ибо поистине "нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих".

И вот Урал, вот те знакомые станции... и опять воспоминания пережитого встают перед ним: тюрьмы, колонии... И все это кажется не мрачным, а чем-то хорошим, ведь это за Христа, за Его учение...

Подъезжали к Уфе. Тут дороги, близкие. Он совсем не думал о том, что здесь его посадили в тюрьму, что здесь оборвалось на полпути его высшее образование. Он думал о том, что тут есть родные, очень родные ему по крови Иисуса.

"Как хорошо было бы посетить их! — думал он, и в то же время в нем боролись другие чувства: — Тебя ждут дома, очень ждут. Ждет мать, родные, домашние... Как быть?"

И всплыл текст:

"Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня".

Поезд остановился на станции Уфа.

— До свиданья, товарищи, до свиданья, ребята! — вскричал Лева, схватив свой чемодан и вещевой мешок.

— Ты куда, куда? Ведь до Куйбышева ты! — кричали ему.

— У меня здесь родные, я к родным заеду, — ответил Лева и бодро зашагал по перрону

Глава 29. Фавор и долина тени смертной

"Господь — Пастырь мой. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим... если я пойду и долиной смертной тени, не убоюсь зла..."

Псал. 22.

Ближайшим от вокзала местом, где были родные, был Уральский проспект. Там находился и молитвенный дом, на открытии которого Лева некогда присутствовал. Когда он вошел в квартиру Пономаревых, Фекла Ивановна посмотрела на него с удивлением. Перед ней был красноармеец, в шинели, с погонами. Но, взглянув в лицо, она сразу

узнала Леву.

— Брат, дорогой! — воскликнула она. — Какими судьбами, как?

— Судьбами Божьими, — улыбаясь, ответил Лева. — Демобилизован, еду в Куйбышев. Вот взял да заехал к вам.

— Вот радость, вот радость! Проходите. — Сейчас придет Тоня, она сообщит всем. Молодежь, кто свободен, тут же соберется, а вечером собрание...

Для Левы настал настоящий фавор. Он был принят, как самый родной, все, кто ни приходил, приветствовали его, поздравляли. Глаза всех были обращены к нему только с любовью.

— А мы, брат, слышали, сколько ты пережил, сколько скитался, — говорила Тоня, дочь Феклы Ивановны. — И вот как Господь все дивно сделал! Теперь ты возвращаешься из армии, будешь полноправным гражданином... Как все хорошо!

Пришла Лида Шардакова, студентка. Глаза ее сияли. Она спросила Леву:

— Ну, как вы, брат Лева, будете продолжать учение?

— Непременно! — уверенно сказал Лева. — Верю, Господь откроет дверь и я вновь буду взбираться к высотам науки.

Вечером было собрание, на нем говорил Лева. Говорил о великом Боге, Который для всех является родным, любящим Отцом, говорил о том, что — Он знает, Он слышит, Он силен, Он любит.

Слушатели, смотря на Леву, видели, что он говорит то, что испытал, пережил, и свидетельствует о Господе, Которого он не знает, как любящего и всемогущего.

После собрания остались молодежь и некоторые из пожилых. Они вели долгую, сердечную беседу. Каждый делился своими переживаниями, искушениями. Потом вместе молились и принесли все к ногам Господа.

— Дорогой брат! — сказала сестра Катя Чуешова. — Вот на память вам один листочек... — И она подала Лева его. На плотной бумаге в красивой рамке был вытеснен текст:

"И ты хорошо сделал, что пришел: теперь все мы предстоим перед Богом, чтобы выслушать все, что повелено Тебе от Бога". (Деяние апостолов 10, 33).

Стояла дата — 2 декабря 1945 года.

На оборотной стороне было написано: "От молодежи Уфимской общины". Личная подпись каждого стояла на этом ли сточке.

— Слава Богу, — сказал Лева, — что Он помог мне хорошо сделать: остановиться, повидать вас. Для меня нет большей радости, как слышать и видеть, что вы ходите к истине. Помогите вам Господь до конца быть верным Ему. А то, что я сказал о любящем Боге, — это то, что лежало на сердце.

— Да, это для нас самое дорогое, — сказала Нюра Евдокимова.

— Да, брат, действительно хорошо, что вы приехали! — задумчиво произнесла Зина Мыльникова. — Мы вместе с Верой и Ваней Недзельским часто молились о вас. И вот теперь воочию видим ответ на наши молитвы.

— Да, это укрепит нашу веру! — воскликнула Таня Рендель. — Как хотелось, чтобы вы побыли у нас подольше!

— Не смогу, дорогие! — ответил Лева. — Завтра постараюсь посетить всех в Уфе, а к вечеру добраться в деревню, к брату Николаю, что уверовал в узах. Горит сердце посетить его.

— Мы пойдем с тобой! — сказали Вера Мыльникова и один молодой брат, приехавший с Украины.

— Очень буду рад, если вы будете моими спутниками! — ответил Лева.

Весь следующий день, с раннего утра, Лева ходил по Уфе, посещая семьи верующих. Зашел он также и к старушке, которая подарила ему Евангелие. Увидев Леву в военном, она порадовалась:

— Вот теперь вы полный гражданин!

Очень интересовали старушку его обмотки, и она спросила:

— Да как же вы наматывали их по тревоге?

— Да так, — ответил Лева. — Специально обучали, чтобы этот клубок не перепутался, не откатился в сторону, иначе беда!

— Ну, дай вам Бог вернуться к маме! Ведь она так исстрадалась за вас! Вот и жена, Маруся, скоро демобилизуется, заживете... Пора уж действительно пожить спокойной жизнью.

Посетил Лева также и своих друзей, работников НКВД, которые некогда пытались его "перевоспитать".

Увидев его в военной форме, они тоже очень обрадовались за него.

— Ну, вот, наконец-то выплыл! — говорила хозяйка дома, угощая Леву. — Теперь будет и семья, пожелаем тебе и детей. Учись, развивайся!

— Только о Боге, — вступил в разговор ее муж, — о Боге постарайся меньше говорить. Ну, верь, это понятно, тебя никто не переубедит. Но старайся не распространять веру — это к добру не приведет...

— Вот что, Лева, — сказал он, вставая из-за стола. — Сейчас мы идем в кино. Идем-ка с нами. Надеюсь, ты не отвергаешь искусство.

— Искусство я не отвергаю, но вот времени у меня в обрез и на посещение кино я его никак не могу тратить...

Как ни убеждали, как ни уговаривали его пойти с ними посмотреть фильм, Лева не согласился, а, расставшись с ними, поспешил на место, где его должны были ожидать Вера и брат.

Зима уже вступила в свои права, уже выпало порядочно снега, а к вечеру поднялся холодный ветер, начало буранить. Лева и двое его спутников бодро шагали километр за километром. Они рассчитывали, что называется, одним махом преодолеть дорогу. Но, увы! Ветер бил прямо в грудь. Снег мешал идти. Начало темнеть. Лева весь день провел в ходьбе, немудрено, что он чувствовал себя крайне истомленным. Силы быстро покидали его. Брат-украинец и сестра Вера то и дело останавливались, поджидая его. Лева явно отставал. Видимо, сказала и дальняя дорога в поезде.

Стемнело.

— Ты, брат, поешь, может, силы прибавятся, — сказала Вера. Но Лева есть не мог, во рту пересохло. А ветер крепчал, и снег падал все сильнее и сильнее. Они остановились, отдышали, шли дальше. Наконец, Лева совершенно выбился из сил. Дорогу задувало снегом. Больше идти он не мог. Брат и сестра взяли его под руки и потащили. Было совсем темно, дул холодный, пронизывающий ветер. Как ему, так и его друзьям дорога была незнакома.

— Неужели заблудимся? — сказал брат-украинец.

— Неужели пурга усилится? — сказала Вера.

Лева же настолько устал, что ему трудно было говорить. В душе он думал:

"Неужели, столько перенес... уже, кажется, у цели, и вдруг замерзнуть в пургу!"

Это казалось нелепым, но в то же время и холод, и ночь, и непогода — все напоминало о "долине тени смертной".

— Хоть бы огонек какой! — сказала Вера. — Ничего не видно.

— Я больше идти не могу, — сказал Лева и тяжело опустился на снег.

Они начали молиться, молиться Тому, в Кого верили. Когда Вера открыла глаза после молитвы, она закричала:

— Смотрите, вон там я вижу огонек...

Брат-украинец тоже увидел огонек, а Лева как ни всматривался, ничего не видел. Он очень ослаб. Его взяли под руки и потащили.

Ужасно хочется отдыха, хочется покоя, а надо идти, идти. Как хорошо, что Бог послал ему таких спутников: родного брата, родную сестру. Лева знал, что они его не бросят. Он был спокоен, но все тело ощущало страшную усталость.

— Смотри, брат, — сказал украинец, — вот огонек уже совсем близко.

Но Лева, как ни старался увидеть, ничего не видел.

Они подошли к небольшой одинокой железнодорожной будке, из окна которой светился огонек. Тут проходила железная дорога. В будке им разрешили переночевать.

Наутро со свежими силами достигли они деревни, в которую шли. Каково же было их разочарование, когда брата Николая дома не оказалось! Он уехал в командировку.

Но они не унывали. Побеседовав о Христе с его близкими, родными и другими крестьянами, которые заходили в избу, они, отдохнув, помолившись, двинулись в обратный путь.

— Будем верить, — сказал Лева, — что путь наш не был бесплодным, посеянное не пропадает.

Многие близкие, родные в Господе провожали Леву. Все верили, что вскоре опять увидят его.

— Мы об этом будем молиться! — говорила молодежь.

Приближался Куйбышев. Поезд останавливался на всех станциях. Это было для Левы мучительно. Хотелось, чтобы поезд летел как экспресс, а ехал Лева в обычном поезде — "Уфа — Куйбышев". Ехал по воинскому билету, выданному ему в Уфе для продолжения пути.

Сердце тревожно билось: как? что будет? Он не сомневался, что теперь его пропишут, выдадут нормальный паспорт, не сомневался, что любящий Господь все устроит. Но встреча с близкими — желанная встреча, и она не могла не волновать его.

На вокзале станции Куйбышев к нему подошел офицер и спросил:

— Вы демобилизованный?

— Да, — ответил Лева.

— По какому адресу вам нужно домой?

Лева сказал.

— Подать машину и отвезти его домой! — распорядился офицер.

Тогда демобилизованных, возвращавшихся в Куйбышев, с почетом развозили по домам.

Вот и родная улица, вот и родной дом. Лева взял чемодан и вещевой мешок, поблагодарил водителя и выскочил из машины. Подошел к калитке.

— Господи, благослови новую жизнь! — прошептал он и вошел во двор.

Глава 30. Возвращенная юность

*"... Избавляет от могилы жизнь твою,
венчает тебя милостью и щедротами;
насыщает благими желание твое;
обновляется, подобно орлу, юность твоя".
— "Господь творит правду и суд всем
обвиненным".*

Псал. 102, 4-6.

Трудно передать ту радость, которую испытывал Лева, когда после долгой разлуки он обнимал родную мать. Но еще труднее рассказать о переживаниях матери, когда она целовала вернувшегося сына. Ведь столько уже было разлук, ведь столько было, казалось, безнадежных положений, когда терялась всякая возможность их встречи, но она молилась, молилась, и Бог отвечал. Ответил Он ей и теперь.

Лева обнимал Анну Ананьевну, глаза которой сияли радостью.

— Вот Господь и привел тебя, Лева, теперь будем трудиться вместе, ты так здесь нужен!

Обнимал Лева и целовал своих сестер.

Семья склонилась к горячей молитве благодарности перед Господом. Лишь одна из его сестер не преклонила колени, а равнодушно стояла в стороне. Лева чувствовал, что она лишена той радости, какую имеют они. Даже о родстве подумалось ему, потому что оно как-то потускнело между ними. Она духовно ослепла, ее жизнь проходила во тьме. Леве было больно за нее, но что поделаешь? Она потеряла веру в Бога.

Лева сел за стол, на который мать ставила угощение. Как давно не сидел он свободно за этим столом, приходил и уходил, как странник; А теперь он знал, что будет жить здесь, трудиться, будет иметь некоторый отдых после всех испытаний.

— Что пишет папа? — спросил Лева.

— Он сейчас находится в Кокчетавской области, в ссылке, — сказала мать. — Бодр, здоров, работает день и ночь.

— Слава Богу! — сказал Лева. — А как дядя Петя?

— Он все с семьей в Фергане, — ответила Анна Ананьевна. — У них большие благословения в общине, он друг молодежи и трудится по-старому.

— Как так по-старому? — поинтересовался Лева.

— У них праздники, и детские и юношеские. Дядя Петя даже выпускает христианскую стенную газету.

— Вот это хорошо! — воскликнул Лева.

— Сегодня собрание, — сказала мать.

— У Доминикии Григорьевны? — спросил Лева.

— Нет, общину зарегистрировали, и на Клинической улице мы имеем небольшое помещение.

Вечером Лева пришел на собрание. Как был, в солдатской шинели и при погонах, прошел вперед.

Близкие, родные лица; полная любовь в глазах. Какой привет!

Пресвитер Василий Алексеевич представил Леве слово. Встав на маленькую кафедру, Лева приветствовал родных, близких, верующих любовью Христа и проповедовал о любви Христа, которая спасает и ведет по жизненному пути. Он говорил четко, ясно, с вдохновением; слова лились из самого сердца.

— Я не чувствую, что годы уходят, юность вернулась, хочется только славить Спасителя и трудиться для Него.

После собрания его приветствовали, обнимали, его окружила молодежь, каждый звал к себе.

— Кто может, пойдемте ко мне, — предложил Лева, — порадуемся вместе.

Молодежь, среди которой были студенты, пошла к нему. Это была задумчивая встреча. Не столько он, сколько каждый брат и сестра делились своими переживаниями, искушениями. Потом склонились на колени и все это сказали Господу.

О, как это было дивно! Там, за окном, была зима, стояла холодная, морозная погода. Там было темно. А здесь светло... и весна. Юные души — цветы жизни — благоухают чудной любовью к Богу, к человеку...

Лева узнал, что Алексей Иванович в Чапаевске лежит в больнице, жизнь его догорает. И он решил назавтра же, не устраивая своих дел, прежде всего поехать, посетить больного. С ним согласились поехать и некоторые из молодежи, которые были свободны.

Поздно ночью легли спать. Мать уложила его на перине.

— Отдыхай, странник! — говорила она. Но, увы, Лева не привык спать на перине, на мягком. С семнадцати лет он спал только на жестком и тут, поворочавшись на мягком, постелил на полу подстилку и почувствовал себя очень удобно.

Но и тогда не сразу уснул он. Он видел воочию весну в людях, ту весну, о которой мечтал в заключении и которую ему удавалось создавать лишь внешне. В разгар зимы он ставил в амбулатории в воду большие кусты черемухи, и они распускались, зеленели листья, цвели грозди белых цветов, каждый больной подходил и улыбался.

— Уже весна! — говорили люди и вдыхали нежный аромат черемухи. Приезжали даже из соседних мест смотреть на эти кусты весны в стационаре амбулатории. Но это был только прообраз. А теперь он видел, как среди стужи греха, тьмы неверья и суеверьья появились подснежники. Люди расцветали, соприкоснувшись с Христом.

Когда Лева тихо вошел в больничную палату и осмотрелся, на одной из коек он увидел того, в котором узнал Алексея Ивановича. Худой, изможденный, умирающий. Сердце сжалось у Левы. Он подошел к постели?

— Алексей Иванович! — тихо позвал он.

Больной открыл глаза, он узнал Леву, оживился, попытался присесть в постели и — закашлялся. Туберкулез сделал свое страшное дело. Лева протянул к нему руки, обнял, приподнял и поцеловал в губы.

— Не надо, не надо! — говорил больной. — Я заразный, не надо! Лева плакал:

— Алексей Иванович, как я хотел встретить вас здоровым, как я хотел, чтобы мы вместе еще поработали для Господа!

— Нет, я ухожу, — промолвил больной. Я так жалею, что моя юность прошла впустую. Много слышал я от отца об Отце Небесном. Мой папа Иван Миронович был близок к твоему папе, они трудились, но я жил в суете и, только когда заболел, очнулся. Но, слава Богу, в моем доме были собрания, многие грешники в моем доме нашли спасение, я радуюсь, что не только моя жена и я, но и дети мои спасены.

— Так, может, Бог даст, поправитесь, — сказал Лева, — ведь труда так много, так много...

— Нет, — сказал Алексей Иванович, — пришло время мне идти домой. Господь лучше знает, почему так. Я бы очень хотел трудиться для нашего народа, проповедовать Евангелие, но, видимо, Его воля. Верю: ты, Лева, и Степан Онисимович, наш дорогой старичок, еще потрудитесь. Я же буду ждать вас и всех любящих Христа там, на небе...

Вечером в доме Алексея Ивановича было чудное собрание. Много молитв благодарности вознеслось к Господу. Но брат Шагов, местный руководитель общины, сказал, что собрание сегодня будет коротким.

– Почему? — удивился Лева.
– А мы все и все слушатели пойдем сейчас в один дом, там будет праздник.
– Какой праздник? — спросил Лева. — Как будто сегодня не воскресенье.
– Все верующие решили устроить вечерню любви и в веселье, в простоте сердца отблагодарить Бога, что Он услышал наши молитвы и вернул вас. Мы уже сообщили в Томылово и в Безенчук, — придут и оттуда.

Это была чудная вечерня любви, которую Лева не видел с 1928 года, когда в Самарской общине устраивались еще подобные торжества.

Когда они пришли в упомянутый дом, там собралось уже много верующих. Были расставлены столы, на которых красовались плоды земли. Горячие молитвы возносились к небу. Много пели и общим пением, и группой молодежи!

Студент Юрий Рязанцев с дерзновением читал и говорил из Слова Божия. Вера Слепова с вдохновением продекламировала стихотворение. Шура Данилова вместе с другими сестрами спела гимн, который в те дни был распространен среди верующих:

"Выхожу на новую дорогу,
предо мной тернистый путь лежит...
Никогда назад я не вернусь,
хотя труден путь мой и далек,
никаких преград я не страшуся
впереди лишь был бы Огонек..."

В этот вечер не только Лева, но и многие старички и старушки забыли, что не мало лет утекло. Произошло то, о чем написано:

"Обновляется подобно орлу юность твоя". Среди молодежи все были молоды, каждый хотел петь, говорить и благодарить Бога.

Было за полночь, но никто не хотел расходиться, никто не чувствовал усталости.

Но вот новая радость добавилась к их радости. Новые души пожелали молиться, покаяться, отдаться Христу. Пели самый любимый гимн Левы:

"Радостную песню воспойте в небесах:
найдена пропавшая овца".

Каждый спешил сказать новообращенным добрые пожелания, каждый желал друг другу только добра. Казалось, частичка неба спустилась на землю...

На следующий день Лева был уже дома. Начал оформлять документы на получение паспорта, а потом и прописку в городе. Все устраивалось без задержки. Господом был явно открыт зеленый семафор — устроивший все есть Всевышний.

Ни один час, ни один вечер не пропадали у Левы даром. Встречи, посещения, общение... Везде он старался быть чутким, отзывчивым. Любовь к Богу и к ближним переполняла его сердце.

Хотелось всех приветствовать. Как только кончилось собрание, он спешил к выходной двери, чтобы успеть поздороваться с каждой старушкой, с каждым старичком, каждому, по возможности, сказать доброе слово. Он старался угадать по глазам, нет ли у кого горя, болезни, чтобы побеседовать и утешить.

Доминикия Григорьевна была несказанно рада слышать голос Левы. Она щупала его лицо, как это всегда делают слепые, не видящие, и сказала:

— Я благодарю Бога, что Он сохранил тебя таким же. Трудись, я буду твоей верной молитвенницей, и каждый день буду приносить тебя к Престолу милости.

Лева был очень благодарен ей, так как он знал, как велика вера в этой больной, слепой старушке.

— Теперь я буду молиться, — сказала старушка, — чтобы твоя Маруся скорей демобилизовалась. Бог даст вам дитя, и вы будете вместе трудиться для Господа и растить его.

Побывал Лева и в медицинском институте. Там, узнав, что он полностью окончил и сдал экзамены за первый семестр, предложили представить соответствующие документы для того, чтобы он мог быть зачислен студентом со второго семестра. Лева метеором съездил в Уфу, взял соответствующую выписку из канцелярии Уфимского мединститута. Но когда он там попытался найти в личном деле свои характеристики и другие документы — их не оказалось. Куда они могли исчезнуть? Он пошел в НКВД, но и там их не было; пошел в суд, где его судили, в надежде, что может быть, их приобщили к судебному делу. Секретарь суда встретила его приветливо:

— Мы все очень жалели вас, когда вас судили, — сказала она, — все это было так нелепо... А судья ваш, знаете, потом застрелился.

Документов и характеристик в деле также не оказалось. Видимо, нашлись такие люди, которые старались не только убрать Леву, но и уничтожить всякий след о нем. Но Господь вывел его из бездны земли, и Господь ведет дальше.

Краткой, но весьма радостной была встреча с уфимскими друзьями. Особенно порадовали его те, которые уверовали при открытии молитвенного дома, готовились к крещению.

Все, все устраивалось. Все было радостно. Но глубокая печаль все время терзала душу Леву: одна из его родных сестер погибла — погибла в неверии.

Однажды вечером, когда в их доме снова собралась молодежь и среди них Толя Зенков, они беседовали, и Лева

сказал, что ему тяжело, что его родная сестра погибла. Решили молиться о ней. Из соседней комнаты позвали ее. Она была мрачной и раздраженной. Была все время не в ладах с матерью...

— Мы будем молиться за тебя, чтобы Бог тебя спас, — сказал Лева.

— Не нужно, — горько усмехнулась она. — Это ни к чему, я не верю ни во что...

Они все вместе с матерью опустили на колени и в слезах стали молиться о ее погибающей душе. Она стояла. Молился и Лева.

— Перестань, Лева, — сказала она. — Я знаю, что ты желаешь мне добра, но я не верю.

Что было делать? Лева не мог перестать молиться, он плакал, вместе с ним плакали и другие и молились, молились.

И она опустилась на колени и закричала:

— Бог, если Ты есть, спаси меня! Я так измучилась, прости меня!

Она была спасена.

Глава 31. Как идти?

"Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее".

Марк. 8, 35.

Кончился 1945 год. Близился канун следующего года. Лева был зачислен студентом, жена писала бодрые письма. Подавали надежду, что и она в скором времени будет демобилизована. В доме были все живы и здоровы. Отец из ссылки писал радостные, подкрепляющие письма, дядя Петя сообщал о новых и новых пробуждениях среди жителей Ферганы, отовсюду приходили приятные сообщения, что дело Божие восстанавливается. Огни новых и новых общин ярко горят, освещая путь к правде и истине.

Не покладая сил трудился Лева в эти дни, свободные еще от занятий в институте. Посещал, встречался с братьями, с молодежью, участвовал в каждом собрании. По субботам после собрания вместе с десятками братьев и сестер из молодежи выезжал в Чапаевск. Там они проводили ночные собрания, на каждом из которых калялись грешники. А утром возвращались в Куйбышев, чтобы участвовать в утреннем собрании. Поистине это была жизнь огня и движения: вперед и только вперед.

Из Тяглого Озера приехала молодая девушка, которая учительствовала в селе Пестравке. Она рассказала, что, отдав свое сердце Христу, встретила притеснения:

— Меня не сняли с работы, но предупредили, чтобы я никому не говорила... И я молчу. Но вот что произошло недавно. Поселилась я на квартире у одних завязых безбожников-атеистов. Они узнали, что я верующая, и крепко-накрепко предупредили, чтобы я ничего не говорила о Боге их дочери.

Однажды девочка заметила, что я читаю Евангелие, и спросила меня: "Что читаешь?" Я ответила, что это тебе не нужно знать. Прошло несколько дней, прихожу я вечером домой, смотрю: она сидит и читает мое Евангелие, — достала его из-под моей подушки. Я ей говорю: "Что ты делаешь? Это тебе нельзя!" А она как посмотрит на меня, как заплачет... И говорит: "Неужели ты хочешь, чтобы я погибла?" Опустились туг мы обе с ней на колени и молились, и я не могла не сказать ей, чтобы молилась сама она Христу о прощении грехов... Она молилась и вот теперь... радуется...

— Да, дивная пора пришла! — сказал Лева. — Не будем прятать Евангелие от народа, будем молить Господина жатвы, чтобы Он выслал делателей на жатву свою, чтобы послал в народ жажду и голод слышания Слова Божия.

Проходили благословенные собрания, огонь пробуждения разгорался.

Однажды, когда кончилось утреннее собрание, пресвитер Василий Алексеевич попросил Леву остаться. Лева всегда оказывал ему любовь и уважение, слушал его дружеские замечания, и они были в самых близких и хороших отношениях.

— Мне надо поговорить с вами наедине, — сказал пресвитер. — Так работать, как вы, не годится, понимаете?

Он наклонился к Лева и тихо сказал:

— Из-за вас мне уши дерут, дерут... вы понимаете?

Лева не стал расспрашивать пресвитера, кто и как драл его за уши, — он все это отлично знал и понимал.

— Так вот, — продолжал пресвитер, — вам нужно быть потише. Ну, одним словом, не лезть на рожон, вы и так много пострадали, живите потише, ходите на собрание. От молодежи подальше. Ездить я вам тоже не советую. Вот приедет ваша жена, будете учиться, живите, как все верующие, и все будет хорошо.

Лева молчал. Ему было очень больно слышать эти слова.

— Дорогой брат, — продолжал пресвитер. — Если вы не будете вести себя тихо, то будет плохо. Во-первых, самого себя погубите, потеряете паспорт, который вам дали, — все потеряете. А потом подведете все дело Божие: из-за вас тут и молитвенный дом закроют. Подумайте об этом хорошенько...

Лева молчал. Он встал и наконец сказал:

— Будем молиться об этом, дорогой брат. Я против вас ничего не имею, люблю и уважаю вас. Но — пусть Сам Господь руководит мною...

Много размышлял Лева, размышлял и на коленях. И был в костях его огонь, и он не мог удерживаться. Он абсолютно не видел никакой опасности воли, которая бушевала кругом, он лишь видел Христа, его Голгофскую

жертвенную любовь, и эта любовь звала его к подвигу, звала на ту дорогу, по которой шел и Христос, и иного пути для него не было.

"Буду учиться, хорошо учиться, — думал Лева, — заниматься научной работой и в то же время буду всегда держать в руках святое Евангелие и везде, где только можно, и жизнью, и делом, и словом буду Его свидетелем.

Погибнуть, спасая хотя бы одну душу, лучше, нежели жить впустую, не исполняя заветов Христа. Свои каникулы, все возможности отдам для Него, ведь столько еще кругом не знают спасения, столько людей гибнут...

Господи, помоги мне, веди меня, как Сам Ты хочешь, а что будет — я не думаю. Ведь без воли Твоей и волос с головы не упадет". И он тихо пропел:

"Дай трудиться для тебя, Господь.
Любовью всем служить
с утра раннего и до заката дня.
А когда велишь работу
мне земную Ты сложить,
на небесный клич тогда предстану я".

Часть 8. ПО ДОРОГЕ ИСПЫТАНИЙ (1949)

Дорогое обещанье
Бог нам, странникам, дает:
"По дороге испытанья
поведу тебя вперед!"

Сб-к "Гусли", 386.

"Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь".

1 Послание. Петра, гл. 4, ст. 12-13

... Наказать даже одного человека за его религиозные убеждения есть конечно одно из самых страшных злодеяний в мире; но наказывать огромное количество людей, преследовать целую секту, пытаться искоренить мнения, которые, истекая из самого состояния общества, служат лишь проявлением дивной и роскошной производительности человеческого ума — все это составляет не только одно из самых вредных, но и одно из самых безрассудных дел, какие только мы можем себе представить.

... Мы много слышим о мучениках и исповедниках — о тех, которые были умерщвлены мечом или сожжены на огне, но почти ничего не знаем о гораздо большем числе тех, которые одною угрозою гонения были доведены до наружного отречения от своих убеждений и, принужденные, таким образом, к отступничеству, которого ужасалась их душа, провели остальную жизнь свою в постоянном, унижительном лицемерии. В этом именно заключается настоящее зло религиозных гонений. Когда, таким образом, люди бывают вынуждены маскировать свои мнения, то в них образуется привычка обезопасить себя посредством обмана и покупать безнаказанность ценою лжи; для них ложь становится одной из ежедневных потребностей, а лицемерие — одним из обычаев...

Г.-Т. Бокль. История цивилизации в Англии. Том I. Русск. перев. 1866 г.

Предисловие

Прошли годы, и по закону судимость уже снята, но последствия наказания дают себя чувствовать ежедневно, даже по прошествии чуть ли не четверти века. Медицинская работа в местах заключения за отсутствием реабилитации не входит в трудовой стаж, а поэтому Лева получал зарплату пониженную, не соответствующую стажу его работы. Когда же он достиг шестидесяти лет, то не смог получать пенсию по старости и труду: у него не хватало десяти лет к 25 годам необходимого стажа.

В те дни, когда восстанавливалась законность в нашей стране, был также реабилитирован и Лева. Но нашлись люди, которые добились отмены его реабилитации. Уполномоченный комитета госбезопасности по Оренбургской области, потребовавший, чтобы Лева возвратил справку, признался:

— Это странный случай. Я никогда даже не слышал, чтобы у реабилитированных когда-нибудь отнимали справку о реабилитации. Видимо, у вас есть какие-то враги, которые вредят вам и делают зло...

Лева вернул справку о реабилитации. Взамен ему выдали другую, по которой он считался отбывшим срок определенного наказания, но не реабилитированным. Все его попытки добиться справедливости ни к чему не привели. Прокуратура города, в котором он был осужден, ответила на его просьбу о пересмотре дела: "Прокуратурой области изучены уголовные дела, по которым вы были осуждены в 1935 и 1949 годах. Установлено, что осуждены вы были правильно. Оснований к пересмотру этих дел не имеется" (ответ от 7 июля 1972 г.)

В чем дело? Действительно ли Лева является государственным преступником, правильно осужденным по ст.58

(п.п. 10 и 11) УК, то есть контрреволюционером, якобы возглавлявшим антисоветскую организацию, цель которой была — свержение существующего строя? Не проще ли, не яснее ли сказать, что здесь налицо были преследования верующего человека за его религиозные убеждения?

Нарушал ли Лева законы нашей страны? Или же их, наоборот, нарушили те, которые попрали статью Конституции СССР о свободе вероисповедания и под флагом "борьбы с антисоветчиной" проводили массовые преследования ни в чем не повинных верующих людей?

В пользу последнего мнения говорит тот факт, что все осужденные в те годы получили сравнительно небольшие сроки и затем все подверглись массовой реабилитации. Все, за исключением умерших, погибших, замученных. Лева тогда тоже был реабилитирован, но...

Мы, однако, верим, что правосудие существует. Есть праведный судья — Бог, Который каждому воздаст по делам его. Еще Лермонтов в стихотворении "Смерть Поэта" засвидетельствовал, что:

"... есть Божий суд...
Есть грозный суд: Он ждет,
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела Он знает наперед..."

Мы верим, что Бог, видящий страдания, несправедливости, слышит стоны народа своего и придет, чтобы восстановить справедливость.

...Говоря языком апостола Петра, Лева в 1949 году довелось испытать многие "странные приключения". О том, что он испытал, и рассказывается на этих страницах.

Глава 1. И поднялся бурный ветер

Семья Беловых в Джизаке (станция-городок вблизи Самарканда) была живым светильником, и слава о их любви к Богу и людям была известна далеко за пределами их церкви. И Лева видел, что они приняли его, как самого родного и близкого, переживая за него, молились и ожидали, что Господь поможет.

Погасили свет, и Лева, лежа на мягкой удобной постели, невольно размышлял о недавно минувшем: как было все хорошо, он учился в родном городе Куйбышеве. Два года он был уже председателем студенческого научного кружка биохимии, был председателем фармакологического кружка, занимался научной работой на кафедре фармакологии: у него появилась идея собрать весь народный опыт лечения травами по Среднему Поволжью, начиная с Куйбышевской области. Профессор фармакологии Тетерин П. одобрил эту мысль, и Левой были составлены особые анкеты, которые отпечатали в институте для раздачи студентам, уезжающим на каникулы, чтобы они собирали травы, гербарии и, знакомясь с врачами, изучали народный опыт лечения травами.

Лева до окончания учебного года уже успел съездить в район Куйбышевской области вместе с членом общины Зиной Богомоловой к ее родителям, где в мордовском селе жила старая травница, которую звали "черная баба". Обыкновенно травники скрывали свои секреты и, когда лечили больных, не говорили о составе трав; скрывала свое лечение и "черная баба", но когда она узнала, что Лева верующий человек и молится, она расположилась к нему и показала, на каких травах она настаивает дрожжи, чтобы лечить чирьи, что помогает при кровотечении, и другое.

Кроме того, Лева держал тесную связь с краеведческим музеем, с ботаническим садом, с аптекоуправлением, собирал гербарии лечебных трав, узнавал их применение. Он думал, что, используя народный опыт и зная в то же время уже применявшиеся в лечении травы, можно будет найти новые средства растительного происхождения для лечения больных. И вот анкеты были розданы, начались каникулы. Лева намечал поездки, чтобы соединить собрание образцов народных лечебных трав с посещением верующих, призывом грешников, работая среди молодежи и прославляя Бога. И вдруг вызов. Он сидит перед человеком, одетым в военное. Один вопрос к Лева: "Вы хотите быть советским врачом и оставаться верующим?" Краткий ответ: "Да".

— Это несовместимо, выбирайте то или другое.

— Я не буду выбирать то или другое, — я выбираю быть советским врачом и быть верующим.

— Ваш паспорт, — сказал человек...

— И началось... В десятидневный срок Лева предложено было покинуть город.

Он взял документы из института для перевода в Оренбургский институт, куда он съездил и договорился с директором, что его примут... но увы... его не приняли.

Он поехал в Москву, стал хлопотать там, чтобы дали предписание Оренбургскому институту зачислить его студентом. Это предписание он получил, но дирекция опять не согласилась его принять, началась длительная переписка с Москвой, в результате которой было предписано директору института его принять. В канцелярии все его поздравляли с успехом, он уже сдал документы. Его вызвали в спецчасть, выдали бумаги и сказали: "Вы учиться не будете".

И он опять в Москве, опять хлопочет в Главном управлении высшего образования Министерства здравоохранения СССР, чтобы направили его в такой город, который был бы нережимный, где можно было бы учиться. Его направили в Самарканд, дали официальное направление, чтобы его там приняли.

И вот он уже в институте, все оформляется, и опять тот же окончательный ответ: "Вы учиться не будете".

Лева беседовал с директором и говорил, что если я сейчас учиться не буду, то разрешите мне работать при институте в лаборатории. Место в институте для работы Лева нашлось, он уже договорился с одним профессором, что

будет работать при кафедре. И опять: "Работать при институте вы не будете".

Откуда же и почему такая погода, ведь сейчас идет 1948 год? Конституция со статьями о равноправии для верующих и неверующих попирается, и слышно, что там и тут продолжают аресты различных людей, честно трудящихся.

Когда же будет ясная погода, когда же наконец можно будет свободно дышать? Но впереди ничего не было видно. Он ездил в Ташкент, Алма-Ату и другие города, пытался поступать в институты уже без указания Москвы, но везде для него звучал один ответ: "Нет, вы не можете учиться".

Приходилось только восхищаться прекрасной работой органов НКВД, всевидящие, всезнающие, они, казалось, были выше партии и правительства и, вопреки всем законам, творили свою волю. Знаменитый Берия вершил судьбами всех людей.

Конечно, Лева понимал, что как сердце фараона было в руках Божиих и Бог показал на нем величие Свое, так и тут совершаются какие-то планы Божий. Он молился Господу указать, где и как остановиться и что делать, и решил остановиться в Джизаке, надеясь, что, когда все уляжется, пройдет, может быть, год, он сможет учиться в Самаркандском институте. Невольно ему вспомнились слова Некрасова:

"Эти души кроткие смутились
И как в бурю птицы притаились
В ожидании света и тепла..."

И вот теперь нужно было, чтобы его семья переехала, и они начали здесь лучшую жизнь, потому что бесконечная разлука с семьей всегда приносила лишние переживания и неустройства. Тихо молясь, Лева уснул.

Глава 2. Работа

"Занимались трудом и работой"

2 Фес. 3,8.

Лева еще в предыдущий приезд в Джизак был в райздраве и договорился о месте своей работы. Его уже ждали, и теперь, встав рано утром, он направился на работу. Так как чисто медицинской работы не оказалось, он поступил работать помощником госсанинспекции. Ему предстояло обслуживать определенные объекты, проверять их санитарное состояние и качество продукции. На определенной территории города ему было поручено наблюдать за пекарнями, столовыми, закусочными, винным заводом.

Госсанинспектор познакомила его с обязанностями, и он приступил к ним. Все это, конечно, нужно было для того, чтобы не было антисанитарии и связанной с нею заболеваемости. Эта работа была совсем не по душе Лева... но что делать? Написано: "Смиритесь под крепкую руку Божию". И эта работа тоже была своего рода испытанием для Левы. Ведь куда ни пойдешь, куда ни заглянешь — везде спиртные напитки, как говорится: вино и водка льется рекой. Ну, а так как от Левы зависело решение санитарного состояния объектов и их продукции, то все директора и заведующие, вплоть до продавцов пивных киосков, старательно угощали Леву. Бывшие помощники ГСИ — два фельдшера — просто спились совсем на этой работе и были уволены, как горькие пьяницы.

Лева должен был производить дегустацию продаваемого пива, вина и т.п. Это входило в непосредственную функцию его контроля, и вот он поборник трезвости, ненавидящий алкоголизм всю душою, должен был прикладывать губами и чувствовать вкус различных напитков. Он это делал, но ему и в голову не приходило сделать хотя бы один глоток спиртного, а ведь как его уговаривали, особенно на винном заводе, где готовились прекрасные виноградные вина. Но он категорически отказывался, говоря, что он абсолютно непьющий и никогда не позволит себе выпить ни одной рюмки. Люди рассуждали, разводили руками и говорили, что они никогда такого человека не встречали.

Однажды он проверял санитарное состояние одной столовой. Директор полупьяный — они все пили — приказал запереть все двери и сказал, что пока Лева не выпьет, он его не выпустит. Лева ответил: "Хотя бы пришлось ночевать у вас здесь, в вашей конторке, ни единой капли".

— Тогда я Вам за пазуху вылью, — закричал директор.

— Поймите, — сказал Лева, — я поборник абсолютной трезвости и не пью не потому что не полагается пить на рабочем месте, а потому, что я и дома, и на празднике, даже и на Новый год, никогда не употребляю ничего спиртного.

— Ну, если не хотите водочки, то кружку пива вылейте из уважения ко мне, — сказал директор.

— Так вы что, и пиво не пьете?

— Никогда не пил и пить не буду.

— Странный вы человек, я не только таких не видел, но даже и не слышал о таких. Так это что, вам здоровье не позволяет?

— Нет, не здоровье, — сказал Лева, — я как человек и медицинский работник понимаю, что алкоголь — это яд, что выпивка — это добровольное сумасшествие; я имею другую жизнь, у меня есть радости, большие радости, но без вина. Вино действительно веселит сердце человека, но это было тогда, когда люди не знали лучших источников радости, а теперь они есть, и мне нет никакой нужды употреблять вино или пиво.

Директор долго качал головой и повторял: "Странный вы человек, а ведь все пьют, все пьют..."

Много подобных искушений было у Левы. Но никогда даже ни в чувствах, ни в сознании не появлялось у него мысли попробовать, хоть немножко проглотить спиртного. Слишком хорошо он знал, сколько горя, сколько страданий

причиняет человечеству этот страшный дух спиритус-винный.

Его восхищал пример одного брата, о котором он читал в журнале: брат, будучи туристом, поднимался в горы. Подниматься было очень трудно, погода стояла ветреная и жаркая, когда они достигли площадки, где продавались напитки, брат подошел, чтобы напиться. Он попросил:

– Дайте мне что-нибудь не содержащее алкоголя.

Ему ответили:

– Таких напитков у нас нет.

Жажда страшно мучила его, и он подумал: "Не согрешу, если немного выпью вина и утолю жажду". Ему налили пива, и он поднес кружку к губам. Но тут в сознании его мелькнула мысль: а что, если меня спросят: покайся, уверовав во Христа, вы употребляли когда-нибудь спиртные напитки? Я должен буду сказать: "Да, был случай", — и это послужит соблазном для брата или сестры. И он не колеблясь вылил пиво на землю и отдал кружку. Он лучше решил терпеть муки жажды, только бы не оскверниться.

Работа Левы проходила успешно, самое неприятное было для него налагать штрафы, штрафовать, хозяйственников за их некоторые антисанитарные допущения. Они обычно умоляли его, что зарплата маленькая, что у них дети, но что делать; даешь срок устранения, предупреждаешь, составляешь акты — все руководители относятся к этому спустя рукава, а вот оштрафуешь — подтягиваются.

Глава 3. Ожидание близких

"Смотрите, какую любовь дал нам Отец..."

I Иоанна 3,1

Лева написал жене письмо, чтобы она приехала к нему с маленьким сыном Павликом, которому было тогда год и два месяца. Он также писал ей, что если хочешь сделать мне хороший подарок, пригласи с собой из нашей молодежи тех, которые согласятся переехать сюда и жить здесь с нами.

И вот он получил письмо, что его Маруся собирается, все упаковывает и приедет вместе с тремя сестрами, которые согласились переехать в Среднюю Азию.

Когда семья Беловых и все верующие узнали, что ожидается приезд гостей, которые смогут пополнить небольшую группу детей Божьих, живущих в этом городке, они были весьма рады. Возник вопрос, где же и как найти помещение Лева. Помолились, и Господь тут же все устроил. На той же улице, где жила семья Беловых, у одного узбека разрушилась над домом крыша, и они переехали в другой, а этот дом сдавали.

И вот на улице Возрождения за совсем небольшую цену Лева снял домик с садом. Это было очень ценно, так как жить на квартире с хозяевами всегда неудобно, а тут сразу отдельный домик. Домик был саманный, как и все там дома, побеленный, сенцы, потом кухня с печкой, в которой тоже можно было кое-что расположить, и большая комната с двумя окнами.

Мебели, конечно, никакой, пустые комнаты. Крышу общими усилиями быстро починили. Лева поделился с госсанинспектором, что к нему едет семья, что нужны кровати.

— Мы это устроим, — сказала она, — я знаю на складе в больнице есть много коек; я дам вам записку, вы временно возьмете, а потом купите свои.

Лева взял три койки.

– У вас, видимо, большая семья? — спрашивали его.

– Да, да большая, — отвечал он.

Достал он и матрасы и набил их соломой. Все кажется устраивалось. Нашлись у верующих и лишние стол, и стулья; все было оборудовано. О приобретении мебели не могло быть никакой мысли, так как Лева работал еще недавно и не имел средств. Да и при походной жизни, какую он имел, можно ли было думать о приобретении чего-либо. Ему особенно ясны были слова, сказанные апостолом Павлом для служителя Божия: "Имея пропитание и одежду, будем довольствоваться этим".

Он знал уже на опыте многих лет, что жизнь его скитальческая, что он странник и пришелец на короткое время.

Лева всегда и во всем, несмотря на свою скитальческую жизнь, ощущал Любовь Божию, и при всех затруднениях, когда он обращался к Отцу Небесному, все устраивалось у него лучшим образом. Вот и теперь, гонимый из всех институтов, казалось бы, с разбитой жизнью, но он окружен только любовью Отца, которая проявлялась через дорогих братьев и сестер, так участливо относящихся к нему, так горячо молящихся за него, чтобы Господь наконец дал ему покой, пожить хотя бы немного с семьей, отдохнуть, подкрепиться.

"Да, удивительная рука Божия, — думал Лева, — на севере или в Сибири, в России или в Средней Азии, везде я вижу любовь и силу Божию".

Люди мира сего, не знающие Христа, не понимают этого всемирного родства, которое имеется у детей Божиих. Не на словах, а на самом деле все являются братьями и сестрами и не на словах любят друг друга, а на деле оказывают любовь ближним и всем.

И вот теперь этот домик на улице Возрождения, в котором уже были установлены кровати, простая мебель, был подвезен уголь и затоплена печь, от которой повеяло теплом и тишиной, был живым свидетелем того, какую любовь дал Отец, чтобы не только называться, но и быть детьми Божьими.

Наконец-то и телеграмма в руках у Левы... Едут... Не только у Левы, но и у всех его близких по вере, ожидая радостную встречу, затрепетало сердце. Поезд должен прибыть к утру.

Глава 4. Отрада небес

"Славьте Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его".

Пс. 135, 1.

Еще чуть светало, когда поезд подошел к станции Джизак. Лева и близкие ожидали. Поезд остановился, вышли первые пассажиры, в окне появилось лицо жены Левы — Маруси, державшей на руках маленького сына. Лева помахал рукой и стал пробираться в вагон. Радостные поцелуи, объятия, а с Марусей еще три юные сестры: Маруся Томыловская, Маруся Куйбышевская со своей сестрой Нюсей. Стали вытаскивать узлы, складывать, получилась целая гора. Один из военных узбеков, ехавших в вагоне, вообразил, что Нюся узбечка, она была черненькая, с двумя длинными косами, схватил ее за руку и потащил с собой, не веря, что она русская. Она ему очень понравилась. Но тут подоспел Лева.

— Что вы ее тащите, это русская девушка, русская, — убеждал он узбека. С большим трудом пришлось освободить Нюсю от ухажера. Нашли машину, погрузили вещи и тронулись в путь. А там у Беловых была уже подготовлена санобработка. В хорошо натопленной бане приехавшие имели удовольствие вымыться и переодеться, так как в том домике, где надлежало им жить, не все еще было приготовлено. И торжественный обед был устроен в доме Беловых.

Чистые, раздумавшиеся уселись все гости у стола. Прибежали с кладбища и живущие там Ганюшкины. Это семейство состояло из пожилых отца и матери — ревностного христианина Ивана Сергеевича и верной его спутницы Анфисии Федоровны — и двух их дочек, отдавших сердце Иисусу, старшей Рахилии и меньшей Лии.

Хозяин дома Михаил Леонтьевич пригласил всех преклонить колени и воздать Богу славу, что Он хранил гостей в пути в полном благополучии. Со слезами благодарили они, что Господь все устраивает, и когда Маруся, жена Левы, узнала, что готов уже домик и все в порядке, она совсем успокоилась и, держа маленького Павлика на руках, который всем улыбался, горячо благодарила верующих за любовь, гостеприимство, которые они увидели в первые минуты по прибытии в Джизак.

Громко, от души пели: "Отраду небес нам послал Отец". Перед принятием пищи Михаил Леонтьевич произнес краткую молитву благодарности Господу, что Он дал ему видеть в своем доме гостей, просил телесной пищи подкрепить силы, а силы направить для дела Божия, во славу Спасителя.

Прежде чем кушать, спели: "Отче наш благослови на столе сей дар святой. Он нам подан из любви в пищу плоти сей земной".

Да все это было действительно так, пища подавалась из любви. Спутница Михаила Леонтьевича и их дочка Лена, подпоясанные белыми фартуками, радушно угощали приехавших. Они кушали после дороги просто, с аппетитом. И все это делалось из любви, от чистого сердца во славу Божию.

Лева смотрел на эту дивную картину и думал: люди, не знавшие Бога, ничего подобного не представляют.

"Мир этот не знает отрады той, что Господь нам дал..." Гостеприимные, любящие Беловы не сразу отпустили гостей в их домик, а предложили отдохнуть.

Лева ушел на работу, а когда вернулся, домик на улице Возрождения словно возродился. В нем было не только тепло, но как-то уютно, по-семейному. Постели были уже заправлены, все разложено, а на стене у стола жена повесила маленький отцовский текст, написанный на темном фоне серебряными буквами: "Горы сдвинутся и холмы поколеблются, а милость Моя не отступит о тебя, и завет мира Моего не поколеблется, говорит милующий тебя Господь".

Уже сварили щи, и Лева был усажен со всеми за стол. Все радовались, радовался и маленький Павлик, бегая по полу и крича Нюсе, которую он звал ня-ня-ня-ня, к ней он особенно привязался.

Сердце Левы было переполнено огромной радостью, домик на улице Возрождения как будто открывал новую эру в их жизни, ведь столько было бесконечных разлук, и вот наконец тихая пристань. В тот же вечер он написал в различные города Средней Азии письма с просьбой славить и благодарить Бога, что Он услышал молитвы и дал им тихий приют. В письмах он приглашал молодежь посетить их домик на улице Возрождения.

Глава 5. Они учатся

"Вникай в себя и в ученье, занимайся сим постоянно; ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя".

1Тим.4, 16.

Это был январь 1949 года. Несмотря на то что в Средней Азии зима бывает теплой, все же то и дело сыпал сырой снег и дул холодный ветер. Казалось, погода хмурится, почему-то сердится, но жители в домике на улице Возрождения не замечали этого. В домике была весна, было полно радости, счастья, любви к Богу и друг другу. Маруся, жена Левы, на следующий день уже пошла устраиваться на работу. В педиатрах была большая нужда, и ей сказали, что она может выходить на работу уже на следующий день. Она стала работать сразу в двух местах. Маруся Томыловская, по специальности пекарь, тоже должна была вскоре устроиться на работу. Лева говорил с зав. пекарней, который обещал это сделать; для других сестер с работой было сложнее, так как они не имели особых специальностей, а хотелось подобрать работу по силам и недалеко от жилища.

Вечером Лева принес с собой буханку хлеба, брынзу, мясо. Функции снабжения он взял на себя. Ну, а в отношении готовки решили поручить сестрам по очереди, пока они не работают.

— Вы будете как бы дневальными, — говорил Лева, — я встаю всегда рано в шесть часов, буду очередного дневального будить, вместе растопим печку, и вы будете готовить.

Так как Марусе, жене Левы, приходилось много работать, то Нюся, или, как звал ее Павлик, Аняка, стала его другом, нянчила и ухаживала за ним.

В один из первых вечеров после приезда семьи Левы (а Лева теперь сестер полностью зачислил в свою семью, сказав, что у нас теперь одна семья) он после вечерней молитвы предложил всем поразмыслить над текстом: "Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно".

— Дорогие друзья, — продолжал он, — Бог сотворил чудесное. Здесь, в Джизаке, нет собраний, верующие только по воскресеньям посещают друг друга, собираются помолиться. Мы тоже лишены возможности, какую имели в Куйбышеве и имеют живущие в, других городах: бывать на собрании, слушать проповеди, пение хора. Мы с вами имеем лишь семью и окружающих нас немногих верующих. Так вот, мы должны стать образцовой семьей, домик на улице Возрождения пусть будет светом для многих и многих. Я верю, что Господь пошлет нам много гостей, к нам придет молодежь из разных городов и будет учиться, как жить в семье, учиться по жизни в домике на улице Возрождения, поэтому я предлагаю, чтобы с 9 часов вечера до 12 часов у нас были особые часы, когда мы будем заниматься изучением Библии, славить Господа, вникать в себя и в учение. Многие семьи разбросаны, оторваны от общин, не совсем бодрствуют, погружаются в суету, слабнут духовно и теряют своих детей. Есть несчастные родители, у которых дети не знают Бога. Наша семья в домике на улице Возрождения должна быть особенной. Мы не можем посещать собрания, но здесь Господь будет с нами, и мы у ног Его с Библией в руках получим великие благословения.

— А не утомительно будет для нас ложиться в 12 часов, — сказала жена Левы, — ведь сестры юные, и им нужно больше, спать.

— Нет, нет, — воскликнули в один голос девушки, — для нас будет большая радость знать хорошо Слово Божие, ведь это будет на всю жизнь.

И вот начались замечательные вечера в домике на улице Возрождения. Аккуратно к 9 часам приходили к ним Лена Белова и Ганюшкины Рахиль и Лия. По предложению Левы каждый имел с собой Евангелие или Библию и тетрадь. Все, что говорилось, записывали кто как мог.

Было предложено, чтобы один из членов семьи после краткой молитвы вначале говорил Слово. Молоденькие сестры сначала отказывались, ссылаясь на то, что они не смогут говорить, что они не проповедники. Лева же объяснил, что это очень просто: нужно, во-первых, попросить у Господа, чтобы Он указал на стих, который ближе к сердцу, прочесть его и высказать те мысли, которые положит Господь на сердце, после чего призвать к общей молитве. Так стали и делать. И не только Маруся Томыловская, которая была наиболее развита, но также и очень стеснительная Маруся — сестра Нюси, когда приходила ее очередь, стала читать стих из Библии и приглашать к молитве.

После этого рассаживались около стола, была примитивно сделана скамейка, на которой могли сидеть сразу четверо, и, раскрыв Библию и тетради, начинали вникать в себя и в учение. Это были не совсем обычные чтения Слова Божия. Читая, каждый должен был вспомнить что-то из своего личного духовного опыта, переживания и поделиться со всеми. Общение вокруг Слова Божия, сознание, что Иисус присутствует здесь, делали такие домашние беседы особенно благословенными. Сближались друг с другом, понимали друг друга и слышали, что говорит Господь. Лились душевные и радостные молитвы к Господу, мы всегда ощущали Его присутствие с нами, хотя нас было и немного, но мы этого никогда не ощущали. Мы выучили наизусть Пс. 132 "Как хорошо и как приятно жить братьям вместе! Это — как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду, бороду Ааронову, стекающий на края одежды его; Как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские. Ибо там заповедал Господь благословение и жизнь на веки".

Прошло несколько дней жизни по улице Возрождения, хотя письма с приглашением к ним были отправлены, но гостей все еще не было. И вот Лева, скорбя сердцем об этом, предложил всей семьей с постом и молитвой просить Господа, чтобы в скором времени Он послал им гостей. Лева говорил, что он без этого не может жить, что есть какой-то недостаток в нашей жизни, поэтому и нет гостей. Все горячо молили Иисуса, чтобы Он ответил на наши просьбы.

Но вот пришел долгожданный день. Была темная ночь, моросил дождь (улица была неосвещенная), но в домике по улице Возрождения по обыкновению горел огонек и славил Господа, разбирали Слово Божие, преклонив колени, Лева молился: "Господи! Проверь нас, почему нет гостей?" Вставши с колен, прошло несколько минут, раздался нежный стук в окно. Лева подошел к окну и спросил: "Кто там?" — "Лева здесь живет?" — "Да", — ответил Лева. — "А я брат из Ташкента". Лева побежал, открыл дверь. Сколько было радости! Преклонив колени все благодарили Господа. Накормив гостя, время было уже позднее, легли спать.

Рано утром все, кроме Левы, слали, потому что он раньше всех вставал. Он услышал стук в дверь, вышел, спросил: "Кто там?" — "Лева здесь живет?" — "Да", — ответил Лева, открыв дверь. И что же он видит! К ним приехало много гостей. Сколько радости, это невозможно описать. Благодарили Господа, что Он слышит молитвы детей своих и чудно отвечает на них. "Просите и дано будет".

Лева, уходя на работу, поручил сестрам позаботиться о гостях: нагреть воды, чтобы они помылись, постирать, что нужно, накормить их и уложить в постель. Сестры так и сделали. Лева, придя с работы, быстро расспросил сестер, как себя чувствуют гости, но гости уже встали и чувствовали себя прекрасно. Все ждали с нетерпением Леву.

Из Ташкента, Янгеюля и Самарканда приехала молодежь — это были юные братья и сестры, любящие Иисуса. Казалось бы, в домике на улице Возрождения должно было бы не хватить места для них, ведь он не резиновый, но в сердцах жителей этого домика было много-много места, и когда приехавших гостей приглашали ночевать другие

верующие — Беловы, Ганюшкины, Панкратовы, — их не отпускали, да и сами гости не хотели идти. Так хорошо было в домике на улице Возрождения! В 9 часов вечера начинался очередной разбор Слова Божия. — Дорогие наши гости, — сказал Лева, — мы все угощали телесной пищей, а теперь духовной: берите ваши Евангелия, записные книжечки и садитесь с нами. Мы хотим, чтобы вы, находясь у нас поняли, что нужно уделять большое внимание своим домашним, вот некоторые бывают на собраниях, посещают других, а своим домашним не находится у них и часа, чтобы вместе посидеть, почитать Слово Божие, попеть, а в Слове Божиим сказано: "Если же кто о своих домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного". Вот мы с Марусей работаем, своими руками печемся о своих нуждах и находящихся с нами, но это совершенно недостаточно, ведь заботиться о материальном — это только одно, а главное заботиться о духовном, и на это нужно уделять время. Не потому ли в семьях растут духовно слабые дети, они плохо вскормлены Словом Божиим и даже умирают духовно, несмотря на то что родители хорошо их одевают и дают образование. Вот здесь, на наших домашних беседах, вы увидите, как нужно заботиться о домашних, исследовать. Слово Божие, вникая в себя и в учение.

— Это так важно, — воскликнул Жора Пеньков, — я очень люблю Библию и хочу с вами поговорить, Лева, об этом еще отдельно.

— Сейчас, дорогой Жора, пригласи к молитве, и мы приступим к домашней беседе в нашем домике на улице Возрождения.

Жора прочитал из Слова Божия, после этого, преклонив колени, приехавшие гости и домочадцы в кратких молитвах просили благословения Божия.

— Сегодня, — сказал Лева, — тема нашей беседы: служение сестер.

Назначение сестер — быть помощницами — это первое, второе — быть благовестницами. Фил. 4,2-3, Иоанна 20, 17-18; Д.ап.21, 9. Запишите назначение сестер-девушек в наши дни: Д.ап.2,7, должно исполниться пророчество Пс.67,12. Господь даст Слово, провозвестниц великое множество. Что же будет сестрам, если они не будут благовествовать?

Третье назначение сестер — материальное служение.

Они должны: принимать странников, умывать ноги святым, помогать бедствующим, быть усердными ко всякому доброму делу, быть у страждущих, пребывать в молениях, молитве и посте, рожать и воспитывать детей, полное посвящение себя Господу, заботиться о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою телом и духом, пускать в оборот таланты, дары, дарованные в зависимости от возраста и силы, помощь всем трудящимся братьям. Слово в общении, перед спевкой: декламации, беседы:

а) забота о больных, нуждающихся, многодетных,

б) гостеприимство и странноприимство.

Молитвенное согласие сестер о духовном росте, пробуждении, спасении их детей. Наставлять детей. 2 Тим. 2,2. Закончилось общение поздно ночью (около 12 часов) горячей молитвой к Господу.

Места для ночлега хватило всем. Кровати для Левы с женой и для сына Павлика помещались на кухне. Следующий день был воскресенье. Лева и его жена были свободными от труда и могли посвятить все свое время общению с дорогими близкими.

"Скажи сынам Израилевым. так: субботы Мои соблюдайте, ибо это знамение между Мною и вами в роды ваши, дабы вы знали, что Я Господь, освящающий вас". Исход 31, 13.

Хотя Лева предупредил, что гости и домочадцы могут в воскресный день поспать побольше (сам же он по обыкновению вставал в шесть часов), после молитвы, открыв свою Библию, он увидел подошедшего к нему Жору. Он тоже встал рано, умылся, в комнате было слышно шевеление проснувшихся. Гости тоже не хотели спать и на уговоры Левы еще отдохнуть отвечали, что они приехали сюда не спать.

— Я хотел с вами поговорить, как лучше изучать Слово Божие, — сказал Жора.

— У меня есть мысль, ответил Лева, — сегодня утром проведи домашнюю беседу по исследованию Писания. Из своей же практики я скажу лично тебе, что весьма полезно утром записывать памятный, или, как некоторые говорят, золотой, стих на день. В течение дня повторять его наизусть, стараться запомнить его. И так постепенно можно изучить места Священного Писания, а если будешь повторять и вспоминать, где они записаны, то запомнишь их место нахождения.

— Да, это я постараюсь сделать, заведу записную книжку, буду записывать стихи на день и размышлять о них, — сказал Жора.

После несложного завтрака (обед уже был приготовлен заранее, так как в воскресный день домочадцы старались меньше суетиться, а целиком посвятить его Господу) обитатели дома на улице Возрождения взяли свои Библии, расселись поудобнее и после молитвы приготовились к домашней беседе.

— Дорогие гости наши, — сказал Лева, — мы нашу домашнюю беседу проводим утром, так как после обеда обычно идем посещать семьи верующих и там устраиваем маленькие общения. Надеюсь, что вы сегодня пойдете с нами.

— Конечно, конечно! — воскликнули приезжие.

— Мы не знаем, как вы проводите воскресный день у себя дома, но я хотел бы, чтобы вы на всю жизнь запомнили, что в домике на улице Возрождения чтут день Воскресения Иисуса Христа и стараются меньше суетиться.

Раньше был заповедан субботний, он был днем освящения, больших благословений. После воскресения Иисуса Христа христианство стало чтить и соблюдать Воскресный день, что было даже узаконено.

Наши старые братья и сестры, наши отцы и матери, работая в городе или в селе, старались делать все, даже во время посевной или жатвы, сенокоса, чтобы соблюдать день воскресный, и Господь благословлял их. Если вспомнить

наших сельских братьев до революции и после, они все строго соблюдали воскресный день, и среди них не было нищих. Господь устраивал все так, что один восполнял нужду другого. А теперь, когда суется и сердце охладевает к Богу и ближним, гораздо больше переживаний и огорчений. Конечно, где этого требует производство, на транспорте, в больнице мы не можем откладывать свои обязанности, где мы необходимы. Или вот моя Маруся, все дни на работе, а сегодня, как мать, она должна будет уделить особое внимание сыну Павлику, который нуждается, конечно, в ее заботе и ласке, и, возможно, она не сможет пойти с нами на посещение.

Сегодняшняя тема: исследование Писания.

Запишем:

1. Кто должен заниматься этим?

а) дети. 2 Тим.3,15,

б) юноши. 1 Иоанна 2, 14.

2. Как нужно заниматься? Постоянно, совет Иисусу Навину — день и ночь. Прочтем также Пс.1; 1 Тим. 4, 13-15.

3. Исследуя Писание, мы познаем Христа. Иоан. 21, 24; 5,39; 20,21.

4. Чем является Писание для христианина?

а) чистым молоком. 1 Петра 2,2

б) хлебом. Матф. 4,4,

в) светильником. 2 Петра 1, 19,

г) мечом. Еф.6,17; Матф. 4,4-10,

д) семенем. Мар.4,14.

5. Когда можно уразуметь Слово Божие? Когда Бог откроет ум к разумению Писания – Лук.24,45, а для этого во время домашних бесед, или чтения Слова Божия, или при слушании Слова Божия надо быть в молитвенном состоянии.

Теперь запишем выводы:

Каждый христианин не может обойтись в своем доме без Библии и хорошо делает, что читает ее ежедневно не только один, но обязательно со всей семьей (некоторые прочитывают всю Библию по главе в день вместе с домашними).

Юным хорошо и необходимо иметь личную Библию, в которой они делают пометки и имеют ее всегда с собой.

Читать Библию важно в утренний час с Богом, избирая золотой стих на день.

Каждый должен стремиться прочесть Библию всю от корки до корки.

Когда один, очень благословенно читать Библию молитвенно, стоя на коленях и глубоко размышляя.

Исследовать различные жизненные и духовные вопросы по Библии, делая при этом конспекты или записи.

Запоминать содержание отдельных книг Библии, местоположение особо драгоценных текстов Писания.

Полезно при исследовании Слова Божия пользоваться литературными пособиями.

Совместное исследование Писания очень благословенно, оно дает возможность лучше овладеть Словом Божиим, чтобы всегда быть готовым в кротости дать отчет в своем уповании.

10. Хорошо юным, растущим духовно, исследовать по Слову Божию все наше вероисповедание и принять верою истину. Евр. 4, 1-4.

После беседы о том, кто и как читает Библию, встав, спели гимн:

"Навеки не оставлю святую Библию,
Я в ней нашел спасенье и радость вечную.

Припев:

Никогда, никогда я Библию не оставлю,
Никогда, никогда эту книгу Божию.

Когда я в искушеньях и угрожает враг,
Она ведет к победе и освещает мрак.

Когда мой путь потерян среди житейских волн,
То к пристани Голгофы ведет она мой челн.

Я ей лишь доверяю, в ней истина и свет.
Она источник жизни, ей в мире равной нет.

После домашней беседы гости пошли гулять на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, а домашние стали накрывать стол. За столом было необыкновенно весело, бодро, кушали все непринужденно, как и написано: "в простоте и веселии сердца", не приходилось Левиной жене спрашивать: почему вы не кушаете, что вам не нравится? Все чувствовали себя прекрасно в этой родной, близкой семье в домике на улице Возрождения.

После обеда дружной гурьбой пошли к Беловым, где, пропев один гимн, двинулись на кладбище. Рахиль очень просила всех посетить их и вместе побыть на могиле ее брата, умершего от туберкулеза. Эта семья переехала в Среднюю Азию из Сорочинска, у них было трое детей, сын и две дочки. Сын с ранней юности отдал свое сердце Иисусу и проповедовал Евангелие с большим знанием, где-то когда-то он заразился туберкулезом. Жизнь материально была нелегкой, болезнь прогрессировала, и когда они приехали в Джизак, он был уже больной, поселились на

кладбище, отец стал там работать сторожем. Сын и дочери радовали их, но состояние сына ухудшалось, юноша ослаб и вскоре ушел в мир, где нет страданий и болезней. После себя он оставил много записей изучения Слова Божия. Родители похоронили его в могиле, расположенной рядом с их домиком на кладбище. Стоя вокруг этой могилки, молодежь тихо, благоговейно запела:

"Они собираются все домой, все домой!
Один за одним входят в край родной! Да все домой!
Венец золотой на главах святых,
Одежды греховные сняты с них,
И в белых одеждах, в живых лучах
Спаситель их водит в Своих лугах".

Отец семейства Иван Сергеевич, стоя у могилы, произнес молитву, благодаря Бога, что Он дал ему такого сына, что он любил Иисуса всю жизнь и с верой отошел к Нему. В слезах молилась мать, говоря: "Ты, Господи, дал нам его, и Ты взял, да будет Имя Божье прославлено".

Лева тоже молился у этой могилы, и в это время сердце его сжималось от боли, но не за отошедшего брата, а за двух его юных сестер: ведь Рахиль и Лия были заражены туберкулезом. Эта страшная болезнь делала свое разрушительное дело. Лева видел, как Рахиль, приходя с работы (она работала в конторе) и отдохнув немного дома, приходила к ним, а на щеках ее горел яркий болезненный румянец, как покашливала она; он видел, как и Лилечка, бледная, худенькая, тянущаяся кверху, нежная, чудная, как цветочек Божий, тоже покашливала, и, смотря вперед, Лева предчувствовал, что придет время и рядом с этой могилкой будут вырыты еще две могилки, и останутся бедные родители без единого дитяти. О, как хотел бы он отдать всю свою юность, все свои способности для того, чтобы бороться с болезнями, стать врачом, исследователем и побеждать многие страшные заболевания, несущие горе и страдания человеку. Но он верующий, и дорога ему закрыта, он не может быть в нашей стране врачом, научным работником, и это только потому, что он христианин и хочет быть не просто ремесленником профессионалом медиком, а добрым Самарянином. Больно, но что же поделаешь. Слава Богу, что эти люди дают ему возможность работать фельдшером-санитаром и проверять их пивные киоски и прочее.

Зашли в домик Ганюшкиных, родители рассказывали о своем сыне с такой любовью, они были полны воспоминаниями о нем, и казалось, он как бы незримо живет среди них; показали, его записи, Лия и Рахиль также рассказывали о своем любимом брате.

Потом пошли посетить очень стареньких полусогбенных старичков-немцев: мужа и жену, которые были очень рады, что молодежь заглянула к ним. Никак не отпускали пришедших, все просили петь, и там пришедшие провели свое вечернее общение.

В домик на улице Возрождения пришли поздно, поужинали; боль из сердца Левы ушла. Он понял, что если Господь допустил, чтобы сейчас заградить ему дорогу в науку, так, значит, он нужен здесь, в этом маленьком домике на улице Возрождения, чтобы сеять семена любви, добра и мира... Да будет воля Божия!

Домашние беседы в домике на улице Возрождения

*"Доколе не приду, занимайся чтением,
наставлением, учением".*

1Тим.4,13.

По вечерам проводились домашние беседы. Вот некоторые записи из них.

Всякий спасенный не может не сказать другим. Мар. 5, 19; возвещает домашним — Рим. 9,1-3.

На нас лежит ответственность сказать о спасении. Скажи беззаконнику, что он смертью умрет. Матф. 28,19.

Дитя Божие не может молчать: Пророк Иеремия 20,9; Д.ан.4,20.

Спасая душу, нужно:

- а) сказать. Луки 14,17,
- б) привести. Луки 14, 21,
- в) убедить. Луки 14,23.

Там, где один не в силах, приглашать двух, трех, чтобы нести душу. Марк 2,3.

Там, где нет успеха, прибегнуть к усиленной молитве и посту. Матф. 18,19; Марк 9,29.

Спасать невозможно без горячей любви и нередких слез. Иоана 11,35; Лука 19,41.

Спасая души, нужно чутко прислушиваться к указанию Духа Святого. Д.Ап.8,29

Самое величайшее счастье — спасать. Лука 15,7.

ВЫВОДЫ:

Проверяя, искать причину, почему бесплоден, без снопов.

Спасение начинать с домашних, с близких.

Одного за другим приводя к Иисусу.

Непрестанно молясь, звать на помощь себе других.

Приглашая на собрание, беседуй после собрания так, чтобы из сетей спасения ничего не утонуло.

Беседуя, открыть тот или иной стих, дать его прочесть и им.

Быть исполненным Духом Святым и молитвой, чтобы пробуждать других.

Подражание ПАВЛУ

Подражать Павлу необходимо. Фил.3.12; Галат.4.12.
Павел ради Христа отказался от всех. Фил.3,8.
Он жил только Христом. Фил. 1,21.
Он не связывал себя заботами житейскими. 2Тим. 2,4.
Он не вел полностью оседлую жизнь. 2Кор. 11,26.
Трудясь для Господа, он работал для нужд своих и близких. Д.ап.20, 34-39.
Павел трудился не один, а с близкими верными (Тимофей, Лука, Тит, из сестер Евдолия, Сентихия и т.д.).
В некоторых случаях получал помощь от близких. Фил.4,18.
Он готовил тружеников, работая с ними. 2Тим. 3, 10-11.
Павел был молитвенником. 2Тим. 1,3.
Он имел великие благословения и большие скорби.
ВЫВОДЫ:
Чтобы подражать Павлу, нужно хорошо знать его биографию по Слову Божию.
Хорошо изучить его путешествие по карте, пользуясь книгой Фаррара "Жизнь апостола Павла".
Трудясь для Господа, надо всегда иметь сподвижников или сотрудников.
Желая вырасти духовно, нужно жить и трудиться вместе со старшими.
Жизнь Павла говорит о том, что нужно идти (использование каникул, отпусков).
Он трудился по специальности и делал многое для Господа.
Павел переносил много скорбей, они необходимы и нам. "Умоляю вас: подражайте мне, как я Христу". 1Кор.4,16.

Ученики Христа

Дети Божии являются и называются учениками. Д.Ап. 6,2,7; 9,19,36.
Учиться и научить заповедям Христа. Мф. 28,19-20.
Прежде чем учить, надо родить. Гал.4,19; Фил.1,10.
Молитва о детях, учащих. 2Тим. 1,3.
Учить непрестанно и каждого рожденного. Д.ап.20,21.
Учить с нежностью, вкладывая всю душу. 1Фес. 2,7-12.
Учить как самых близких в полноте любви. Фил. 1,8.
Степень усвоения определяется жизнью-практикой и поведением. 2Тим.3,6,7,10.
Для успеха в учении необходимо им заниматься постоянно. 2Тим.3,14; Ним 4,13,16.
ВЫВОДЫ:
Нужно достичь того, чтобы называться учениками и ученицами.
Обращенных душ, окружив заботой и любовью, научить начаткам учения Господнего:
а) обращение от мертвых дел,
б) вера в Бога,
в) учение о крещениях,
г) возложение рук,
д) воскресение мертвых и суд вечный.
Собирать их, поручая кому-нибудь, или занимаясь с ними в отдельности.
Передвижные или домашние библиотеки, записи для учащих.
Учащимся нужно иметь лично Библию и вникать в Слово день и ночь.
Всем в итоге; надо учиться жить и уметь жить. Фил.4,11-13.

* * *

Особое внимание на улице Возрождения уделялось вопросу молитвы. На эту тему было ряд бесед:

Молитва в жизни Христа

1. Иисус Христос просил и получал. Иоан. И, 41— 42
2. Иисус молился внутренне, наружно — вслух для людей. Иоан. 11, 41-42.
Часто для молитвы восходил один на гору, как бы стремясь быть ближе к Богу— Лука 6, 12; 9,28.
Часто между беседами Иисус молился. Матф. 11,25. Иоан. 12, 27-28; Лука 10,20-21.
Радуясь, молился. Лука 10,21.
Благословляя хлеб, детей, молился. Мф. 15, 36; 19,23.
В молитве Иисус становился особенным — преображался. Лука 9,29; 24, 30-31
Христос часто молился, возводя очи к небу. Марк. 6, 41; 7, 34.
Уединенные молитвы (утренняя и ночная). Марк 1, 35; Луки 6, 12.
Усиленная молитва перед каким-либо предстоящим событием (испытание, страдание). Луки" 3, 21; 6, 12-13.

Молитва в Гефсимании.

Молитва с группой учеников (Гефсимания, Преображение).

Чередовал служение с молитвой. Луки 5, 15-16.

Наедине молился долго, среди народа кратко. Луки 6, 12; 10,21.

Молился на коленях, пав лицом на землю, стоя (Гефсимания, перед воскрешением Лазаря).

Жил с молитвой, умирал с молитвой, и последние Его слова была молитва. Луки 23, 34,46.

Он так молился, что другие, смотря на" Него, хотели молиться. Луки 12, 1.

Молитвенная жизнь его была сокрыта от взоров мира (ответ Ивановым ученикам о том, что они видят).

Так как Он учил молиться, так молился и Сам.

а) молитва в тайне (природа, комната),

б) молясь, не говорите лишнего,

г) молитва с верою (Он просил и получал).

Усиленная молитва: с воплем, со слезами, даже до кровавого пота. Евр. 5,7.

Умирая, молился и, возносясь к Отцу, благословляя учеников, молился. Лука 24, 50-51. '

ВЫВОДЫ:

Христос с сильным воплем, со слезами молился Богу и был услышан за Свое благоволение.

Некоторые молитвы не имеют успеха из-за отсутствия благоговения в них. Молиться нужно с благоговением, устремляясь всей душой к Богу, иногда с воплем, со слезами к Могущему услышать нас.

Апостол Павел просит молиться о нем и его близких, говоря, что они имеют добрую совесть, во всем желают вести себя честно. Евр. 13,18.

Прося молиться о нас, о наших делах, мы можем только тогда иметь в них успех по молитвам, когда имеем добрую совесть и во всем ведем себя честно.

Павел верит, что молитва ускоряет дело — возвращение его к верующим. Евр. 13,19.

Для того, чтобы сократить время испытания, горести, время разлуки с близкими, нужно особенно совершать молитву.

Молитва по откровению Иоанна

24 старца падают перед сидящим на престоле, поклоняются Ему, полагают венцы свои перед престолом и говорят: "Достоин Ты, Господи". Откр. 4, 11. Молитва ли это?

Старцы имеют золотые чаши, полные фимиамом — молитвы святых. Откр. 5,8. Молитвы не пропадают, но собираются перед Богом.

Молитвы драгоценны перед Богом, как благовонный фимиам: собираются в чаши молитвы святых.

И ангелы и всякое создание на земле и под землей говорят Сидящему на престоле и Агнцу. Откр. 5, 11-14.

Молитва или хваление?

Вопль убиенных душ за Слово Божие. Откр. 6,10.

Множество людей в белых одеждах восклицают Богу. Ангелы падают на лица свои, поклоняются Богу. Откр. 7, 10. Благодарение или молитва?

Молитвы возлагаются на золотой жертвенник перед престолом Ангелом и возносятся перед Богом, огонь с жертвенника, в котором молитвы святых, подвергается на землю, и происходят голоса, громы, молнии и землетрясения. Евр. 8,3-5.

24 старца поклоняются Богу и благодарят Его, что Он воцарился. Откр. 11,17.

Ангелы принимают участие в передаче молитв святых. Молитвы жертвенника возносятся перед Богом. Соединенные молитвы производят действие на земле.

ВЫВОДЫ:

Мы должны молиться внутренне и вслух.

Иногда молиться в уединении (идти в сад, в горы).

Иногда молиться, возводя очи к небу.

При беседе с грешником и друг с другом прерывать разговор молитвой.

Радуясь, не забывать молиться.

Имея общение с детьми, за них молиться.

Молиться так, чтобы это отражалось на нашем облике.

Уединенная молитва ночью, утром — утренний час с Господом.

Собираться вдвоем – втроем для молитвы.

При общей молитве быть кратким и молиться в силе и о том, в чем нужда.

Научиться непрестанно молиться, чтобы, умирая, отойти с молитвой или быть восхищенным, молясь.

Молиться так, чтобы наши молитвы рождали других.

Научиться молиться с верою, со слезами, если нужно с воплем, прося по воле Его.

Записывание молитв

Ввиду того что вновь и вновь приезжали из Самарканда и других мест гости, в домашних беседах было уделено внимание молодежи из Библии.

Вот записи из тетради, которые вела Маруся Томыловская.

Нового Завета:

Общие данные о молодежи с точки зрения Слова Божия: Характеристика юности. 1Иоан, 2,14.

а) вы сильны,

б) Слово Божие пребывает в вас;

в) вы победите лукавого.

Она должна быть образцом: 1Тим. 4,12.

Забота о Господнем. 1Кор. 7, 22-34.

Христос любит молодежь. Иоан. 20,2. (Богатый юноша).

Задача молодежи отваливать камни. Иоан. 11,39.

Молодежь удаляет все нечистое, мертвое (делом, молитвой). Д.ап. 5,6.

Они могут быть добрыми воинами Христа. 2Тим. 26 3-5.

Христос оздоравливает и воскрешает молодежь (Лазарь, сын вдовы Наинской, дочь Иаира, дочь хананеянки, сын маловерного отца. Отдельные лица молодежи — Иоанн, он оставил все и последовал за Иисусом. Лука 5, 11.

Он был ближе всех к Иисусу. Иоан. 13, 23.

На все дела Христос брал с собой Иоанна (преображение, Гефсимания, воскрешение дочери Иаира).

Он имел здоровое сердце и крепкие ноги. Иоан. 20, 4.

Он был находчивым и смелым. Марк 14, 51-52.

Он был бесстрашен в любви. Иоан. 18, 26-27.

Иисус поручает ему самое дорогое — мать. Иоан. 18, 26-27.

Иисус любит Иоанна особенно (ученик, которого любил Иисус).

Характер Иоанна: а) нежность, б) полон любви, в) уступал старшим и был послушен им. Иоан. 13, 24.

Иоанн познал Господа в юности и в старшем возрасте остался юным в любви. Послание Иоанна.

Иоанну были даны величайшие откровения (Откровение Иоанна).

Иоанн, отдав Иисусу жизнь, не потерял ее, но приобрел долгие годы — до глубокой счастливой старости (Послание Иоанна).

ВЫВОДЫ:

Необходимо глубже изучать биографию Иоанна, чтобы воплотить в себе лучшие качества христианской юности.

Не пренебрегать физическим развитием.

Развивать в себе находчивость и смелость в следовании за Христом.

Быть близко к страждущим (посещать больных и патмосцев).

Знать, что Иисус любил молодежь, и быть особенно молитвенно близкими к Нему.

Быть нежным в любви.

Уважение к старшим и совместная с ними работа.

Молодежь Нового Завета — Тимофей

Воспитание в верующей семье (матерью, бабушкой). 2Тим. 1,3.

Он с детства знал Слово Божие. 2Тим. 3,15.

Он имел доброе свидетельство от верующих. Д.Ап. 16,2.

Он был юн и известен как ученик. Д.Ап.16,1.

Будучи юным, оказался быть способным помощником Павлу.

Следуя за Павлом, он оставил родных, дом и даже ради иудеев подвергся обрезанию, Д.Ап. 16,3.

Идя за Павлом, он во всем последовал ему. 2Тим. 3, 10-11.

Он шел на страдание вместе с ним. Евр. 13,23.

Павел больше всех любил Тимофея:

а) поучал, воспитывал его, писал ему послания,

б) молился о нем. 2Тим. 1, 2-6.

Он был верен во всем. "Все ищут своего, его же верность известна".

Юноши Ветхого Завета

Навуходоносор, царь Вавилонский, побеждает Иерусалим, берет сосуды из дома Божия. Дан. 1, 1-2.

Распоряжение царя Вавилонского о выделении лучших Иудейских юношей для учебы и службы в чертогах царских. Дан.1, 3-5.

Поведение юношей Сидраха, Мисаха и Авденаго: они отказываются от царских яств, чтобы не оскверниться. Дан. 1. 7-11.

Опыт десяти дней над юношами показал, что, не оскверняясь, они оказались красивее и телом полнее всех. Дан. 1, 12-16.

Бог даровал четверем юношам разумение всякой книги и мудрости. Дан. 1, 17-18.

Отлично выдержав экзамен перед царем, они были поставлены на службу перед ним. Дан. 1, 19-21.

ВЫВОДЫ:

Народ Израильский есть прообраз церкви Божией, когда в церкви появляется нечистота (Иоакимы), Господь

посылает поражения, скорби, пленение, чтобы переплавить свой народ.

Христианская молодежь — рабы Бога Живого, несомненно должны учиться, развиваться, приобретать знание и разумение всякой книги.

Воздержание от яств и от того, что оскверняет, не мешает общему развитию, а наоборот, оно идет успешнее.

Разумение и знание от Бога, и преданным Ему Он дает.

Истукан царя Навуходоносора и обязательное поклонение ему. Дан. 3. 1-7

Донес халдеев на трех юношей. Дан. 3, 8-12.

Допрос царем Седраха, Мисаха и Авденаго. Дан. 3. 13-15.

Ответ юношей: Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи раскаленной огнем и от руки твоей, царь, избавит, если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, который ты поставил, не поклонимся. Дан. 3, 16-18.

Приговор царя и его исполнение. Дан. 3, 18-23.

Навуходоносор видит четырех мужей, ходящих вокруг огня, вид четвертого подобен Сыну Божию. Дан. 3; 24-25.

Освобождение юношей, экспертиза, удостоверившая, что они не повреждены — огонь не имел над ними силу. Дан. 3, 26-27.

Навуходоносор признает Бога Всевышнего, дает распоряжение, запрещающее хулить Его. Дан. 3, 28-33*

Сидрах, Мисах и Авденаго возвеличены в стране Вавилонской.

ВЫВОДЫ:

Всю жизнь юность служит только Господу: "Господу Богу твоему поклонись и Ему одному служи".

Во всех трудных обстоятельствах твердая воля — это Бог наш, Которому мы служим. Он силен спасти нас от печи или взять к себе домой.

В самых ужасных случаях, казалось, безнадежных состояниях Иисус особенно близок. Он рядом, Он ходит с нами.

Господь через испытания наши прославляется, поэтому: "Огненного искушения для испытания вам посылаемого не чуждайтесь".

Если мы будем ради Господа предавать свои тела огню, чтобы не поклоняться и не служить иному Богу, кроме Бога своего, то Господь через нас многих привлечет к себе.

* * *

В следующий вечер молодежь продолжила беседу о юношах Ветхого Завета

Даниил обладал смелостью, по вопросу яств обращается к начальнику за себя и за товарищей. Дан. 1,8.

Бог даровал Даниилу расположение начальника. Дан. 1, 9.

Кроме мудрости и разумения, какие имели Сидрах, Мисах и Авденаго, Даниилу была дана еще дополнительная мудрость. Дан. 1, 7, 17.

ВЫВОДЫ:

В деле Божиим среди нас должен быть тот, кто смело идет вперед.

а) идущему смело Господь посылает расположение начальства,

б) дает дополнительную мудрость и силу для труда. "Ревнуйте о дарах больших, и Я покажу вам путь превосходнейший".

Навуходоносор забыл сон и требует его рассказать. Дан. 2, 1-2.

Даниил перед царем; решает разгадать сон. Дан. 2, 16.

Даниил приходит в дом свой и рассказывает дело товарищам своим. Дан. 26 17. Он просит их, чтобы они просили милость у Бога Небесного об этой тайне. Дан. 2 18.

Бог открывает Даниилу, он славит Бога за это и разгадывает сон царю. Дан. Т 20-47.

Когда царь возвысил Даниила, он заботится и о своих товарищах, предоставляя им свое место. Дан. 2, 48-49.

ВЫВОДЫ.

1. Всеми переживаниями должны делиться с близкими, верными.

2. Прежде, чем разрешить то или иное дело, надо просить близких помочь молитвой.

3. При разрешении дела благодарить Бога и успех приписывать не себе, но тем, кто молился, и благодарить их за это.

Навуходоносор видит сон о дереве. Дан. 4, 1-20.

Только Даниил, в котором Дух Святого Бога, понял этот сон. Дан. 4, 4-5.

Даниил смело говорит царю о его гибели. Дан. 4, 21-22.

ВЫВОДЫ:

Великие благословения и откровения откроются перед нами, если мы будем в Духе Святого Бога. 2. Пребывая в Духе Святого Бога, мы будем смело говорить грешникам о их гибели.

Валтасар видит кисть руки, которая писала на стене. Дан. 5, 1-11.

Только Даниил, в котором оказался высокий Дух, о котором слышно было, что Дух Божий в нем, оказался способным прочесть. Дан. 12, 14-28.

Даниил безбоязненно говорит о смерти царя.

ВЫВОДЫ:

Как важно нам достигать высокого Духа, чтобы понимать происходящее.

Если люди будут слышать, что в нас пребывает Дух Божий, свет и разум, они позовут нас прочесть то, что их ожидает.

Даниил благодаря высокому Духу становится выше всех в царстве. Дан. 6,3.

Заговор против Даниила, но он безгрешен.

Враги дают подписать царю Дарию указ о том, чтобы обращались только к нему и не молились Богу. Дан. 6,69.

Даниил продолжает при открытых окнах три раза в день преклонять колени, молиться Богу и славословить Его (праведник смел, как лев).

Даниил брошен в львиный ров. Дан. 6 ст., гл.6.

Даниил вынут из рва, и никакого повреждения не оказалось на нем, потому что он верил Богу своему. Дан. 16, 23.

Домашние враги потерпели поражение. Царь Дарий написал народам, племенам и языкам, чтобы благоговели перед Богом Данииловым. Дан. 16, 24-27. (Даниил преуспевал).

ВЫВОДЫ;

Когда продолжается долго благополучие, находятся те, которые стремятся уничтожить верных. "Меня гнали и вас будут гнать".

Научиться молиться при всех обстоятельствах, при открытых окнах, три раза в день преклоняя колени, и славословить Бога.

Если будем веровать в Бога своего, то ничто не повредит нам.

Смелость в испытаниях ведет к тому, что многие начнут благоговеть перед Богом Спасителем нашим.

Переносим испытание Господь дает дальнейшие благословения (после бури тишина).

Даниилу после испытания Господь раскрыл дивные откровения, тайны, имеющие значения и для наших дней. Дан. 7,12.

Даниил горячо молился и сокрушался о народе своем, и Господь явился к нему в молитве и вразумлял его — 9 гл. (молитвенно прочесть эту главу).

Даниил характеризуется как муж желаний. Сам Господь укрепляет его: "Не бойся, муж желаний! Мир тебе: мужайся, мужайся!" Дан. 10, 19.

Господь до конца был с Даниилом, он успокоился от трудов своих и восстанет для получения своего жребия — награды вечной. Дан. 12,6,13.

ВЫВОДЫ:

После скорбей и больших испытаний Господь дает силу, откровение и благословение.

Желание быть "мужем желаний" угодно Господу, и Он посылает подкрепление, дабы мы могли мужаться и достигать.

Научиться у Даниила молиться за свой народ так, чтобы Господь являлся и нам и указывал, как и указывал, как нам быть и что нам делать.

Преданных Господу до конца Господь хранит, и они восстанут, успокоившись от трудов своих, в конце дней.

"И разумные будут сиять, как светила на тверди, И обратившие многих к правде — как звезды во веки, навсегда". Дан. 12,13.

Иосиф

Рождение Иосифа. Быт. 30, 23-24.

Рахиль молилась о деторождении.

Бог услышал ее, и она родила сына.

ВЫВОДЫ:

Дети есть благословение и дар Божий.

Молиться о рождении дитя угодно Богу. Господь отвечает и дает такого дитя, которое прославит Его.

Иосиф — любимец отца. Бытие 37, 1-3.

Ненависть из-за зависти братьев к Иосифу. Быт. 37, 4.

Сон Иосифа о снопах. Быт. 37,6 5-11.

Продажа Иосифа в Египет. Быт. 37, 12-36.

ВЫВОДЫ:

Не допускать ни в коем случае зависти в сердце свое.

Не вверять себя: помнить, что "предаст же брат брата своего".

Сновидениями вразумляемы будете; некоторые сны от Бога, и через них Господь вразумляет нас.

Тогда, когда наши просьбы и молитвы остаются не услышанными, не унывать, но верить, что Бог ведет — уразумеешь после.

Иосиф в Египте был успешен во всех делах, потому что Бог был с ним. Быт. 39, 2.

Искушение Иосифа женой Патифара. Быт. 6, 12.

Верность Иосифа, клевета на него и заключение в темницу. Быт. 39,6 13-20.

В темнице Господь с Иосифом, и он имеет во всем успех. Быт. 39,6 21-23.

ВЫВОДЫ:

Когда Господь с нами, Он все усматривает, даже в тяжелых обстоятельствах.

Бояться согрешений перед Богом и не идти ни на какие сделки с грехом, хотя бы это грозило гибелью нашего положения.

В темнице Господь дивно благословляет преданных Ему.

Иосиф разгадывает сны хлебодару и виночерпию в темнице. Быт. 40 гл.

Виночерпий, выйдя из темницы, забыл про Иосифа.

ВЫВОДЫ:

Какое положение наше не было бы, мы должны оказывать любовь, заботу, делать добро окружающим нас.

Когда люди не отвечают на добро добром, не смущайся. Быт.

Сон фараона о семи коровах тощих и семи тучных и о колосьях.

Виночерпий вспомнил об Иосифе.

Иосиф разгадал сны и поставлен вторым после фараона. (В темнице, в тяжелых испытаниях был 13 лет.)

ВЫВОДЫ:

Имея испытание хотя бы долгие годы, помнить, что Господь вовремя дает Облегчения и выводит из самого, казалось бы, безнадежного положения.

Господь силен вовремя разбудить сердца тех, которые забыли о нас.

Голод по всей земле. Быт. 42 гл.

Иаков посылает сыновей в Египет.

Иосиф и братья.

Испытание, постигшее братьев.

ВЫВОДЫ:

Грех твой найдет тебя.

Часто через долгое только время становится ясно, почему нас Господь ведет таким путем.

Иосиф помогает отцу. Быт. 42 гл.

Братья приходят с Вениамином. Быт. 43 гл.

Иосиф открывается братьям своим. Быт. 4 гл.

Иаков приезжает к Иосифу. Быт. 46 гл.

Забота Иосифа о братьях и отце. Быт. 47 гл.

Благословение Иакова. Быт. 48 гл.

Похороны Иакова.

Смерть Иосифа. Быт. 50, 26 (ПО лет).

ВЫВОДЫ:

Даже тем, кто нам делает неприятность, надлежит оказывать только любовь.

Надлежит чтить отца и мать своих до конца.

Продолжительность жизни зависит не от испытаний, которые постигают человека, а от планов Божиих в отношении его.

I Книга Царств 17 гл.

Давид

Война филистимлян с израильтянами. 17, 1.

Единоборец Голиаф. 17, 2-10.

В скитаниях Давид утомляется. "И встал Ионафан сын Саула и пришел к Давиду в лес и укрепил -его упованием на Бога". Гл. 23,6,16.

ВЫВОДЫ

Достигать любви между молодежью, подражая любви Ионафана.

И самые сильные духом братья и сестры могут изнемогать в испытаниях и нуждаться в укреплении от тех, кто их искренне любит.

Ко всем страждущим являть любовь, укреплять их упованием на Бога, идти к ним хотя бы в далекий дремучий лес, идти, хотя бы Саул негодовал и гневался на это.

Давид — меньший сын Есеея.

Голиаф поносит народ Божий.

Плохое отношение братьев к Давиду.

Давид с пращей поразил вооруженного Голиафа.

Победа Израильтян.

ВЫВОДЫ:

Войны народа Израильтянского есть прообраз борьбы церкви с грехом.

Грех бывает часто так силен, что верующие боятся выступить против него.

Юноши, о которых написано: "Вы победили мир", идите вперед, и Господь через вас поразит грех.

Не через сильных гордых, а через немощных меньших Господь творит победу.

Через немощных, идущих во Имя Господа Саваофа, Господь проявляет Свою великую силу.

Глава 18 – Любовь Ионафана к Давиду.

Ненависть Саула к Давиду.

Давид поступает благоразумно, потому что Господь был с ним.18,14.

От Саула отступает Господь, и он враждует с Давидом.

ВЫВОДЫ:

Молодежь должна слиться в полной любви друг с другом, как Давид с Ионафаном.

Всегда могут быть Саулы, бросающие копьё в искренних тружеников Божиих.

Во всех тяжелых обстоятельствах, когда Саулы бросают копьё, нужно быть с Господом, чтобы поступать благоразумно.

Глава 19 Ионафан помогает Давиду.

Саул идет убить Давида.

Саул, ловя Давида, начинает пророчествовать.

ВЫВОДЫ:

Если мы вполне преданы Господу — все помогают нам.

Даже противящихся Господу, ожесточенных Он может использовать как орудие в руке Своей. (Неужели и Саулы во пророках?).

Скитание Давида от Саула. Гл. 20,24.

Любовь Ионафана к Давиду. Любил его как свою душу. Гл. 20; 17.

Прощание Давида с Ионафаном гл. 20:41.

Общие выводы о Давиде.

Начав с победы над львом и медведем, он победил и Голиафа, — начинать побеждать с малого.

Давид много пережил и много создал (непревзойденная книга Псалмов), переживал многое. Будем помнить, что это путь к плодоносной жизни.

В общении с молодежью непрестанно иметь ту же любовь, какую имели Давид и Ионафан.

Глубже изучить биографию Давида, чтобы достигнуть той силы, какую он имел, и избежать ошибок, случившихся с ним.

"Горы окрест Иерусалима, а Господь окрест народа Своего отныне и вовек". Пс. 124, 2.

* * *

В России были еще морозы и метели, а в Средней Азии повеяло уже теплом. Снег также быстро стаял, как и появился; на улице было грязно, а на холмах, пригорьях и горах, что были вблизи Джизака, появились первые зеленые листочки, первые весенние цветы.

По утрам Лева, да и не только он, но и все жители домика на улице Возрождения, часто любовались горами, которые виднелись на фоне голубого неба. Невольно вспоминался дивный псалом — Песнь восхождения:

"Возвожу очи мои к горам, откуда приходит помощь моя, помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю. Не даст Он поколебаться ноге твоей, не воздремлет хранящий тебя".

Нюся и две Маруси и вновь приехавшие гости уговорили Леву и его жену подняться хоть раз в горы. И вот в наступившее воскресенье собрались в маленький туристический поход.

Далее повествовалось о том, как после страшной засухи прилежно молился Илия на вершине горы Кармил, а слуга его сообщал, что да ничего не видно, небо чистое, а потом появилось облачко с ладонь, и что он просил получил ... полился дождь.

— Друзья, — сказала Лена Белова, она всегда глубоко размышляла над словом Божиим и брала уроки из него, — какой это великий урок для нас, ведь мы такие же люди, как этот пророк, и если будем молиться, как он, то получим великое благословение.

— Вся причина наших неудач, — сказала сестра Наташа, — что мы часто плохо и мало молимся.

Этот день был посвящен глубокой молитве, чтобы Господь укрепил и сохранил веру каждого.

Вышли мимо саманных стен последнего переулочка Джизака и направились в ближайшие горы. Солнце светило ласково, нежно; взбирались все выше и выше, и чем выше поднимались, тем все более широкие горизонты открывались перед ними. Там, внизу, виднелась железная дорога, Джизак, ближайшее отдельное селение; дышалось легко, свободно...

— А вот цветы, смотрите, какие маленькие цветы, — воскликнула Маруся, жена Левы, другие тоже присоединились к ней.

— А как здесь хорошо! — восторгалась Наташа — сестренка, приехавшая из-под Ташкента.

Они взобрались на одну из вершин и расположились отдыхать.

Давайте назовем эту гору горой Фавор, — предложил кто-то о да! — воскликнули все. — Это будет Фавор.

— А вон та, — предложил Лева, — что расположена вблизи слева, гора Кармил. — Все молчали. — Тогда всем вам задание, когда мы спустимся с Фавора и пойдем домой, подумайте и вспомните, что случилось на горе Кармил?

— Ну, какой гимн споем? — спросила Маруся Томыловская. Приехавшие предложили: "Лучшие дни нашей жизни".

И молодежь, поднявшись на уступ скалы, взяв друг друга за руки, громко запела:

"Лучшие дни нашей жизни,
свежие силы весны молодой
Мы посвятим Иисусу
в дар для Него дорогой!

Что может быть нам приятней,

как Иисусу служить,
Жизни простор необъятный,
сердце Христу подарить?

Слышишь, как Он призывает?
Час посвящения для нас настал!
Больше мы медлить не можем.
Он ведь нам жизнь даровал!

Братья, поднимем же знамя
с именем чудным Христа!
Пусть загорается пламя
жертвенной Крови Христа..."

После пения молились, беседовали о том, чтобы посвятить свою жизнь на служение Господу.

Лева обратил особое внимание на Преображение Господа, что оно произошло во время молитвы, об этом говорится в Евангелии от Луки: когда Он молился... тогда и произошло преобразование.

— Как важно в нашей христианской жизни, — говорил он, — иметь часы, горы молитв. Только тогда мы можем преобразиться в Его светлый образ.

Кушали, сидя на камнях, принесенную пищу, пели, радовались, прыгали с камня на камень, с уступа на уступ, а некоторые побежали на гору Кармил, чтобы побыть там. К вечеру, довольные, раскрасневшиеся, веселые, вернулись в домик на улице Возрождения.

Некоторые сестры стали готовить ужин, а другие уселись с Библией в поисках, что же было на горе Кармил. Наконец кто-то воскликнул: "Нашел, нашел!" И стал читать 3 Царств, из 18 главы.

Библия повествовала о великих событиях древности, когда пророк Илия собрал народ Израильский, отступивший от Бога, и через его молитву явился огонь с неба и подпалил жертву и дрова на жертвеннике, а языческие пророки были постыжены...

"Во всех путях познавай Его, и Он направит стези твои". Прит.3,6.

На следующий день вечером гости уезжали, и когда Лева пришел с работы, то вещи все были упакованы и до прихода поезда оставалось только два часа.

— Как жалко расставаться с вами! — воскликнул Лева., — Вот мы вместе одной семьей прожили только недельку, а сколько Господь явил уже милости: мы больше познали Его Слово, крепче полюбили друг друга.

— О, мы хотели бы не расставаться друг с другом, всегда быть и жить вместе! — воскликнула молодежь,

— Да, это величайшее счастье — быть и жить вместе и трудиться для Христа.

— Лева, Лева! — расскажите нам на прощание что-нибудь самое важное.

Лева задумался, потом встал и сказал:

— Друзья, помолимся. — Он крепко попросил Господа, чтобы Он помог сказать молодежи то, что является самым сокровенным в его сердце. — Дорогие, — начал он, обведя всех спокойным, немного грустным взглядом, — есть то, что положено мне на сердце, но боюсь, хотя, может быть, это главное, к чему влечет меня Господь, не будет осуществлено. Вы знаете, когда я прибыл впервые в Среднюю Азию и в городе Катакургане, читая Евангелие, молился и размышлял, мне Господь многое открыл. Я словно видел жизнь Иисуса Христа со Своими учениками и с теми женщинами, которые последовали за Ним. Они не вели оседлый образ жизни, они двигались, кочевали, спасая грешников и исцеляя больных. Это была единая семья Христа, это были Его братья и сестры и мать.

Апостол Павел говорит: "Подражайте мне, как я Христу". И Павел подражал Христу, он не имел оседлого образа жизни, хотя иногда перезимовывал, даже жил несколько лет на одном месте, но вся его жизнь — движение, скитание. И сколько он сделал для Господа, подражая Христу! Он имел свою семью сотрудников: это Тимофей, Тит и многие другие, там были и сестры — это Евдолия и Сентихия, как написано к Филип, в 4 главе. Это была дружная семья, и Павел говорит, что нуждам моим и бывшим со мною послужили руки мои. И сколько благословений! Так мне открыто, что посвятившие себя Господу должны соединиться вместе в одну семью. Жить, трудиться вместе и двигаться с одного места в другое, неся свет Евангелия. Это не монастыри — это жизнь и труд среди мира, каждый работает по своей специальности осенне-зимний сезон, а живут вместе — все общее; приходит весна, увольняются и лето посвящают Господу, проповедуя по селам и городам. Иногда разъединяются по два и идут в различные места, потом соединяются опять вместе. И если кто, посвятив себя Господу, проживет так хотя бы два-три года, какой духовный рост даст это таким труженикам. Потом, когда они оставят такую службу Господу, будут благословенными тружениками, имеющими определенный опыт, в тех общинах, где будут жить уже постоянно. Это главное желание моего сердца. Когда Господь откроет дверь для Евангелия в нашей стране, двигаться, плавать по всему бассейну великой нашей реки Волги, жить вместе с посвятившими себя и направлять все свои силы, время, средства, здоровье для благовестия.

Когда Лева говорил, глаза его горели, он словно смотрел в далекое будущее и жил им.

— О, мы хотим участвовать в этом великом деле, — воскликнула молодежь, — какое счастье было бы так жить и общим трудом прославлять Господа, как первые христиане.

— Попросим об этом, чтобы Господь свершил это, — сказал Лева.

Все опустили на колени и в слезах горячо молились, чтобы Господь благословил это, чтобы еще увидеться, еще потрудиться на нивах огромной родной страны, где столько людей, столько народов ждут спасения.

Спели гимн: "С вами Бог доколе свидимся...".

Уезжая, прощались как самые близкие, говоря, что в этом домике на улице Возрождения они имели крупицу того, о чем рассказывал брат, как жил апостол Павел со своими близкими.

— Да, домик на улице Возрождения, — говорил, прощаясь молодой брат, — останется в памяти на всю жизнь. Дай Бог, чтобы такие домики были в каждом городе, в каждом селе и великая эпоха возрождения настала в нашей стране.

"А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте". Марк 13,37.

Приехали новые гости из Самарканда: это были юные сестры и молодой брат, переселившийся из Молдавии. Все они были бодрые, любящие Господа, а брат-молдаванин особенно горел духом. Беда была только в том, что он не мог вполне изъясниться по-русски, и речь его была иногда не совсем понятной.

Все было хорошо: в природе наступила весна, и это по особенному вливало новые надежды, новые стремления; общение с дорогими джизакцами, общение с гостями... жизнь для обитателей домика на улице Возрождения превратилась как бы в сплошной праздник. Маленький Павлик рос, он выбегал во двор и с удивлением смотрел на зашедшего от соседей петуха, который важно прогуливался и искал себе пищи. Он начал говорить первые слова, и когда Нюся говорила ему: "Павлик, уйди от дверей", он надувал губки и отвечал: "Уду, Уду", — и уходил в сторону.

Лева и его жена работали, и все у них шло успешно. Маруся Томыловская устроилась на работу в пекарню и пекла булочки. Правда, нужно сказать, что в связи с ее поступлением в пекарню, у Левы было искушение. Приняв ее в пекари, зав.пекарней сказал Лева, что это дело нужно обязательно обмыть и поставил на стол пол-литра. Как Лева ему ни доказывал, что никаких обмытий он не признает, он налил в стакан водки и говорит, что кровно обидится, если Лева с ним не выпьет. Говорил, что он устроит скандал и всякие неприятности, если Лева не докажет, что он хороший человек, а не враг его; доказательство дружбы одно — приложиться к стакану водки. Но Лева был неумолим. Конечно, кончилось все хорошо, и зав.пекарней относился к нему хорошо.

Но искушение может нагрянуть и незаметно, совершенно не знаешь, откуда оно придет, и если вовремя не остановиться, то можно в него впасть. Так и случилось в домике на улице Возрождения.

Когда домочадцы вечерами проводили семейные беседы у Слова Божия, брат-молдаванин тоже старался поделиться, высказывая свои мысли. А когда у него не получалось, он вставлял еще несколько слов, сестры улыбались. И вот одна из них не выдержала и засмеялась, засмеялись все. Юноша-молдаванин с удивлением посмотрел на всех. Лева сказал, что нужно быть серьезным и держать себя в руках. Но как только молдаванин что-то скажет, так начинался смех.

На следующий день вечером во время беседы смех прорывался по всякому ничтожному поводу. Он был так заразителен, что Лева не выдерживал и смеялся сам.

— Друзья, остановитесь, — говорил он, — так нельзя.

Все делали над собой невероятные усилия, чтобы не смеяться, но увы... Казалось, никакая сила не может остановить этот смех. Рахиль и сестра Лена с недоумением смотрели на Леву, будучи весьма серьезными и глубокими христианами, они тяжело переживали это.

В домик на улице Возрождения заходили верующие, пришла старушка сестра Таня — спутница Михаила Леонтьевича Белова, — пришла с пирогами, угостить. Спрашивала: "Ну, как у вас, все хорошо, всем довольны?" Ей отвечали: "Да, слава Богу, все хорошо". А на сердце было у каждого тяжело.

Было воскресенье, утро светлое, чудное, и опять смех. Опустились на колени, стали молиться, и вдруг засмеялась одна сестра, все молящиеся разразились смехом — это было ужасно! Сестра Нюся плакала навзрыд, плакала, а потом опять смеялась. Лева не выдержал, не сказав никому ни слова, он ушел. Он ушел в горы, он пошел туда, к горе Кармил, плакал и молился, прося Бога освободить их от этого дьявольского наваждения,

Проходили часы, беспокоилась его жена Маруся, что его долго не было, забеспокоились все, но Лева не приходил. Домочадцы опустились на колени и просили, чтобы Господь простил и помог избавиться от этого ужасного смеха. И когда Лева вернулся, было совсем другое. Этот смех исчез. Как и прежде, было бодрое сердечное настроение у каждого.

Вечером посетили верующие, много пели.

Гости собирались возвращаться в Самарканд.

— Какой у вас самый любимый гимн в домике на улице Возрождения, — спросили они, — мы его хотим запомнить как ваш гимн.

— У нас любимый гимн, — сказала Маруся — сестра Нюси, который мы разучили здесь и часто поем, это "По дороге испытанья".

— Так давайте его споем все вместе при расставании. — И они запели гимн домика на улице Возрождения:

"Дорогое обещанье Бог нам, странникам, дает:
"По дороге испытанья поведу тебя вперед!"

Припев:
"Поведу Я, поведу Я, поведу тебя вперед.
По дороге испытанья поведу тебя вперед!"

В час, когда в огне терзанья сердце друга не найдет,
Пусть звучит то обещанье: "Поведу тебя вперед!"

Если сердце упование горечь жизни разобьет,
Слушай с верой обещанье: "Поведу тебя вперед!"

Если ночи тень спадает и кончины час придет,
Слушай, Кормчий твой взывает: "Поведу тебя вперед!"

Отъехали самаркандцы в полном мире и любви. Брат молдаванин горячо целовал братьев, пожимал руки сестре и говорил, что он много-много получил в домике на улице Возрождения.

"Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищущий". Пс. 62.2.

— Я замечаю, — сказала Нюся, — что вечером мы всегда имеем богатую духовную пищу, а вот утром иногда засуетимся и даже не откроем Слово; Божие. Вы, Лева с Марией Федоровной уходите рано на работу, и мы вместе не можем помолиться.

— Это верно, — сказал Лева, — но утром каждый христианин, где бы он ни был, в особой молитве должен побыть с Господом наедине, это очень и очень необходимо наедине с Богом открыть Библию и прочесть хотя бы один стишок. Встав, вначале поговорить с Богом, а потом уже с близкими; вначале подкрепить хоть немного душу Словом Божиим, а потом заботиться о плоти. Сегодня вечером мы проведем домашнюю беседу об утреннем часе с Богом.

Перед беседой спели гимн: "рано я ищущий Иисуса". После этого открыли Библию, Евангелия и начали со Христа, Который имел обыкновение молиться по утрам. Об этой беседе Маруся Томыловская сделала следующую запись в своей тетради. Это было 27 февраля 1949 года:

Христос вставал утром рано и удалялся в пустынное место для молитвы. Марк 1, 35-38. (Молитва уединенная.)

Женщины идут ко гробу — к Иисусу:

а) на рассвете. Матф. 28,1,

б) весьма рано при восходе солнца. Марк 16, 1-2,.

в) Мария Магдалина пришла ко гробу весьма рано, когда еще было темно. Иоанн 20, 11.

Рано ища Иисуса, они впервые узнали о Его воскресении и увидели Его.

Давид придавал исключительное значение обращению к Господу на заре рано утром:

а) он рано зывал к Богу и, представ перед ним ожидал. Пс.5,4,

б) он составил псалом, который исполнялся при появлении зари. Пс. 21,1,

в) наряду с молитвой вечером и в полдень молитва утром занимала у него первое место. Пс. 54,18,

г) для пения и игры на музыкальном инструменте он вставал рано. Пс. 56, 9-10,

д) пение, воспевающее силу Божию, провозглашающее милость Его, было у него с раннего утра. Пс. 58,18,

е) с ранней зари он занят Богоискательством.

По утрам Господь особенно подходит к человеку:

а) помогает ему. Пс. 45,6,

б) насыщает "Рано насыть меня милостью твоею, и мы будем радоваться и веселиться",

в) Господь говорит с раннего утра. Иер. 35, 14-215.

г) рано утром Господь посылает рабов Своих.

Рано утром во свете Слова Божьего можно видеть происходящее.

Лица, не имеющие утреннего часа с Богом, ленивцы, впадающие в бедность и духовную нищету. Прит. 7,9.

ВЫВОД:

Утренний час с Богом необходим:

а) чтобы говорить — молиться Богу,

б) насыщаться через Слово Его,

в) слышать, что Господь скажет нам,

г) получать указание от Него на день, чтобы подкрепившись с утра, радоваться весь день,

д) чтобы духовно расти и крепнуть.

Утренний час хорошо сопровождать не только молитвой и чтением Слова Божия, но и пением-хвалением Его.

Время, уделяемое утреннему часу и аккуратность проведения его, определяет тяготение человека к Богу.

Отсутствие утреннего часа с Богом — опасность глубокого духовного оскудения.

При проведении утреннего часа с Богом лучше оставаться наедине. Приобрести навыки в соблюдении утреннего часа с Богом и передавать их другим.

В заключении домашней беседы Лева сказал, что он хотел бы пожелать, как домочадцам, так и гостям и самому себе, всегда до конца жизни соблюдать утренний час с Богом.

Приходит ночь

Апрельское солнце в Средней Азии несет уже полностью весну, но в это время бывают и дожди, бывает и непогода. Жизнь в домике на улице Возрождения шла своим чередом. Нюся и Маруся устраивались на работу, все, казалось, складывалось к лучшему. Но Лева тосковал по учебе, и жажда учиться в институте не угасала в нем.

Пришло письмо из Куйбышева от мамы. Оно было заказное. Из письма, когда он его вскрыл, вместе с листком бумаги, исписанным почерком мамы, выпал еще листок. Лева взял его в руки и словно остолбенел: что это значит, что это такое? Это было отношение из Куйбышевского мединститута, подписанное директором, в котором сообщалось Лева, что он может немедленно приехать на учебу, что все улажено, его пропишут и ему будет предоставлена

возможность догнать свою группу.

Словно тучи разорвались, и засияло солнце. Но Лева взял листочек, написанный мамой. Мать писала, что ее вызывали в мединститут, вручили это отношение и сказали, чтобы она немедленно отослала его Лева и чтобы он не задерживался с возвращением в институт. Далее она писала, что такая внимательность и участие к Лева дирекции ей показалась крайне подозрительными. Она советовала Лева подумать, помолиться и поступить так, как найдет он лучше.

Лева молился: с одной стороны, радость, с другой — какое-то сомнение. Он думал: не мираж ли это?

Когда путник в пустыне жаждет воды, погибая без нее, он устремляет взор вдаль, через раскаленные пески и ждет, ждет источника. И вот, как описывают путешественники, они видят вдали пальмы, оазис, видят источники воды и, собрав последние силы, устремляются туда... но увы... все тот же раскаленный песок, все также неумолимо жжет солнце. Это был просто оптический обман.

Не обман ли тут? Конечно, не оптический, а другой... Лева отлично сознавал, откуда это может быть и для чего его хотят затянуть в Куйбышев.

Жена и домочадцы радовались. И так, опять в Куйбышев, Лева будет учиться, дверь открыта, слава Богу.

Лева продолжал работать и в то же время размышлять, и он решил, что в Куйбышев ехать нужно, так или иначе, если он не поедет, то "друзья", конечно, смогут взять его и здесь.

Он подошел к Госсанинспектору и сказал, что он уезжает на учебу. Она и все в райздраве поздравляли его, радовались за него. Ему выдали прекрасную характеристику, как хорошему работнику; но для того, чтобы окончательно уволиться и рассчитаться, нужно было ехать в Самарканд, где оформляли его на работу, в отдел кадров облздрава.

Поезд на Самарканд отходил ночью. Это была страшная, дикая ночь. Сильный ветер с дождем потрясал домики, завывал, грязь, тьма... Горячо молились близкие, чтобы господь сохранил Лева, дал быстро оформить в Самарканде все документы и вернуться домой, чтобы вместе поехать в Куйбышев. Молились, а за окном ветер выл, ревел... как будто, что-то надвигалось ужасное, черное. "Предай Господу путь твой, и Он совершит", — сказала жена на прощание.

В эту погоду было рискованно брать Павлика на станцию, и было решено, чтобы она осталась с ним дома, а все остальные пойдут провожать его. Они пошли, а Маруся осталась одна.

Ветер выл, но вот кто-то ударил в окно и чей-то пьяный голос заревел: "Открой, открой, ты что меня в мой дом не пускаешь, открой!"

Сердце сжалось у нее, вломится, испугает ребенка. Она поставила керосиновую лампу под стол и ничего не отвечала, а пьяный все бушевал, ломился, ветер выл... Наконец стало как будто стихать, пьяный ушел, она задремала.

В темноте, скользя по мокрой грязной дороге, поддерживая друг друга, пробирались они к станции. Ветер, казалось, хотел сбить с ног, остановить, преградить дорогу, но они шли; измокшие, продрогшие, пришли они на станцию.

Лева мокрыми руками пожимал мокрые руки сестер, говорил, чтобы бодрствовали, что завтра может быть все оформится и к вечеру приедет.

Усталые, продрогшие, промокшие вернулись сестры в домик на улице Возрождения.

Лева ехал в холодном вагоне, а мысли его бежали быстрее поезда. Он перенесся в родной Куйбышев: итак, опять учеба, значит, есть справедливость, значит, есть правда и среди людей. Ведь когда его убрали из Куйбышева, он знал, что некоторые из начальства были за него; они доказывали, что он был на фронте, вернулся из армии и теперь может, несмотря на прошлые судимости, за которые он отбыл наказания, жить наравне со всеми прочими гражданами. Начальник милиции тогда прямо ему сказал, что его оставят в Куйбышеве и это просто недоразумение... Но были такие, которые думали иначе и хотели стереть его с лица земли, ненавидя Христа и его последователей. И теперь, видимо, разобрались, что и я могу быть полезным человеком, не только быть врачом, но и разрешат заниматься научной работой... Неужели отношение директора обман?.. Это слишком дико... невозможно... Не может быть, чтобы люди, профессора, были использованы, чтобы затянуть его в ловушку.

И опять мечты... радужные мечты об учебе в институте, о научной работе.

Поезд подходит к Самарканду...

В домике на улице Возрождения тревога, беспокойство, волнение. Все верующие в Джизаке уже знают об этом... Прошел день, другой, третий, а Лева не возвращался.

Маруся, его жена, поехала в Самарканд разыскивать его, была у верующих, близких. Старичок-брат Камынин, который работал возчиком при станции, говорил, что он видел Лева утром, поздоровался с ним, Лева обещал вечером прийти на собрание, но не пришел.

Тревожно сжималось сердце у жены: куда, что с ним, может быть, попал под машину. Она ходила всюду, узнавала, была в милиции, все отвечали: "Не знаем", была в НКВД — один ответ: "Не знаем". Там дежурный сказал ей: "Что вы его ищите, у вас есть ребенок?" — "Да, есть, маленький!" — ответила она. — "Ну и не ищите его, он просто вас бросил с ребенком, сейчас так часто мужья делают", — и засмеялся.

— Обращалась в тюрьму: спрашивала — везде был тот же ответ: "Не знаем, нет..."

Лева исчез бесследно...

Глава 6. Арест

"Пострадали некоторые из разумных для испытания их, очищения и для убеления к

последнему времени; ибо есть еще время до срока".

Дан. 1135.

Был ясный весенний день, но зима в Средней Азии задерживалась: дул холодный ветер, набежавшие тучи капали мокрым снегом, а солнце, полное тепла и света, грело землю, и на бугорках — проталинах появилась первая зелень и первые цветы.

Поезд пришел утром. Когда Лева ночью выехал из Джизака, была страшная буря, выл ветер, готовый, казалось, сломать деревья и снести крыши, лил дождь, по земле текли ручьи, стояли лужи, было мрачно, холодно и темно. А теперь, когда он прибыл в Самарканд, над городом простиралось голубое небо. Солнце нежно грело щеки Левы, и он бодро вышел на вокзальную площадь. Кто-то назвал его по имени. Лева оглянулся: это был брат Камынин, который добывал себе пропитание, развозя на лошади пассажиров со станции по домам.

— Здравствуй, дорогой брат! — сказал Лева, приветствуя возчика.

— Ты на наше молитвенное собрание приехал? — спросил тот, придерживая лошадь.

— Да, я вечером на собрании буду, — уверенно сказал Лева, радостно улыбаясь... — У меня большая и приятная новость: от директора Куйбышевского мединститута получена телеграмма. Я получил разрешение продолжать курс обучения в Куйбышеве. У них, как сообщается в телеграмме, все отрегулировано, и теперь я могу продолжать учиться в родном городе,

— Слава Богу! — воскликнул брат Камынин. — Бог услышал молитвы верующих, теперь время иное, должно быть все по правде, в нашей стране верующих не должны притеснять и гнать...

— Да, слава Богу! — сказал и Лева. — Он видел наши переживания, и теперь все устроилось. Я в Джизаке уже уволился с работы, моя Маруся тоже увольняется, и мы на днях отправляемся в Куйбышев. Вечером приду на собрание — прощаться с братьями и сестрами.

В самом радужном настроении Лева направился в город. Там ему в горздравотделе надлежало окончательно оформить свое увольнение.

"Вот сейчас все оформлю, — думал Лева, — потом пойду к брату Коновалову, вечером буду на собрании, выскажу свои пожелания, мне споят: "Бог с тобой, доколе свидимся..." Некоторые, возможно, пойдут проводить на станцию. Дорогие, близкие, родные. Мало мы были вместе, но как Христос нас сроднил! Да, ничто так не сближает людей, как Евангелие... А утром я снова буду в Джизаке. Еще несколько дней, и Куйбышев, учеба в институте..."

Лева чувствовал себя так, как будто воскресал для жизни. Его приглашают учиться. Лев запрашивал, сможет ли он поступить на 4-й курс, ведь полгода он пропустил. Мать Левы по его поручению ходила узнавать, и ей ответили, что примут на 4-й курс, что он догонит, все будет хорошо, пусть только приезжает... Действительно, проявлена такая гуманность, такая внимательность. "И почему это? — думал Лева. — Возможно, учли, что я учился на отлично, занимался научной работой. Нельзя же человека за его веру притеснять!..."

В самом радужном настроении Лева вошел в здание облздрава. Там его пригласили в спецчасть и перед увольнением предложили написать автобиографию. "Не забыть бы характеристику с фронта, которая здесь, в моем деле". По своей специальности фельдшера Лева участвовал в боях с японскими захватчиками в 1945 году, был награжден медалью "За победу над Японией". И когда он демобилизовался, медчасть полка выдала ему отличную характеристику.

— Посидите еще одну минуточку, — сказала женщина из спецчасти и вышла.

В комнату вошли двое. Один из вошедших, грузный, заплывший жиром, в очках, мрачно взглянул на Леву и жестко, кратко произнес:

— Вы задержаны.

— Как так? Кто вы? — изумился Лева.

— Не говоря ни слова, вошедшие показали ему книжечки работников МГБ.

— В чем дело? — недоумевал Лева.

— Нам нужно выяснить вашу личность. Следуйте за нами. Разговаривать было бесполезно. Лева по опыту знал, что эти люди действуют наверняка и при этом "никогда не ошибаются".

Они шли по залитым солнечным светом улицам Самарканда. Впереди один, сзади другой, в середине Лева.

"Господи, что это такое?" — внутренне молился Лева, смотря на голубое небо. Сердце тревожно билось. Почему его взяли? Что он сделал плохого? Совесть Левы была абсолютно чиста. Никогда и нигде никакого худого слова не произнес он против власти, не выражал никакого недовольства. Будучи христианином, во всем старался поступать по Евангелию.

"И как же это я сказал, что буду на вечернем собрании? Такая самонадеянность! Ведь нужно всегда говорить, как учил апостол Иаков: "Если живы будем и Господу будет угодно, сделаем то или другое"... Неужели, неужели все мечты об учебе, а потом о врачебной деятельности, больше того — о большой научной работе — лопнут, как лопаются мыльный пузырь?"

Они вошли в здание МГБ. В отдельной комнате жирный человек в очках сказал, что он следователь, и начал тщательный обыск Левы. Его раздели догола, снова обыскали, отобрали документы, отобрали каждую бумажку и деньги, что были в кошельке.

У Левы была очень миниатюрная книжечка с адресами, и он попытался сохранить ее, держа в ладони. Следователь заметил это и рассердился:

— Кого провести хотите? Дайте сюда, что у вас в руке! Лева подал.

— Ага, адреса!

Он попытался читать их, но у Левы был такой почерк, что следовательно, как ни вертел книжечку, ни пытался разобрать, ничего не мог прочесть.

— Как это вы пишете? — возмутился он.

— Уж такой почерк! — сказал Лева, пожимая плечами. Следовательно оформил протокол обыска, позвонил. Пришел конвоир внутренней тюрьмы МГБ, которому и передали Леву.

— Почему меня арестовали! Где ордер на арест?

— Это вы потом узнаете, — равнодушно сказал следователь и закурил папиросу.

Они вошли во двор. Это был двор МГБ, на него выходили камеры для заключенных. Сами камеры были расположены под землей.

Здесь Леву снова тщательно обыскали, и в поясном кармане нашли деньги, пересчитали их и записали на его счет

Глава 7. Скорбь

(Во внутренней тюрьме Самаркандского МГБ).

"Ты потряс землю, разбил ее; исцели повреждения ее, ибо она колеблется". Ты дал испытать народу Твоему жестокое, напоил нас вином изумления". "Даруй боящимся Тебя знания, чтобы они подняли его ради истины".

Псал. 59, ст.4-9.

Лева в своей жизни видел всякие тюремные камеры, но эта изумила его. Это была маленькая пустая подземная комната, деревянный пол и больше ничего: ни табуретки, ни стола, ни признаков какой-то кровати. Окна не было, только над окованной железом дверью было отверстие, в котором тускло светилась электрическая лампочка. Временами она совсем тухла, и тогда воцарялся полный мрак. Лишь небольшие лучи дневного света проникали из отверстия, где висела лампочка.

"Странно! — подумал Лева. — Это, видимо, я временно здесь, на несколько часов, а потом переведут в камеру, где содержатся заключенные..."

Но настала ночь, и Леву никуда не переводили. Было очень холодно. Лев всячески старался укутаться в свое пальто.

На следующий день его вызвал следователь. Он был страшно рассержен и начал с крика:

— Почему ты скрыл деньги?

— Я не скрывал, — ответил Лева. — Вы обыскивали, они лежали в кармане брюк.

— А почему ты хотел утаить адресную книжку?

— Очень просто, — объяснил Лева. — Мне адреса нужны, в памяти я их держать не могу; значит, нужна и адресная книжка.

Наконец следователь успокоился, взял листки допроса и начал с обычного: фамилия, имя, отчество, где родился? Перейдя к допросу по существу, следователь спросил:

— С какой целью и по какому заданию вы приехали в Среднюю Азию?

Лева начал подробно объяснять, что его удалили из Куйбышева, как имеющего в прошлом судимость. Чтобы продолжать учебу в мединституте, он везде искал пристанища и приехал в Самарканд по направлению Министерства здравоохранения СССР, чтобы продолжать учиться.

— Брось заливать нам, — прервал его следователь. — Ты лучше расскажи, каких ты старших братьев знаешь в Москве. Когда был в Москве, встречался с ними?

— Встречался, — сказал Лева, нисколько не смутившись. Следователь внимательно посмотрел на него. Лева внутренне молился:

"Господи, сделай так, чтобы этот следователь не сделал никакого зла для детей Твоих и правда и справедливость восторжествовала.

Следователь порылся в каких-то бумагах и потом медленно, в упор глядя на Леву, произнес:

— Старше вас Жидков Яков Иванович, Орлов Михаил Акимович. Встречались с ними?

— Встречался, — сказал Лева.

Следователь повеселел, лицо его стало добрым, почти добродушным.

— Знаете что, Смирнский? Я вам зла не желаю, ведь все мы понимаем, что вы действуете под руководством ваших старших братьев. Говорите всю правду, вам легче будет; вся вина падет на них.

— Я всегда говорю только правду, — сказал Лева. — Всякая неправда есть грех, мы никогда не обманываем.

— Вот-вот, это хорошо, — сказал следователь. — Так что не только по подписке, которую я у вас взял, что вы не будете давать ложных показаний, вы будете говорить правду и по совести.

— Конечно, конечно, — сказал Лева. — Я противник всякой лжи.

— Так вот, — продолжал следователь, — к кому вы ближе: к Жидкову или к Орлову?

— С Орловым я чаще встречался, — сказал Лева. — Он в 1948 году приезжал к нам в Куйбышев и я имел с ним беседу.

— Вот это хорошо. Значит, вы не отрицаете, что находитесь в связи с Орловым?

— Как же, он мне брат во Христе, — сказал Лева. Следователь был явно заинтересован разговором о связи с Орловым. Он подробно записывал, где и когда виделся Лева с Орловым.

О судьбе брата М.А. Орлова Лева не беспокоился. Это был человек, всей душой и телом преданный органам МГБ. Лева знал от близких верующих в Москве, что Михаил Акимович выполнял любое задание разведки и среди всех верующих пользовался незавидной репутацией. Но власть его ценила больше всех остальных, и в самые тяжелые годы, когда всюду были закрыты молитвенные дома, а работники их репрессированы, — один брат Орлов в Москве держал молитвенные собрания, один пел и проповедовал, не испытывая никаких притеснений.

— Так вот, — продолжил следователь, — скажите конкретно, какие задачи ставил перед вами ваш брат Орлов, направляя вас в Среднюю Азию? Что вам нужно было передать пресвитерам и дорогим проповедникам Средней Азии?

— Мне он не давал решительно никаких заданий, кроме пожелания хорошо учиться, стать врачом, и больше ничего.

— Не скрывайте, не скрывайте, — настойчиво убеждал Леву следователь. — Слушайте, для вас лучше будет.

— Собственно, что вы подозреваете в наших братьях плохого? — спросил Лева.

— Много плохого, — сказал следователь. — Баптизм растет. И это не без их влияния.

— Но верующих ведь так мало, и мы так незначительны, — возразил Лева.

— Знаем, знаем! Мы изучали этот вопрос. Если вам, баптистам, дать полную свободу, да еще содействие со стороны государства, так пол-Самарканда будет баптистов.

— Но я не вижу в этом ничего плохого. Баптисты люди честные, трудолюбивые и в производстве, и в быту. Среди них нет ни пьяниц, ни развратников.

— Да, они хорошие люди, если бы только бросили свою веру. Тогда бы они шли в ногу с нами.

— "Они хорошие люди!" — повторил Лева слова следователя. — Мы хорошие люди только потому, что верим в Евангелие и стараемся жить по нему. Если же не будем верить, то будем только лгать, пьянствовать, воровать, как и все.

— Ну, хватит об этом, — сказал следователь. — Вот вы подумайте и скажите, какие задания давал вам Орлов и как вы их выполняли, какие связи наладили с разными пресвитерами.

— У меня к вам большая просьба, — сказал Лева. — Разрешите написать письмо жене, что я нахожусь у вас, чтобы мне передали пару белья, одеяло.

— Никаких писем не разрешу. Вы взяты так, что никто не знает, что вы арестованы и где находитесь.

— Но почему же это так жестоко? — спросил Лева. — Как страдает моя жена, что я пропал без вести!

— Это мы делаем потому, что нам нужно перехватить всякие письма, которые идут к вам, а также установить, что делается, потому что, если узнают, что вы арестованы, сразу будут прятать концы в воду.

Тяжело было Лева сидеть в этой мрачной, пустой камере. Погода становилась все холоднее, сыпал снег, как будто весна отступала под натиском зимы.

Однажды Леву вызвал начальник внутренней тюрьмы. Это был молодой, статный военный.

— Ну, как вам нравится у нас? — спросил он.

— Я еще таких камер не встречал, — отвечал Лева. От холода и тюремного питания лицо его побледнело и осунулось. — Скажите, а почему у вас даже табуретки в камере нет?

Начальник весело усмехнулся:

— Табуретки, это опасная вещь. Бывали случаи, когда люди после ночных допросов сваливались с табуреток и засыпали. А мы не хотим, чтобы люди у нас, падая с табуреток, ушибались. Вот и решили убрать табуретки.

— Но почему же постели нет? — спросил Лева. — Ведь холод такой...

— Постель арестованные имеют каждый свою, — сказал начальник.

— Но меня так арестовали, что у меня нет ничего.

— А говорят, что вы баптист?

— Да, это точно.

— За что же вас арестовали?

— Я сам не знаю.

— А я вот жил в Ташкенте, и недалеко была баптистская молельня. Ну, как они поют, как поют! Мне ваше пение нравится.

— Да, мы прославляем Бога от души, — сказал Лева. Начальник крикнул солдата.

— Вот что, — сказал он ему, — возьми там сколько надо из денег этого арестованного, езжай на базар и купи ему одеяло.

Спустя несколько часов Лева с наслаждением кутался в купленное ему байковое синее одеяло.

— Господи, как ты милостив! — молился он. — Ты расположил сердце этого начальника, и теперь мне не так холодно. То пение, которое некогда в Ташкенте неслось к небесам, достигло не только небес, но и черствых сердец и, видимо, способствовало смягчению сердца начальника тюрьмы.

... Ночью Лева не раз просыпался от криков, воплей плачущей женщины. Там, в одной из камер, кричала, плакала, рыдала заключенная.

"Кто это? — думал Лева. — Может быть, арестовали жену, а может, так, что привезли и арестовали сестер, которые были у нас в доме, Марусю или Нюсю".

Душа разрывалась от этого плача.

— Что с ними? Что будет? Боже мой, Боже мой! — шептал он.

Самаркандские верующие, когда Лева не пришел на собрание, вначале не придали этому значения, полагая, что он поспешил уехать в Джизак, но потом рассудили, что он этого сделать не мог, и тревожное предчувствие охватило всех. На третий день, как пропал Лева, они послали телеграмму в Джизак с запросом.

В Джизаке давно уже тревожились все, а особенно его жена, Мария Федоровна, кормившая грудью сына. И когда получили телеграмму, то поняли, что с Левого случилось что-то недоброе. Какая-то черная туча нависла над ним.

Жена Левы тут же собралась и поехала в Самарканд на его розыски. Приехав, она тут же обратилась и в облздрав, и в милицию, и в тюрьму, и в МГБ. Но все отвечали одно: "Не знаем". А в МГБ участливо спросили:

— У вас есть ребенок?

— Да, есть, — ответила она.

— Ха-ха-ха! — рассмеялись они. — Тогда все ясно. Ведь мужья теперь так часто бросают жен с, ребенком и скрываются, чтобы не платить алименты. Бросьте искать его, он просто сбежал и бросил вас.

Из всего этого стало ясно, как было ясно и жене Левы Марии Федоровне, что Леву арестовали, а в этом вызове ехать учиться в Куйбышев было что-то злое, коварное, была какая-то западня.

Верующая молодежь решила дежурить вблизи МГБ и тюрьмы в надежде увидеть Леву, когда его поведут. Все молились Богу, все верили, что только Господь может утешить и выяснить то, что случилось с Левой.

Допросы между тем продолжались. Следователь, убедившись, что Лева не открывает ему "задание брата Орлова", приступил к расспросам и о самаркандских и джизакских верующих.

— Вы Беловых знаете в Джизаке?

— Знаю, — отвечал Лева.

— Так вот, расскажите, какие антисоветские разговоры они ведут?

— Никаких не ведут антисоветских, — сказал Лева. — Молятся Богу, читают Библию, поют.

— Вы не скрываете, не скрывайте, — уговаривал следователь. — Газету они выписывают?

— Выписывают, конечно, как все мы выписываем, — сказал Лева.

— Так вот: когда они читают газету, какие замечания делают, какую критику наводят?

— Я не был у них, когда они читают газеты, но должен вам сказать одно, что мы не политики, они заняты только своей верой и трудом.

— Вот если они верят, а мы идем против веры, — значит, они должны что-то против нас иметь, что-то предпринимать,

— Вы плохо нас знаете, — сказал Лева. — Ведь именно благодаря нашей вере мы и не можем участвовать ни в какой политической борьбе, не можем быть врагами власти, ибо считаем, что всякая власть от Бога установлена. Написано, что власть есть Божий слуга, и мы во всем подчиняемся власти по совести...

— А вот у вас, в Самарканде, есть один брат немец. Поскольку он немец, он конечно же идет против власти.

Он нагнулся и стал искать что-то в папке. Лева заметил, что в ней лежат листы с фотографиями целого ряда братьев. Молнией мелькнула мысль: значит, готовится материал, видимо, впереди неизбежны многие аресты...

Действительно, вскоре и в Самарканде и в других городах начались аресты ревностных верующих, суровые репрессии эпохи культа личности Сталина. Все они, как правило, заканчивались тяжким обвинением и большими бесчеловечными сроками.

Забегая вперед, скажем: когда была восстановлена советская законность, все эти арестованные самаркандские верующие были освобождены и реабилитированы. Но сколько мук, страданий выдержали они и их семьи, какую горькую чашу им довелось испить, об этом знает лишь один Бог.

Следователь достал одну фотографию, прикрепленную к листку с заметками, и показал ее Лева:

— Знаете его?

— Да, знаю. Это наш брат, очень хороший человек.

— Он враг, — сказал следователь. — Мы имеем на этот счет данные, и если вы покажете на него, то облегчите свою участь.

— Я не имею никаких данных, что он враг, — сказал Лева. — Поскольку он член нашей общины, искренни верующий, он не может быть врагом власти.

— Чепуху вы говорите! — сказал следователь. — Самые отъявленные враги, контрреволюционеры гнездятся среди сектантов.

Затем следователь снова приступил к целой серии уговоров:

— Мы вас не будем привлекать, вы будете просто как свидетель на верующих, которые имеют антисоветские настроения. Говорите на них, не бойтесь. Мы против вас ничего плохого не имеем. Открою вам, что вы арестованы по распоряжению не нашему, а по распоряжению прокурора Куйбышевской области. Когда мы закончим расследование, чем вы тут занимались, мы вас отправим в Куйбышев, и вы там будете отвечать за свои дела, которые там сотворили, а здесь против вас нет никаких материалов. Вы будете просто выступать как свидетель против верующих, за которыми мы следим. А главное — откройте нам наконец, что вам Орлов поручал. Что вы его жалуете! Ведь он, кстати говоря, получает какую зарплату, гораздо больше, чем я. Если вы от него не зависите, говорите все, какие задания он вам давал.

Лева снова и снова утверждал, что никаких заданий от Орлова не получал, но следователь не верил ему, все больше и больше нажимая на показания о брате Орлове.

Лева от души благодарил Бога, что Он ослепил глаза этому человеку и он не видел, куда он употребляет свои усилия. Что бы ни удалось следователю собрать об Орлове, в центре это все равно не имело бы никакого значения. Сердце Левы ликовало, что его не спрашивали о молодежи, о тех дивных обещаниях, какие они имели, о тех занятиях

Словом Божьим, которые они проводили в Джизаке, о том, как пылала и служила Богу молодежь Средней Азии.

Шли дни заключения в подземелье. Временами Лева было тоскливо и так грустно, что он в глубокой тоске молился и спрашивал:

— Почему? Для чего все это случилось?

Дни и ночи тянулись все медленнее и медленнее. Одиночка, могильная тишина в камере. Не с кем слова перемолвить.

Однажды, когда его снова вызвали на допрос, он попросил перевести его в общую камеру.

— Нет, нет, нельзя! — сказал следователь. — Никто не должен знать, что вы здесь.

И этот человек посмотрел на него, как на врага: холодно, жестко, с ненавистью.

Лева опустил голову и вдруг увидел, как огромный скорпион полз к стулу, где сидел следователь. Вот сейчас поднимется по стулу и ужалит следователя. Не задумываясь, а только желая спасти следователя, этого столь зловредного для него человека, Лева тут же закричал:

— Скорпион, скорпион! На вас ползет скорпион!

Следователь вскочил, увидел скорпиона, схватил линейку и стал умерщвлять его. По лицу его было заметно, как он был напуган.

— Нехорошее насекомое! — сказал он. Потом, повернувшись к Лева, спросил:

— Говорят, что и к вам в камеры тоже проникают скорпионы?

— Возможно, — сказал Лева. — Но пока меня Бог хранил. "Следователь испугался скорпиона, — размышлял Лева. — Но как же они не боятся правосудия Божьего, совершая столько жестокостей!"

Впоследствии стало известно, что того брата немца, о котором следователь спрашивал Лева, так "допрашивали", что довели его до полного расстройства здоровья и психического расстройства, помогаясь от него признания, что он "преступник". Да, велик был в то время Берия и велика, сильна и непогрешима, как папа римский, была та страшная машина, которая фабриковала преступников и расправлялась с ними... Но прошел час, и все было раскрыто, все их злодеяния, и от них не осталось ничего...

Временами во внутренний двор МГБ приводили арестованных женщин. Они горько, навзрыд плакали, кричали. Чем утешиться, о чем размышлять? Лева молился, и вдруг перед ним ярким светом загорелся текст из Библии: "Господь хранитель мой". И он вспомнил всю историю Иосифа, которую ему рассказывала в детстве мать. Он и сам, выросши, читал ее неоднократно. Но теперь, в этой одиночке, чудные события из жизни Иосифа, как живые, раскрылись перед ним. И все так ясно говорило: "Господь был с Иосифом, Господь сохранил его".

Да, Господь — Хранитель.словно ангел утешения опустил в подземелье и озарил все кругом светом любви и надежды. Исчезли мрачные мысли, исчезла скорбь — тоска, как исчезает туман в лучах восходящего солнца. Жизнь Иосифа предстала перед ним во всем величии, в силе Божьего промысла. "Господь — Хранитель", — шептал узник, и ему было радостно, спокойно. Он ясно ощущал, верил, хотя не видно голубого неба, хотя он скрыт от взоров людей, ощущал, что он не забыт на небе. Отец любит его, и Сам Иисус Христос ходатайствует о нем, о его немощах. Лева стало хорошо, он своими духовными очами созерцал любовь Божию, величие Иисуса тернового венца. Но когда он отвращал свой взор от Иисуса и начинал размышлять о людских подлостях, о директоре института, который по особому поручению лгал, заманивая его вернуться в Куйбышев, обещая учебу, а в сущности, предавая его властям, — ему делалось страшно больно за этих людей науки, все темнело, в душу снова проникала тоска, неверие в человека... И только опять взор на Христа, на Его чудные слова утешения: "Не оставлю вас одиноких, приду к вам... Се Я с вами во все дни до скончания века", — успокаивали его.

Как-то следователь сказал:

— А ваша мать удивительно мудрая старушка. Она пишет вам в письме: "Не торопись приезжать в Куйбышев". В усиленных приглашениях директора она заподозрила что-то недоброе и вот советует вам все обдумать и взвесить.

— А директор поступил нехорошо, нечестно, — сказал Лева следователю. — Ведь фактически не для учебы он меня приглашал.

— Но в нашей работе, — заметил следователь, все оправдано, любые средств хороши для достижения нашей цели.

После допросов Лева лежал на полу, кутаясь в одеяло, и размышлял о несправедливости людей, как вдруг он ясно заметил: стены подземелья зашатались, раздался какой-то глухой подземный шум.

"Землетрясение, землетрясение!" — подумал Лева. Через несколько секунд он у слышал страшные крики, удары в двери. Это заключенные, боясь быть погребенными под землей во время землетрясения, кричали, бились в двери, умоляя их выпустить.

Лева не поднялся с пола. У него даже не дрогнуло сердце, он был совершенно спокоен, в сознании непрерывно звучало: "Господь хранитель твой".

Еще подземные удары и еще... затем все стихло.

К вечеру его вызвали к начальнику тюрьмы.

— Ты, оказывается, храбрый! — сказал начальник. — Все стучали во время землетрясения, ломали двери, а от тебя даже звука не было слышно.

— Я не храбрый, — сказал Лева, — но я верующий, и я верю Богу, что он Хранитель мой, и мне было совершенно спокойно.

— Но разве ты не думал, что могут рухнуть стены, задавить тебя насмерть?

— Совершенно не думал, — сказал просто Лева. — Я знал, что жизнь моя в руках Иисуса, и волос с головы моей без Его воли не упадет. Чего же мне бояться?

— Да, видно, ты крепкий верующий, — сказал начальник.

Глава 8. Испытание

(В Самаркандской пересылке)

"...Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха".

"Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи".

К Евреям. Гл.5, ст. 15-16.

Обыкновенно заключенным, когда следствие заканчивается, дают расписаться в этом, и следователь делает свои выводы. Но тут в деле Левы, видимо, не было настоящего следствия, а просто местное МГБ занималось его делом, что называется, из любви к искусству. А возможно, и с целью дать кое-какой материал для Куйбышева о поведении Левы в Средней Азии.

Допросы сразу оборвались, Леву вызвали, передали конвою и после тщательного обыска вывели из здания МГБ.

Между прочим, нужно сказать, что, когда он находился во внутренней тюрьме, его каждый день тщательно обыскивали и все же не находили у него то, что он прятал для дела Божия.

(Скажем по секрету: деньги, которые Лева столь предусмотрительно и надежно прятал, предназначались им для вечера Господней, которую Лева надеялся иметь в новом месте своего заключения при встрече с верующими во Христа. Прошли десятки обысков, прежде чем Лева был осужден и прибыл в особый спецлагерь. Там-то наконец он и вскрыл свой тайник. На сохраненные таким образом деньги заключенные верующие приобретали через вахтеров вино и торжественно совершали вечерю Господню.)

Вели Леву быстро. Он понимал, что его ведут в Самаркандскую пересыльную тюрьму, чтобы этапом отправить его в Куйбышев.

— О, если бы родные узнали, где я, — молился он. Он горячо желал этого не потому, что надеялся получить передачу. Конечно, нахождение на скудном тюремном пайке сопровождалось непрерывным чувством голода: ведь действительно питание было очень скудное. Однако он думал вовсе не о питании, ему хотелось, чтобы не волновалась жена, чтобы она успокоилась и знала, что он жив и что с ним случилось нечто такое, что в те годы не так редко случалось с вовсе неповинными людьми.

И Леву заметили... Сестра из кружка молодежи в тот день дежурила и следила за тюрьмой, увидела, как его вели. Трудно выразить словами ту радость, которая охватила Леву при виде этой сестры и как она сама обрадовалась и поспешила всем сообщить, что Лева арестован и переводится в тюрьму.

В тюрьме Лева попал в большую камеру. Она была битком набита заключенными. Здесь были узбеки, татары, русские. Погода к этому времени стала уже жаркой, и в камере стояла жара. С заключенных непрерывно лил пот, от которого на полу было сыро; и хотя окна были совершенно без стекол, но воздух пропитан испарениями человеческого тела, газами, а главное — табачным угаром.

Лева уселся у одной из стенок. Как это бывает с новичками, к нему тут же подошли несколько человек и стали спрашивать, за что он попал, какая статья.

— Я не знаю, за что попал, — ответил Лева. — И статьи мне не предъявили. Единственно то, что я верующий во Христа человек, проповедую Евангелие и желаю, чтобы все люди жили по Евангелию.

— Ого! — закричал один из арестантов, высокий, худощавый. — Ты, вероятно, баптистский поп?

— Нет, я попом, или пресвитером, или служителем культа никогда не был. Я, простой, рядовой член общины, верующий евангельский христианин-баптист, подчиняюсь всем порядкам в стране.

— А на военной службе служить не хочешь? — спросил один низенький, сидевший около Левы. — Я знаю, баптисты не служат в армии.

— Нет, я служил в армии и даже был на фронте в действующей Советской Армии.

— Но, может, тогда ты еще политикой занимаешься? — спросил высокий, попавший за решетку, как потом Лева узнал, за спекуляцию в магазине, которым он заведовал.

— Политикой никогда не занимался, — сказал Лева. — Я был студентом 3-го курса мединститута, отличник, марксизм-ленинизм, диалектический материализм изучал добросовестно и сдавал так, как преподают.

— Так почему ты безбожником не стал? — спросил один узбек, прислушивающийся к разговору.

— А так вот, — спокойно сказал Лева. — Человеческие знания относительны, и если материализм отрицает Бога, то это не значит, что Его нет. Людям свойственно открывать одни истины и часто ошибаться в других. Если, однако, мы не имеем единства в понимании некоторых вопросов, то стремление к миру, благосостоянию, добру — оно сближает и дает возможность трудиться вместе.

— А скажите нам, как вы думаете, почему же все-таки вас арестовали? — спросил Леву сидящий рядом с ним.

— Я полагаю только одно: можно провести полную аналогию между старым, дореволюционным, и новым. Как тогда дореволюционные представители господствующей идеологии — православные священники и миссионеры,

сознавая, что он духовно или идейно были бессильны бороться с последователями Евангелия, сектантами, и, как следствие этого бессилия, прибегали к содействию властей и через них арестовывали и ссылали сектантов как врагов, так и теперь. Люди, отрицающие существование Бога, видят свое полное бессилие "перевоспитать" нас, поэтому и прибегают к административным мерам, арестовывая и ложно обвиняя нас в антисоветской пропаганде. Этим путем они надеются изолировать нас от народа и парализовать нашу духовную работу.

— Это бывает, — сказал узбек, — когда русский не может убедить другого, он пускает в ход кулаки...

Принесли баланду (тюремную похлебку), и все направились к бочке с мисками, у всех проснулся аппетит, захотелось есть. После обеда к Лева подсел узбек.

— Это хорошо, что ты в Бога веруешь. Бога не бросаешь. У нас вот узбеки, хоть молодые, хоть старые, а Аллаха знают. У нас даже самый молодой не будет смеяться над стариком, который молится, а русские... Русские, почему они Бога так не любят?

— Это потому, — сказал Лева, — что наши священники развратились, пьянствовали да богатели. А хороших людей, настоящих верующих, они предавали власти. Вот и народ из-за них, видя их нечистую жизнь, от Бога отвернулся и теперь поносит Бога.

К ним подошел еще один собеседник, высокий русский, и, почесав затылок, сказал:

— Пропадешь ты, Смирнский, ни за что! Ведь сейчас решили покончить с религией. Хотя после войны и открыли церкви, мечети, молитвенные дома, но это временно. Все равно с верующими покончат. И я тебе от души советую: в душе верь, про себя, а им скажи, что не веришь. Тогда тебе и учиться дадут и проживешь жизнь спокойно с семьей. Есть у тебя жена?

— Да, есть, — сказал Лева, — и маленький сын.

— Ну, вот, я тебе добра желаю. Как будет следствие в Куйбышеве, ты кайся во всем, говори "виноват". От Бога отрекайся, — глядишь, и будешь с семьей жить. А то вот так попадешь в лагерь... — Он наклонился к Лева и шепнул на ухо: "Я ведь не первый срок получил. А там, в лагере, ты сгниешь ни за что, там немало добрых, умных людей пропало..."

— Нет, — сказал Лева, — я кривить душой не могу, как верю, так и говорю, так и живу...

Ночью спать пришлось в полусогнутом положении — до того было тесно. Утром проснулся, разболелась голова, тошнило. Этот смрадный воздух отравлял организм.

И вот, Леву посетил целый сонм мрачных, безотрадных мыслей, пришло искушение.

"Не первый раз нахожусь я в таких условиях, — размышлял он, — и не второй, и не третий. — Это было четвертое его заключение. Надлежало смиряться, терпеть все, но откуда-то изнутри поднимались волны негодования. — Ну за что, в самом деле, терпеть все это, вместо того чтобы быть сейчас дома, радовать мать, ласкать ребенка, учиться в институте, приобретать знания, а в будущем, может быть, рассчитывать даже на научную работу? Почему, почему они действуют так безжалостно и жестоко? И к чему же, собственно говоря, они могут "придраться"?"

Он целый день сидел на полу, опершись на стену, и все думал, думал и молился.

К нему подошел старый узбек, участливо положил руку на его плечо и спросил:

— Что ты молчишь целый день? Ничего ни с кем не говоришь? Когда молчишь, это тяжело, когда говоришь, другим становится легко. Ты говори, — легче будет.

— Это верно, — подтвердил Лева, и на глазах у него навернулись слезы. — У нас написано в святой книге, — продолжал Лева. — "Когда я молчал, обветшали кости мои от повседневного стенания моего".

— Я хоть тоже молчу, — сказал узбек, — но я говорю Богу. Ты молишься?

— Молюсь, — сказал Лева.

— Это хорошо, — сказал старик-узбек. — Когда человек молится Аллаху, тоже легче будет.

Лева молился, и ему становилось легче. Но потом снова откуда-то снизу ползли унылые мысли, как серые непрерывные тучи, и эти тучи скрывали горизонт будущего, все было мрачно, темно, безотраднo. По опыту прошлых лет Лева знал, что им, его гонителям, не составит труда обвинить его в том, чего совершенно не было, что не соответствует его натуре, и осудить как преступника. Да где же правда?

"Первый срок, — размышлял Лева, — я получил, посещая ссыльных верующих. Приписали антисоветскую агитацию с использованием религиозных предрассудков масс и с целью свержения советской власти. Это за то, что я в восемнадцать лет старался оказывать любовь людям. Никакая антисоветская агитация мне и во сне не снилась. Никогда и мысли не приходило о свержении советской власти". Воспитанный в советской школе, сын фельдшера, получившего звание Героя Труда, он, Лева, никогда не имел никаких антисоветских настроений. Но как ни доказывал он все это, не вняли и "наградили" пятилетним сроком,

Только вышел, освободился, — не прошло и полгода, как в 1935 году обвинили по статье "КРГ" ("контрреволюционная группировка"). Как ни доказывал он, что встречался только с верующими братьями и сестрами и никаких контрреволюционных настроений у него не было, как ни старался разъяснить, что никакой, даже религиозной "группировки" и то не было, просто встречались, молились и пели, и все это были старые знакомые верующие, — ничего не помогло. Обвинили как врага, осудили как члена мифической "контрреволюционной группировки" и сослали в лагерь на три года. Потом, когда он некоторое время учился в институте, тогда он просился, чтобы его взяли в армию, как верующего, по специальности фельдшера, когда он искренне хотел служить в армии, — не вняли. Обвинили, что под прикрытием религиозных убеждений он якобы уклоняется от отбытия воинской повинности. Как ни доказывал, как ни объяснял Лева, что считает службу в армии своей гражданской обязанностью, — его осудили на пять лет пребывания в лагере. Эти пять лет он отбыл, и вот теперь что же еще придумали и в чем его "вина", если у него одно искреннее желание — нести людям добро, стать врачом, верующим врачом, проповедовать

Евангелие и жить в согласии с евангельскими заповедями... .

Лева думал, думал, думал, в чем его могут обвинить, и не находил. Разве обвинить его просто в том, что он верит в Бога и призывает других верить в Бога и жить по Евангелию? Так разве это преступление? Нет и статьи, чтобы судить за это...

Было мучительно больно, но не столько от пребывания в этой ужасной камере и не от вонючего воздуха, не от этого непрерывного сквернословия, самой отъявленной матерщины и похабщины, не от этой, наконец, голодной тюремной баланды, — нет. Первопричиной болью, которую испытывал Лева, было — моральное сознание страшной несправедливости, которая учинилась над ним, и Лева ясно сознавал, что как бы он ни кричал, как бы ни доказывал, — если схватили, то, стало быть, осудят, очернят, оплюют... Было страшно тяжело сознавать и переживать эту несправедливость.

Когда было вовсе не в состоянии, Лева начинал молиться. И вот, образ Христа предстал перед ним в терновом венце. Он, Христос, не сделал ничего худого, всю свою жизнь стремился помогать людям, учил их, как жить, во что верить, призвал всех любить друг друга, исцелял людей, прощал грешников, преступников, и в результате наградой была позорная казнь на кресте, как злодея. Идти за Христом — это значит вести поругание Его, быть без вины виноватым. И Лева вспомнил слова Спасителя: "Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах".

На душе рассветало, стало легко. Лева лишний раз убедился: "Да, таков путь христианина!"

Неожиданно его мысли были прерваны. Открылась дверь.

— Смирнский! Кто Смирнский? — раздался голос надзирателя. — Вам передача, получайте передачу...

Его помнят, его любят, о, слава Богу! От кого была эта передача, Лева не знал. В ней был хлеб, продукты, были также два лимона и большое старое-старое стеганое одеяло. Это одеяло долгие годы служило Лева, в лагере он починил его и подарил одному уезжавшему в этап брату.

Радость этой передачи была не только в том, что он мог позволить себе досыта наесться. Своим близким соседям он тоже мог уделить часть съестного. Есть самому и не угощать других было для него невозможно. Скоро было съедено все, но одно Лева решил оставить себе на память: это лимон. Этот лимон, путешествуя с ним в этапе, не сгнил, а совершенно засох. И как засушенный он потом пригодился Лева.

Скорей бы в Куйбышев, скорей бы это все развязалось! И когда он вспоминал подвалы НКВД, куда ему предстояло попасть, они представлялись ему родными, близкими. Ведь он уже был в них, и там было, пожалуй, куда лучше, чем здесь...

Прошло еще несколько тяжелых, мучительных дней ожидания, и наконец Лева вызвали на этап. Это было для него словно праздник: вперед и только вперед!

В столыпинском вагоне их, как обычно, набили, как сельдей в бочке. Что ждало его впереди?

Глава 9. Передышка

(В Ташкентской пересыльной тюрьме)

"Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении дает и облегчение, так, чтобы вы могли перенести".

1 посл. к Коринфянам, гл.10, ст. 13.

Как ни мучительно было ехать в этом переполненном вагоне, где выдавался сухой паек (селедка с хлебом) и так хотелось пить, но Лева не унывал: лишь бы ехать, лишь бы скорее приехать в Куйбышев! Но вот поезд дошел до Ташкента, и этап стали выгружать из вагона.

— Разве дальше поезд не пойдет? — спросил Лева конвоира.

— Нет, этап только до Ташкента. Сейчас вы пойдете в ташкентскую пересылку, а там будут направлять дальше.

"Опять, опять новые тернии! — думал Лева. — Но ведь написано: "Любящим Господа все содействует во благо".

Большая Ташкентская пересыльная тюрьма, масса всевозможного народа, заключенные по двору ходят свободно.

Лева прежде всего стал расспрашивать: "Нет ли здесь братьев?" Спрашивал обслугу: "Не знаете ли баптистов?"

Один из надзирателей усмехнулся и сказал:

— Знаю, знаю, тут у нас один возчик работает вольнонаемным, он баптист.

Не прошло и много времени, как Лева обнимался с пожилым бородатым братом-возчиком.

— О, я сегодня же вечером передам братьям, что вы здесь находитесь, завтра же передачу принесем.

— Ну, как у вас дело Божие? Никаких притеснений нет?

— Нет, все хорошо, собираемся. Только вот тот молитвенный дом, который почти выстроили, так и пришлось бросить. Сколько средств и сил затратили, но власть так и не разрешила его достроить.

— Это почему же? — поинтересовался Лева.

— Боятся, боятся они нас! Ведь до войны никакого собрания не было, а после войны, как стали регистрировать, сначала зарегистрировалась двадцатка, а потом сотня, потом еще сотня верующих. Они глядят: баптисты растут, как грибы после дождя, ну и боятся, как бы Евангелие не захватило все больше и больше людей. Вот и не дают открывать

большой молитвенный дом.

Долго беседовать с братом Леве не пришлось. Он должен был выполнять свои обязанности и поспешил продолжать работу.

Весна в Узбекистане была в полном разгаре. Цветет урожай, цветут многие плодовые деревья, природа живет, и только человек строит человеку тюрьму и не может без них обойтись.

Леве вспомнилась старая песня революционеров, которые, свершив Октябрьский переворот, жаждала создать светлую, прекрасную жизнь без угнетений, обмана. Они пели: "... Церкви и тюрьмы сровняем с землей..." Церкви-то, может быть, многие церкви они действительно сровняли с землей, — это был суд Божий над церковными заправилками, которые ушли далеко от истины и пали, как вавилонская блудница. Но тюрьмы? Тюрьмы — когда же их сровняют с землей?

На пересылке находились чеченцы, привезенные с Кавказа. Чтобы забыться в тюремной тоске, они плясали, хлопали в ладоши, гикали. Их дикий пляс развлекал заключенных от тяжелого гнета, от предчувствия тяжелой судьбы.

— Смирнский, вас ищет надзиратель, — сказал Леве один из заключенных, знавших его.

Надзиратель куда-то повел его. Куда? Зачем? — екнуло сердце Левы. Заметив беспокойство на лице Левы, надзиратель улыбнулся и сказал:

— К вам пришли на свидание. Я веду вас на свидание.

Кто, кто мог прийти ко мне на свидание? Кто же это? Жена или, может быть, кто из местных верующих? Или, может быть, Маруся и Нюся приехали из Самарканда?

Его ввели в комнату свиданий. Это была чистая комната со стульями, кушеткой, столом, на котором стояли цветы. На стенах висели картины в рамах. "Совсем не похоже на заключение", — подумал Лева.

— Вот к вам приехала ваша сестра, — сказал надзиратель, вводя девушку. — Вы можете беседовать, а потом я приду и возьму вас.

— Боже мой, это ты, Люба! — воскликнул Лева. Это была молоденькая сестра, недавно уверовавшая. Она бросилась к Леве, заплакала, обняла его и стала целовать, целовать...

— О, как мы переживали за вас, как молились, Лева! Как вы изменились, как похудели. Господи!

— Да как же ты могла приехать? — спросил Лева.

— Мы все время в Самарканде следили, не отправят ли вас этапом, и как только заметили вас в одном из этапов, я тут же собралась, отпросилась у мамы с папой и поехала за вами. Я так просила Господа, чтобы Он устроил свидание с вами, и вот пришла в эту пересыльную тюрьму и стала умолять, чтобы мне дали свидание с родным братом. И начальник сжалился надо мной и разрешил. О, как я рада вас видеть!

В комнате никого не было, они встали и горячо поблагодарили Господа за то, что он дал эту встречу. "Это было необыкновенно, — думал Лева. — Для такого следственного, как я, и вдруг такая встреча, такая радость..."

— Лева, мы знаем, что тебя ожидают большие страдания, наше сердце чувствует. Как ты, не унываешь?

— О нет! Господь со мною. Он хранитель. Вы только поддерживайте своими молитвами, и все будет хорошо. Передайте всем: я вполне спокоен, и у меня только одно желание — чтобы прославился Господь.

Краткие минуты свидания пролетели как один миг. Пришел надзиратель и сказал:

— Пора прекратить свидание; предоставьте комнату другим, которые тоже пришли на свидание...

Люба опять заплакала, бросилась на шею Леве и сказала:

— Может быть, больше не увидимся... Молись обо мне, молитесь о нашей молодежи...

Они расстались.

Больше Любу Лева не встречал. Она была послана ему как Божий ангел в утешение и ободрение перед большими страданиями. Что с ней теперь, жива ли она, Лева не знает, но твердо верит, что когда пройдет все и народы предстанут перед судом Божиим, — эта Люба услышит из уст Самого Спасителя дивные слова: "Был в темнице, и вы посетили меня".

Лева вернулся в пересыльный барак, куда уже прибыли новые партии заключенных. Было особенно шумно, в одном углу завязалась драка, но Лева как бы ничего не слышал. Его сердце было переполнено благодарностью к Богу, Который дал такую радость — встретиться с сестрой. Он видел в ней, в Любе, живое проявление любви Божьей. Вполне понятно, когда матери, жены посещают узников, не удивительно также, когда связанные семейным родством брат или сестра поедут посетить родного. Но здесь проявлялась чистая любовь Божия, которая сроднила совершенно некогда далеких людей. Эта сестра Люба приехала посетить Леву только потому, что он был дорог ей как брат во Христе. Она сделала это бескорыстно, проявив христианскую любовь к нему, и это было дорого. Это свидание свидетельствовало о совершенно новых отношениях между людьми, которые делает Евангелие.

Лева знал и невольно вспоминал многие факты, когда люди, движимые только любовью Христовой, Жертвовали собою ради великого, и ему было ясно, что только тогда, когда человечество последует за Христом, прекратятся на земле злоба и ненависть и люди станут действительно друзьями, братьями и сестрами друг другу.

И этим Евангелием он дорожил больше всего и радовался, когда люди принимали его, ибо другого пути для счастья человека на земле и для счастья вечного за гробом он не видел. И хотя теперь, кажется, его жизнь рухнула и впереди черная ночь, но ему было все же отрадно, что это происходит ради Христа и Евангелия.

На следующий день Леве вручили передачу от ташкентских верующих: узбекские лепешки, изюм, колбасу. Была и маленькая записочка: "Не унывай, скоро надеемся иметь свидание с тобой. Твои близкие, родные".

Лева угощал полученным соседней по нарам, а они спрашивали:

— Как это так: ты сам из Самарканда, едешь в Куйбышев и тут, в Ташкенте, у тебя оказались родные? И как они быстро узнали, что ты здесь?

— О, поймите, — воскликнул Лева, — то родство, которое делает Христос, оно превыше родства по плоти, это больше, чем обычные семейные связи. Христос роднит людей по-настоящему, они действительно становятся братьями и сестрами, мы не организация, мы одно тело во Христе. Если болен один член, то с ним болеет и все тело.

Один пожилой заключенный погладил свои усы и сказал:

О, если бы так жили по Христу во всех народах, в каждом городе и селе! Любили бы друг друга, как вы, баптисты, любите друг друга. То была бы настоящая жизнь.

Все это возможно, — сказал Лева. — Нужно только, чтобы каждый человек принял Христа в свое сердце, тогда он будет способен даже любить врагов, молиться за обижающих...

Неожиданно его вызвали. Пришедший надзиратель сказал: — Собирайся, сейчас набирается этап в Куйбышев. Поедешь.

Леве стало как-то грустно от этого сообщения. Он уже настроился на мысль о свидании с дорогими ташкентцами, с братьями и сестрами...

Глава 10. "Не заботьтесь"

(Прибытие в Куйбышев)

"Когда -же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но Дух Святой".

Ев. от Марка, гл.13, ст.П.

Тяжело переживала жена Левы его арест, все надежды на тихую жизнь в Джизаке, а потом на продолжение учебы в Самарканде рухнули и полетели в какую-то черную пропасть. Сердце ее сжималось, она не могла спать. Будучи в Самарканде, она узнала от родных по вере, что Леву перевели в Самаркандскую тюрьму; было ясно, что его отправят в Куйбышев для дальнейшего следствия, и она уехала из Самарканда обратно в Джизак, чтобы увольняться. Хозяин дома, в котором они жили, отказал им в дальнейшей аренде, и пришлось срочно искать другое. Хорошо еще, что джизакские верующие приняли горячее участие в ее горе, помогли найти комнату и переехать. Сестры, которые жили с ними — Маруся и Нюся, — быстро собрались и выехали в Куйбышев. Мария Федоровна одна осталась увольняться. Администрация заупрямилась, не хотела давать расчет, так как ее ценили как хорошего специалиста врача. Но она упростила, и ее наконец рассчитали. Стала собираться в путь со своим маленьким сыном Павликом, которого в это время только что отняла от груди. Только в молитве да в ободрении, в общении с родными братьями и сестрами она черпала силы — пережить эту неожиданно разразившуюся над ними беду.

Маруся, ее звали "Томыловская", прибыв в Куйбышев, рассказала матери Левы, его сестрам, а также верующим родной общины о случившемся с Левой. Леву любили все члены общины, и это известие вызвало потоки горячих молитв к Богу, чтобы Господь сохранил его веру, помог пережить все страдания.

Кроме того, эта же Маруся и другие из молодежи стали дежурить на вокзале, встречая ташкентские поезда и надеясь увидеть Леву, когда его привезут этапом. Всех, всех, и не только в одном Куйбышеве, но и в других местах, куда были посланы письма об аресте Левы, волновала его участь. Все знали его как самоотверженного христианина, повсеместно проповедующего Евангелие; за ним не велось ничего плохого, и, казалось бы, если его не будут преследовать как активного верующего, то при этом условии непременно вскоре освободят, и арест его — одно недоразумение. Правда, из разных городов уже стали доходить до верующих известия, что местами арестованных проповедников и пресвитеров, ни в чем притом не повинных, осудили на 25 лет заключения. Все это говорило о том, что и над Левой готовится свирепая расправа.

И верующие усердно молились и усиливали свои молитвы как о Леве, так и о других брошенных в тюрьмы свидетелях Христовых.

При отъезде из Ташкента Леву снова тщательно обыскали (в который раз?), ничего предосудительного не нашли и присоединили к партии отправляемых заключенных. Все тот же столыпинский вагон, клетки, как в зверинцах, нарочито грубый конвой, смотревший на арестованных как на каких-то извергов. Тяжело ехать в столыпинском вагоне, все создается, видимо, для того, чтобы каждый заключенный "чувствовал", кто он и чего он достоин: та же селедка, хлеб, недостаток воды и страшная жажда. В этом путешествии Лева отметил себе одну характерную особенность психофизиологии человека: жарко, душно, но человек не потеет. Но вот стоит только ему, жаждущему от соленой рыбы, выпить кружку холодной воды, как он весь покрывается потом, как будто напился горячего чая. (Борясь с перегреванием, организм тут же выделяет воду в виде пота; когда же воды выпито недостаточно, то, хотя перегревание и нарастает, но пот не выделяется.)

Наконец и родной Куйбышев, бывшая Самара. Станция, которую Лева знает с детства. Вагон от поезда отцепили и направили на побочный путь. Высадка, кругом конвой, винтовки, штыки. Обычная команда начальника конвоя:

— Не растягиваться! Шаг вправо, шаг влево будет считаться за попытку к побегу. Приказываю конвою применять оружие без предупреждения...

Лева нас под мышкой два свернутых одеяла: синее байковое и старое ватное. Он оглянулся в сторону, и в грустных глаза его блеснули лучи радости. Он увидел Марусю Томыловскую, пристально на него смотревшую, и,

увидев, в знак того, что он ее заметил, замахал рукой. "О, слава Богу! — подумал Лева. — Теперь все будут знать, что я приехал в Куйбышев, будут молиться..."

Окруженных плотной цепью конвоиров заключенных этапников быстро гнали по улицам Куйбышева. "Но куда же?" — думал Лева.

Они спустились к Волге, и перед ними раскрылся большой лагерь для заключенных. Этот лагерь Лева видел уже не раз: когда, будучи студентом мединститута, приходил заниматься по анатомии и гистологии. Здание этих кафедр было расположено вблизи Волги, и совсем близко под ним был расположен лагерь.

Эти бараки для заключенных были построены в период деятельности "твердокаменного большевика", "железного наркома" Н.Ежова, когда не стало хватать тюрем для массы арестованных. Тогда-то, вопреки первоначальному благому намерению — сровнять тюрьмы с землей, — и пришлось в спешном порядке вести строительство новых тюрем и лагерей. Это было в 1937 году. С тех пор прошло немало времени, но построенные в тот страшный период тюремные и лагерные здания до сих пор продолжают использоваться по прямому назначению.

Был ясный солнечный день, когда их ввели в зону этой пересыльной тюрьмы. Все здесь поражало своим порядком, чистотой: бараки выбелены, дорожки, цветы, клумбы; кажется, людям нужно жить, трудиться и радоваться, но кругом высокий забор, проволока и вышки с часосыми. Сюда завозят людей отверженных, якобы "вредных" советскому обществу. Эти мнимо вредные люди представляют из себя некую "нечисть", от которой общество хочет избавиться. Их поместили в большой барак, имеющий значение карантинного, покормили обедом.

"А все-таки я сюда попал по ошибке! — думал Лева. — Мои "друзья", те самые, что ждут меня, были бы недовольны, что так "свободно" со мною здесь обращаются". Лева стал даже спрашивать надзирателей, как написать отсюда родным, и ему был указан ящик, куда можно было опускать письма. Лева написал письмо матери:

"Все-таки это утешит сердце, — размышлял он. — Бог знает, когда увидимся и увидимся ли на земле".

Он присел на нары, и мысли поплыли одна за другой: что ждет его, с чего именно начнутся сейчас допросы, что и как говорить...

Скрывать что-либо от следствия Лева ничего не собирался, он отлично знал, что, когда он еще жил в Куйбышеве, органы МГБ усиленно следили за каждым его движением. Пресвитер В.А.Кузнецов неоднократно выговаривал Лева, что ему "дерут уши за него". Уж слишком много он ездит и всюду призывает молодежь ко Христу. Старый пресвитер Василий Алексеевич добродушно советовал ему "оставить это" и ограничиться только проповедью Евангелия в молитвенном доме. Об этом же в более решительных выражениях говорил ему и М.А.Орлов, когда в начале 1948 года специально приезжал в Куйбышев со старшим пресвитером Г.М.Бузыниным, чтобы воздействовать на Леву и уговорить его сократить свою духовную деятельность, иначе ему будет плохо.

Словом, все предсказывало Лева, что его могут арестовать и неизбежно арестуют в связи с работой среди молодежи. Но Лева говорил, что он не может иначе, что "в костях его огонь". Это ведет к тому, что он готов пожертвовать всем, лишь бы души были спасены и шли за Христом. Лев, конечно же, отлично знал, что сказал Христос: "Меня гнали и вас будут гнать", и психологически был всегда готов к любым страданиям. Но страдать за Христа — это одно, а быть облыжно обвиненным во всяких нелепостях и быть причисленным к врагам советской власти — это другое. Тут сейчас же поднимается чувство справедливости, возмущения: ведь ты не враг, ведь в теле нет абсолютно ничего против власти, — так зачем же несправедливый арест? Если нужно репрессировать как истинного христианина, то это он готов принять с радостью. Но если его будут обвинять как врага, как антисоветского человека, то это возмутительно, и нужно во что бы то ни стало добиваться справедливости. Ведь у нас в стране свобода вероисповедания и преследования и арест за веру есть, в сущности, преступление против Конституции. Он должен, должен добиться правды...

Подобные мысли тревожили и волновали Леву. Он стал молиться, ему стало вдруг совершенно ясно, что тревожиться, думать и о том, о чем будут спрашивать, как поведут следствие, совершенно не нужно, — это не от Бога. Перед ним ясно загорелись слова Иисуса: "Когда будут предавать вас, поведут вас, не заботьтесь, что и как говорить, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего". Ведь без воли Божьей и волос с головы не спадет, о чем же тревожиться?

И вдруг в его сердце ярко засветилась молитва самого Иисуса перед Его страданием: "Отче, прославь имя Твое!"

Эту молитву Лева мысленно избрал для себя на весь период следствия. И далее, в каких бы положениях ему ни случилось быть, он внутренне всегда повторял эту чудную молитву: "Отче, прославь имя Твое!"

Да, ему действительно из всех грядущих испытаний, страданий хотелось только одного: чтобы прославилось имя Отца Небесного.

Глава 11. Извращают

(Первые допросы)

"Всякий день извращают слова мои; все помышления их обо мне — на зло".

"Собираются, притаиваются, наблюдают за моими пятами, чтобы уловить душу мою".

Псалом 55, ст. 6-7.

Недолго молился и размышлял Лева на нарах: его вызвали на вахту. Там особый конвой МГБ принял его, как обычно, тщательно обыскали, посадили в автомашину, которая многие годы была известна в народе под названием "черный ворон", и повезла по улицам города. В машине он был один. Окон по бокам не было, но в той половине, где сидит конвой, было большое окно, и через него Лева наблюдал жизнь города. Едут по главное улице — Куйбышевской. И вдруг Лева увидел двух высоких, статных молодых людей, идущих по тротуару: это были знакомые студенты

мединститута. Сердце невольно дрогнуло, заныло. Они учатся, все учатся, продолжают идти свободно по жизни, а ты вот один в этом "черном вороне" обреченный...

Привезли к знакомому зданию, въехали во двор. Знакомый двор, знакомые строения. Но что это? Внутри уже выстроено большое здание, примыкающее стеной к зданию МГБ. Лева понял, что подвалов уже не хватает для удовлетворения потребностей этой адской машины, и они выстроили дополнительное здание, чтобы содержать подследственных.

Его ввели в чистый, узкий коридор, дежурный принял заключенного. Не смотря на него, сказал:

— Сейчас пройдете санобработку, а потом в камеру.

Нужно сказать, что за время этапа Лева значительно оброс. Пришел парикмахер и машинкой обстриг голову, усы и начинающуюся бороду Левы. Заключенных здесь не брили: опасно, еще вырвут бритву! а только стригли волосы на лице машинкой. В углу коридора была установлена так называемая жар-камера и душ. Лева вымылся под душем, одежды его продезинфицировали и затем поместили в камеру одного. Он понимал: его постараются держать в одиночке.

И начались вызовы. Вызовы, но не допросы. Его приводили в кабинет, куда приходили разные люди и смотрели на него, как смотрят на заморскую диковинку:

— Так это Смирнский? Смирнский? — говорили заходившие. Некоторые задавали вопросы, которые Леве казались очень не умными:

— Вы еще нестарый... Скажите, вы в самом деле верите в Бога?

— В самом деле верю, — отвечал Лева.

Другие интересовались, как это он может совмещать баптистскую веру со стремлением получить высшее образование, с необходимостью изучать марксизм-ленинизм.

Приходили солидные люди, хорошо одетые, видимо, работники отделов партии.

Наконец его вызвали к следователю. Он сказал, что будет вести его дело. Это был еврей по национальности, Петр Моисеевич Тартаковский, опытный следователь, имеющий за спиной годы следственной работы в этих органах. Стройный, высокий, с большим лбом, он производил впечатление умного и развитого человека. Леве казалось, что если бы он посвятил себя другого рода деятельности, то мог бы многое сделать для народа. Здесь же, в качестве не столь уж значительного винтика этой машины, он день и ночь был занят только одним: как "разоблачить" мнимых "преступников", как добиваться от них, чтобы они в конце концов, да признали себя "виновными".

На этом Тартаковский, как говорится, собаку съел. Работа того времени и ее задачи наложили на него свой отпечаток, и в дальнейшем Лева стало ясно, как сгорели и потухли многие добрые зачатки, которые он все-таки усматривал в этом жестоком человеке.

Теперь они начали знакомство друг с другом.

Следователь сидел за столом или расхаживал по кабинету. Много курил, причем папиросы>высших сортов. Лева, как "следственное существо", сидел, "как положено", на стуле у двери, с руками, положенными ладонями на колени. Тартаковский внушил Леве свои правила поведения, причем Лева, как это ни странно, им безропотно подчинился. Так, например, он внушил ему: "Никаких движений!" Помимо этого, он потребовал от Левы нечто уж совсем несурзное, и Лева, как это ни удивительно, не запротестовал против этого требования. Правило это было такое: "При входе в кабинет любого человека он, Лева, должен вскакивать и стоять навытяжку". Впоследствии, несколько лет спустя, когда в одном инородном МГБ вновь допрашивали Леву и он при входе в кабинет другого человека вскочил и встал навытяжку, начальство МГБ очень удивилось и сказало ему, что так делать не нужно: этим он унижает свое человеческое достоинство.

Таким образом, это "правило" было чистейшим изобретением самого Тартаковского, и напрасно Лева ему подчинялся.

После обычного формального опроса: кто такой Лева, следователь дал ему расписаться, что он, Лева, несет ответственность по такой-то статье за ложные показания. Затем он взял со стола Библию и начал из нее читать Леве. Это был пророк Иезекииль: — "Когда Я скажу беззаконнику: "смертию умрешь!", а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтобы он жив был, то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих".

"Но если ты вразумлял беззаконника, а он не обратился от беззаконного пути своего, то он умрет в беззаконии своем, а ты спас душу свою".

— Вот это я прочел для вас, — сказал следователь, — чтобы вы обратились от своего беззакония, и мой долг вас отратить от него.

— В чем же вы видите беззаконие? — спросил Лева.

— Как в чем? — вскочил следователь.

— Я ничего плохого не сделал, — сказал Лева.

— Мы сейчас не говорим, что вы сделали, а кто вы есть. Вы — настоящий беззаконник, враг советской власти, и сейчас нужно для облегчения вашего положения сознаться, что вы ненавидите советскую власть, боритесь с нею и

прикрываетесь только религией.

Как ни пытался Лева доказать следователю, что против власти он никогда ничего не имея, никогда политическими вопросами не занимался, — тот, то ласково, то громко крича, требовал от него одного — чтобы Лева признался, — он враг советской власти.

Следователь твердил ему об этом на всех допросах и требовал, чтобы он подтвердил, что фактически он враг, и тогда ему участь будет облегчена.

Лева знал, как многие подследственные в эпоху Ежова и до этого после настойчивых требований следователей при "допросах с пристрастием, подписывая любые протоколы, возводили при этом на себя какие угодно преступления и объявляли себя "врагами", лишь бы получить снисхождение следователя и обещанное смягчение приговора. Но Лева никогда не кривил душой, он всегда стоял за правду, и сказать, что он враг, что он настроен антисоветски, это значит — сказать ложь, а ложь — это грех, и сделать этот сознательный грех ради какого-то весьма сомнительного "облегчения" он никак не мог. Вот это-то самое органическое отвращение ко лжи и помогло ему удержаться в силе Божьей, несмотря на дневные и ночные допросы, и категорически отстаивать, что он не был и никогда не будет противником власти.

После этого следователь приступил к допросам о какой-то подпольной баптистской организации, которую он назвал "подпольный баптистский центр", членом которого якобы был и Лева. Лева всячески объяснял, что он никакого такого "баптистского центра" не знает и вообще никакой подпольной баптистской организации не существует.

Вскоре с этим вопросом следователь перестал приставать к Лева, и Лева понял, что они сами рассудили, что создавать подпольный баптистский центр для них слишком затруднительно, ибо это ни на чем нельзя обосновать.

Очередная тема допросов сводилась к тому, что Леву следователь стал усиленно допрашивать о его связях с немцами, которые будто бы он скрыл на следствии в 1935 году. Тогда пресвитером общины был немец Кливер. Однако, как ни пытался следователь создать что-то страшное в этом знакомстве Левы с пресвитером Кливером, у него ничего не получалось, и он бросил эту затею. Затем он потребовал, чтобы Лева подробно рассказал ему, чем он занимался в Средней Азии.

— Я уже рассказывал об этом на следствии в Самарканде.

— Вы их там за нос провели, все об Орлове рассказывали.

— Да они меня сами о нем расспрашивали, очень интересовались.

На допросах следователь то смягчался, то становился суровее. Наконец он решил доказать Лева, что ему нужно оставить веру в Бога, бросить " всю эту дребедень баптистскую".

— Ну, что ты в дурни записался, в дурни! — говорил Тартаковский Лева. — И парень умный, пора тебе все это оставить. Учился бы, жил, все было бы хорошо. Подумай как следует, ведь фактически ты ни во что не веришь.

Лева отвечал, что вся его жизнь доказывает, как он верит и во что верит. Следователь всячески доказывал ему, что нет никаких оснований для современного культурного человека придерживаться сказок Библии, и советовал ему отречься от Бога.

— Этим ты облегчишь свою участь. Мы вот что сделаем, — сказал Тартаковский тоном не допускающим возражений, — соберем всю вашу молодежь, и вы открыто перед всеми расскажете, как вы заблуждались, как вы вводили в заблуждение других, а теперь все обдумали, передумали, и вам стало ясно, что все это сплошной обман. Конечно, наказание вы все равно понесете, но это смягчит. Я обещаю вам: мы сделаем все для того, чтобы вам было хорошо...

На все подобные предложения следователя Лева спокойно отвечал, что для него жизнь — Христос и дороже всего истины Евангелия.

— А вы подумайте, подумайте как следует. Есть еще время подумать, — убеждал его Тартаковский.

— Мне обдумывать нечего, — сказал Лева. — Христос ясно учил: "Когда поведут вас, не обдумывайте, ибо не вы будете говорить, а дух Отца вашего".

Следователь понял эти слова буквально, сжал кулаки и закричал:

— Вот это верно написано, что не вы говорите. Это не вы говорите, а дух отца вашего. Ведь я вашего отца знал, ведь я вел следствие по его делу и я засудил его. Но он был неплохой старик. Мы его направили не в лагеря, а в Кокчетав, в ссылку. А вы хуже вашего отца. А то, что в вас говорит дух вашего отца, это верно...

Он позвонил, пришел конвоир и увел Леву.

Глава 12. Мудрость

(Встреча с братом Грубичем)

"Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна..."

посл. Иакова, гл.3, ст.17.

Леву держали в одиночной камере, передач ему не разрешали, питание в то время во внутренней тюрьме, мягко выражаясь, довольно скудное.

Шли дни за днями.

Вдруг надзиратель велел Лева собраться и быть готовым с вещами к выходу.

"Куда же? Что это такое?" — подумал Лева и произнес про себя свою тюремную молитву "Отче, прославь имя

Твое!"

Повели по коридору, спустились этажом ниже и остановились у одной камеры. Надзиратель открыл дверь и сказал:

— Заходите!

Лева зашел. Камера была большая, и в ней сидел только один человек.

— Николай Иосифович! — воскликнул в изумлении Лева. — Это вы?

— Я, я, брат Лева, приветствую!

— Вот тебе и на! Вас, оказывается, тоже арестовали! — сказал Лева.

— Да, арестовали, и следствие ведут.

— Интересно, зачем же меня к вам в камеру посадили? — задумчиво спросил Лева.

Лева подумал, а потом, с улыбкой глядя на брата Николая Иосифовича, сказал:

— Мне все ясно. То, что нас посадили вместе, это не случайность, это определенная цель. Я вам вполне доверяю, дорогой брат, но я знаю, что значит следствие. Вот о чем мы с вами здесь будем говорить, — об этом нас попросят рассказать, а если вы не будете рассказывать, вас заставят рассказать, да еще рассказать так, чтобы извратить все, как они хотят.

— Ну, что вы! — сказал с изумлением Грубич. — Неужели вы думаете, что я способен быть предателем?

— Нет, я этого не думаю, но я знаю: когда берут в оборот человека и допрашивают, они в конце концов так допрашивают день и ночь, что им дают показания, какие они хотят. Может быть, им желательно наши оба дела слить в одно, хотя они отлично знают, что у нас никаких близких отношений нет и мы работаем для Господа совершенно отдельно. Или, может быть, они хотят через вас узнать, что я делал в Средней Азии, как будто я могу сказать еще что-то помимо того, что я им сказал, и делать что-либо иное, кроме проповеди Евангелия или медицинской работы.

— Нет, нет, вы можете вполне положиться на меня!

— Я полагаюсь только на Бога. Я знаю, что все мы, люди, остаемся людьми, и когда происходят эти допросы, отсутствием сна или другими методами человека могут довести до такого состояния, что он будет говорить и то, чего не было. Полагаю, что лучше всего, если мы будем молчать и внутренне молиться, и тогда вас не будут допрашивать обо мне и вы не будете иметь повода к лишним тяжелым переживаниям.

— Но ведь они могут и не знать, о чем мы говорим, — сказал Николай Иосифович.

— Во-первых, за нами все время следят в волчок; во-вторых, мы абсолютно не гарантированы, что в эти стены не вделаны "жучки", чувствительные микрофоны. И вот то, что мы с вами сейчас говорим, слушают дежурные специалисты. Поймите, дорогой брат Николай Иосифович, я вполне доверяю, что вы искренний брат, перенесший ради Христа узы, но я не хочу, чтобы вы из-за меня испытывали лишние страдания. Поэтому предлагаю: будем только молиться вместе перед едой, а потом будем молчать. Помолимся об этом.

Два брата-узника встали, преклонили колена и в горячей молитве обратились к Отцу Небесному, Который Один только может помочь им, защитить и поддержать.

После этого они друг с другом не разговаривали. Томительно потянулся первый день, за ним второй, третий...

Леве передач не разрешали, но брату Грубичу неожиданно разрешили, и он в изобилии стал получать колбасу, масло и прочие продукты. Он молча угощал Леву. Лева благодарил Бога и, не отказываясь, с аппетитом ел. Ведь он давно уже был на тюремном пайке, значительно истощал.

"Как мудро делают! — думал Лева. — Чтобы более расположить меня к брату Грубичу, дают ему передачу. Он, конечно, не может не угощать меня. Этими угощениями они полагают еще более расположить меня на откровенность".

И Леву и брата Грубича часто вызывали на допросы. О чем кого спрашивали, они не говорили между собой. Они молчали.

Прошло более двух недель, и к ним в камеру поместили третьего заключенного. Он был средних лет, несколько обрюзгший, страшно удрученный своим положением. И Лева и Грубич с ним разговаривали, спрашивали о его горе. Он только молчал и низко опускал свою голову.

Наконец к вечеру, видя хорошее расположение к нему обоих заключенных, он тихо, шепотом, на ухо сказал Леве:

— Я — наседка!

"Наседками" называются те из арестованных, которым следственные органы поручают следить за определенными лицами в камере, задавать им интересующие следствие вопросы, а потом обо всем информировать следствие.

— Я не хотел, не хотел этого, но меня заставили и сказали, что я должен передавать все, о чем вы между собой говорите.

— Мы понимаем ваше положение, — сказал Лева тихо на ухо ему. — Но вам рассказывать ни о чем не придется, мы между собой не разговариваем.

То, что они не разговаривали между собой, видели и через волчок, подтвердил это и посаженный заключенный, да, вероятно, и сам Николай Иосифович мог спокойно сказать, что Лева с ним не разговаривает.

Тартаковский на допросах и виду не подавал, что именно по его распоряжению Лева сидит с Грубичем. Он только иногда спрашивал:

— Вы знаете Грубича? Как вы с ним дружили? Не было ли у вас с ним тайной договоренности и определенных задач?

На все это Лева отвечал, что дружбы у них особой не было и каждый служил Господу по отдельности.

Следователь Тартаковский все усиливал и усиливал допросы. Леве много пришлось перенести. Грубича стали допрашивать редко, и он сидел довольно спокойно. В их камеру поместили еще заключенных, стало душно, жарко. Лева продолжал молиться все об одном — чтобы Господь прославил Свое имя. Он твердо знал, что Бог силен и

никакие натиски и никакие испытания не могут отлучить его от любви Божьей. Он стал припоминать замечательное место из Послания апостола Павла к Коринфянам:

"Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос (Иисус) умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас.

"Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, ни теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: "За Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание" (Пс.43,25). Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем".

Глава 13. Упование только на Бога

(Дальнейшие допросы. Встреча с генералом МГБ)

"Тебе верю я дело Мое"

Прор. Иеремия, 20-12.

Как только жена Левы приехала из Джизака в Куйбышев, к ним в дом собралась молодежь, чтобы узнать о всех обстоятельствах. Неожиданно в двери дома постучали, явился следователь Тартаковский со своим начальником Снежкиным. Они предъявили ордер на обыск. Обыску подвергли не только вещи, но и всех присутствовавших юношей и девушек. Шарили, вскрывали все, что возможно, как опытные специалисты своего дела,

— Ну, чего вы ищете, чего? — говорила старушка, мать Левы. — Ведь у нас никакого оружия нет, ничего плохого нет.

— Мы знаем, чего мы ищем, — резко оборвал ее Тартаковский.

— Мы знаем, что у вас оружия нет, — мягко сказал Снежкин, — но нам нужно другое.

Все, что интересовало их, они выкладывали на стол. Это были письма Левы к родной сестре, духовные книги.

— А это что у вас за запертый сундук? — спросил Снежкин.

— Это сундук не наш, — сказала мама Левы. — Он принадлежит Анне Ананьевне, нашей родственнице.

— Дайте ключи.

Ключей не оказалось, и Тартаковский предложил Толику Зенкову вскрыть сундук или сломать замок. Толя попытался, потрудился и вскрыл сундук. Все было обшарено.

У молодежи отбирали Библии, записи духовных гимнов.

— А это вы зачем берете? — сокрушенно спросила мать, видя, как Тартаковский забирает большую симфонию, которой пользовался еще отец Левы.

— Эта книга нам нужна.

— Если нужна, так вы найдите где-нибудь, а нам она еще более нужна, — сказала мать Левы.

— Вот нам нужна, мы и нашли, а вы можете себе другую найти.

— А зачем берете эти картины? — спросила мать Левы.

Это были большие картины на библейские темы известного французского художника Дорэ.

— Это нам тоже нужно.

Напоминать этим людям о законности было бесполезно. В те дни об этом нельзя было и заикаться. МГБ и его органы творили явный произвол, а народ был запуган...

Они ушли. Верующие, из которых большинство была молодежь, опустили на колени и со слезами молились Богу о своих гонителях, чтобы Он помиловал их, смягчил их сердца; молодежь особенно молилась о том, чтобы возвратили отобранные Библии. Эти люди ушли, не сознавая, и не понимая, сколько боли, зла они приносят верующим, отбирая у них самое дорогое — Библии.

Эти люди выполняли волю своего начальства, а их начальство выполняло волю еще более высшего начальства и вся эта машина воспитывалась на лютой ненависти к верующим, как врагам современного общества, мешающим, вредящим. Снежкин, допрашивая Марусю Томыловскую, прямо заявил ей, что "вас, верующих, нужно всех уничтожить".

Всякие положения Ленинского учения о веротерпимости, о том, что борьбу с религией следует вести только идейными средствами, путем перевоспитания верующих, были потоптаны Берией и его приспешниками, которые фактически во всем управляли страной, терроризируя население.

Следователь Тартаковский свирепел с каждым новым допросом.

— Что это вы воспитали как молодежь! Вот я был недавно в одной семье. Ваши верующие сидят с книгами. Беру у одного — Библия, у другой отбираю — Евангелие. У каждого Евангелие или Библия.

— Что же в этом плохого? — спросил Лева.

— Плохого? — вскричал во всю силу голоса Тартаковский. — Ведь вы губите молодежь, отвлекаете ее от труда, от науки, от строительства нового общества...

— Это ложь, — возразил Лева. — Наша молодежь жаждет учиться, многие стремятся получить высшее образование, стать сознательными, полезными тружениками в нашей стране; вся наша трудящаяся молодежь — честные труженики, они не пьянствуют, не лгут, не воруют.

— Так вы считаете, что молодежь у баптистов — самая лучшая в нашей стране?

— Да, это самая лучшая, передовая молодежь в Советском Союзе, — уверенно сказал Лева.

— Так вы считаете, что комсомол ниже вашей баптистской молодежи? О, мы докажем вам, докажем на очных ставках, как вы разрушали комсомол, как вы втягивали комсомольцев в болото вашей религии, вы — урод, урод!

Тартаковский, махая кулаками, подошел к Лева и с пеной у рта, обдавая его брызгами слюны, кричал и кричал на него.

— Успокойтесь, — говорил Лева. — Поймите, что я абсолютно не враг комсомола. Все на своем месте, все исторически обосновано и имеет свое значение. Я никогда и никому из уверовавшей молодежи не говорил, чтобы выходили из комсомола. Наоборот, как написано: "Оставайтесь в том звании, в котором призваны".

Каждый может стоять на своем месте, выполнять все общественные обязанности и быть передовиком на производстве.

— Бросьте, бросьте все это! Вы прямо говорили: "Выходи из комсомола, бросай."

— Это ложь, никогда я это не говорил.

— Но ведь верующие комсомольцы не могут вести антирелигиозную пропаганду.

— Это верно, они не могут кривить душой, они остаются верующими. Но ведь и Ленин признавал, что в партии могут состоять и верующие, преданные делу постройки новой жизни.

— Вы не ссылайтесь на это. Ясно одно, что, вовлекая в вашу веру молодежь, вы наносите нам ущерб и тем самым проявляете враждебные действия. Мы докажем вам это!

И опять следователь выходил из себя и обзывал Леву "уродом", но никогда за весь период следствия он не выругался матом.

— Вы очень культурный человек! — сказал ему Лева на одном из допросов. — Как вы ни свирепеете, но никогда не ругаетесь матом.

— Да, да, вот видите, это без Бога. Можно быть хорошим и добрым и без всякого Бога. Ну, а то, что я окурки бросаю на пол, в угол, в этом, конечно, виноваты условия, в которых мы работаем. Вот если бы на полу были ковры, то, конечно, я бы окурки на пол не бросал. Поймите, что развитие, сознание определяется внешними условиями.

Иногда следователь смягчался, с сожалением поглядывал на Леву и чуть ли не "дружески" советовал ему поскорее отказаться от Бога.

— Ведь поймите, — говорил он, — жить, жить надо. У меня умер ребенок, похоронили мы его на кладбище. Смотрю я на могилку... Ну что, что делать? А ведь жить, жить надо...

Лева слушал этого еврея, смотрел ему в глаза и вдруг почувствовал, что там, под пеклом сожженной совести, есть что-то погребенное, — возможно, остатки веры его отцов: ведь он еврей и образованный: и знает, историю своего народа и там в глубине сердца, конечно, чтит своих патриархов и Моисея, но — "жить, жить надо", — и вот он надел на себя этот мундир чиновника-эксекютора и выполняет все, что ему прикажут, ибо "жить, жить надо".

Иногда, накричавшись на Леву, когда время уже было к утру, он садился на стол, устало опускал голову, доставал леденцы, сосал их и угощал ими Леву. Лева не отказывался, он не думал, что среди леденцов может найтись какой-нибудь зараженный определенным токсином, могущим расстроить его психику и побудить дать требуемое следствию показания, главное из которых — отречение от Бога. Он не думал, что эти люди способны на такую подлость.

Возвращаясь с ночных допросов к утру, Лева ложился и только начинал — дремать, как в окошко двери раздавалось:

— Подъем, больше спать не разрешаю!

А спать хотелось страшно! Лева слышал об этом "польских пытках", которые применяли царские реакционеры против борющихся за свободу Польши: им не давали спать. Тогда они чтобы как-то днем вздремнуть, сидели, положив ногу на ногу и раскачивая ногой, дремали. Наблюдавшим за ними в волчок по раскачиванию ноги казалось, что они не спят. Но здесь служители тюрьмы были проинструментированы гораздо изощреннее тех, которые истязали в Польше. И стоило кому-нибудь из заключенных немного наклонить голову или закрыть глаза, как в волчок раздавался шепот:

— Не спать, не спать!

Тех, кто не выдерживал и начинал дремать, вызывали к начальнику тюрьмы, тот кричал на него, что он нарушает порядок тюремного заключения, что он накажет его карцером, крысами и т.п.

Когда заключенный, чтобы немного подремать, поворачивался к окну и немного закрывал глаза, из дверей раздавался грозный, властный шепот:

— Повернитесь! Смотрите лицом в дверь, смотрите лицом в дверь!..

Мучительное, страшное мучительное состояние — не спать ночи и сидеть так днем, мысли путаются, разламывается голова.

— Николай Иосифович, когда ему не давали спать ночью, — приспособился дремать с открытыми глазами, смотря в дверь. Но Лева это никак не удавалось. Лежать днем в тюрьме категорически запрещалось.

Однажды в результате сильного переутомления и истощения Лева как бы потерял сознание. Он выключился из окружающего, и ему показалось, что он отделяется от тела и куда-то уходит. Это наполнило его еще сохранившееся сознание каким-то особым блаженством. "Возможно, что я умираю", — мелькнула в глубине какая-то мысль, и счастье, неземное счастье охватило его.

— Значит, ухожу домой, туда, в небо, где нет этих страданий, этих криков, тюрьмы, голода...

Что-то хорошее, необыкновенно хорошее наполнило его особым блаженством. Но он очнулся...

Все та же камера, все те же привинченные к стене койки — вагонки. Все также вернулась выключенная было на короткое время боль в голове. Он все еще жил, и нужно было жить. А в самом деле, как хорошо было бы умереть и

уйти в иной мир от всех этих мук и страданий! Лева несколько не боялся смерти, но сознание, что он так мало сделал для Иисуса, что кругом гибнут тысячи, миллионы родного народа, не зная Бога и не имея спасения души, — это сознание порождало в нем жажду жизни, и он хотел жить в любых мучительных условиях, лишь бы быть свидетелем Иисуса, светом в этом мраке. Он боялся смерти, не хотел быть расстрелянным, потому что верил, что он еще нужен нашему народу, что он еще хоть одну душу должен привести ко Христу.

Иногда на допросы приходил Снежкин — начальник Тартаковского. По всему было видно, что он очень занят, Лева догадывался, что допрашивали не его одного, но и всех верующих в Куйбышеве, в Чапаевске, с которыми он соприкасался. Впоследствии он узнал, то действительно проводились массовые непрерывные расспросы о Левае и об отношении к нему верующих. Следствие всячески пыталось извратить и очернить жизнь Левае. Не давали покоя и Марии Федоровне, жене Левае. Ей рисовали Левау с самой грязной стороны, показывая и "доказывая", что он изменял ей и жил со всякими молодыми сестрами. Но никакие потоки грязи, которые следствие лило на Левау, не уменьшали симпатий к нему верующих, и Снежкин не раз спрашивал его: — Расскажите, какими методами вы добиваетесь авторитета среди верующих?

На это Лева отвечал, что никаких таких особых "методов" он не знает и не знает даже о том, пользуется ли он среди верующих особым авторитетом. Он просто рядовой брат, который любит всех и которого любят все.

Утомленный допросами, Тартаковский как-то сказал:

— Я вас пока перестану допрашивать. У меня есть другие дела, есть и другие следственные. Вот мы посадили из Чапаевска вашего помощника Юрия Рязанцева. Его надо тоже допрашивать.

— Неужели посадили? — воскликнул Лева.

— Да, да, и всех ваших из молодежи пересажаем, как членов вашей подпольной контрреволюционной молодежной организации.

— Но нет, нет, они ни в чем не виноваты, абсолютно не виноваты. Если хотите, судите меня как совратителя, но их не трогайте.

— Всех мы их допрашиваем, на всех заводим дело, и многие из них уже начинают колебаться. И я должен вам точно сказать: пройдут немногие годы, вся эта молодежь проклянет вас за то, что вы, вы испортили им жизнь. Запомните, вас будут проклипать, как проклипают самых зловредных людей.

— Боже! — молился в те дни Лева. — О, прошу Тебя: пусть я пострадаю как угодно, только пусть они не страдают, сохрани их!

Он молился и вспоминал, как Христос, когда Его схватили, сказал: "Вот Я, отпустите их, пусть идут". И никто тогда не погиб, кроме сына погибели,

— Господи, сохрани их в вере, благослови их каждого! — уж не о себе, а о близких дорогих, дорогую молодежь приносил он перед Богом в молитвах...

Приблизительно через неделю его опять вызвали на допрос.

— Ну, как вы себя чувствуете? — участливо спросил следователь.

— А вот так, как написано, — сказал Лева. — "Если внешний человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется".

— Это где написано? — спросил следователь.

— Я точно не помню, — сказал Лева. — Кажется, апостол Павел пишет в послании к Коринфянам.

— А сейчас мы узнаем, — сказал следователь и достал из стола толстую книгу. Он старался не показывать ее Левае, но по оторванной корке он сразу узнал отцовскую симфонию.

— Что это за книга? — спросил Лева.

— Эта книга уникаму, редкостная, так-так-так... Это написано вот здесь... Он достал Библию и нашел место, которое указал ему Лева.

Лева не стал спрашивать, где следователь взял симфонию. Для него было ясно, что эти люди потеряли всякую совесть и отбирали все, что вовсе не является противозаконным.

Следователь, стал читать то место из Евангелия, в котором пишется об отречении Петра. Положив книгу, он пристально посмотрел на Левау.

— Послушай, что я тебе скажу! Почему ты до сих пор не отрекаешься, не раскаиваешься в своей вере? Вот подумай хорошенько. Петр отрекся, и не один раз. Почему же ты не отрекаешься? Что ты — больше апостола Петра?

— Я совсем не больше, — сказал Лева, — Петр отрекся, когда на него еще не сходил Дух Святой, а когда он получил Его, то больше не отрекался и был верен до смерти. Мы, верующие, тоже получили Духа Святого, и не своей силой, а силой Духа Святого мы остаемся верными, и Он помогает нам преодолевать все искушения.

— Брось ты говорить о Духе Святом, никакого Духа Святого нет, — сказал, начиная раздражаться, Тартаковский. — Пойми, дурень, я тебе добра желаю. Вот посмотри на Петра своего, он отрекся и отрекся. Потом он покался, Бог простил его, и он остался апостолом. Так и ты: сейчас возьми отрекись, а потом покаешься, твой Бог тебе все простит, и нам хорошо будет, и тебе.

— Все это от лукавого... — вздохнул Лева. — Ничего хорошего не будет. И если Иисус умер за грехи наши и я познал прощение их, как я могу от Него отречься? Никогда я не отрекнусь от Христа Распятого, моего Спасителя и Искупителя.

Тартаковский окончательно вспылал и начал немилосердно кричать, махать кулаками и обдавать Левау брызгами слюны.

— Почему вы так кричите на меня? — спросил Лева. — Почему обзываете всякими словами: урод и так далее? Все люди всегда относились ко мне с уважением, и сколько раз я был под следствием, я никогда не встречал такого злого,

свирепого случая.

— Это объясняется тем, что никто не знал, кто вы такой, и те, которые раньше вели следствие, не представляли, какой вы злодей.

— Но все-таки я считаю, что, беспрерывно крича, вы вредите самому себе и делу расследования это несколько не помогает.

В камере, где сидел Лева, находился известный врач-невропатолог старик Корнилов. Его также беспрестанно вызывали на ночные допросы, и он всегда уходил на них, положив в рот леденец.

— Зачем вы это делаете? — спросил Лева.

— Когда сосешь леденец, то это отвлекает от всяких шумовых эффектов, которые практикуются на допросе.

— А как вы думаете, для чего кричат, шумят следователи во время допросов? — спросил Лева.

— Вероятно, для того, чтобы воздействовать страхом, — сказал профессор.

— Я думаю, — заметил Лева, — что это объясняется с точки зрения учения академика И.П.Павлова об условных рефлексах. Ведь он, занимаясь с собаками, установил, что всякие отрицательные эмоциональные, физические воздействия неизбежно влекут за собой нарушение нормального поведения собаки, происходит так называемая "ошибка", животное начинает вести себя неадекватно, нарушаются приобретенные условные рефлексы, оно становится либо агрессивным, либо пассивным. И мы, в сущности, в руках наших следователей представляем из себя тех же "подопытных" существ. Можно с известной степенью уверенности сказать, что, проводя дознание, они ведут его, конечно, на основе последних достижений психологии и физиологии.

— Да, пожалуй, с этим придется согласиться, — сказал задумчиво профессор. — Я замечал, что, когда на меня долго кричат и шумят, я начинаю путаться в ответах, забываться и просто иногда теряю всякую свою волю. Вот пристали ко мне: для чего я купал и собирал золотые часы, которые у меня отобрали. Я отвечал, что просто были деньги, вот я и покупал часы. "Нет, — говорят, — сознайтесь, что тут была какая-то определенная цель... На самом деле цели-то не было, но на меня так наперли, что я стал придумывать всякие нелепые цели и сам теперь не знаю, была ли цель, не было ли, — ничего не понимаю...

На одно из допросов следователь сказал, что они озадачены вопросом, нормален ли Лева или же не нормален? Ведь будучи нормальным, при таком образовании он должен был отказаться от Бога. А он, наоборот/никак не отказывается. Значит, тут что-то ненормальное, патологическое.

Следователь проговорился, что о нем (Леве) они консультировались у профессора психологии Гайворовского, который читает лекции в пединституте, а также преподает психологию следователям. Тот им сказал, что есть всякие фанатики, к числу которых, вероятно, принадлежит и Смирнский. И это нужно относить к нормам психологии, но классово обусловленной.

— Если хотите, я вас познакомлю с этим профессором, — сказал следователь.

— Пожалуйста, с удовольствием, — ответил Лева. — Я знал его отца, он в нашей школе был преподавателем физики. Его сын, профессор Гайворовский, был настолько скуп, что во время Отечественной войны бросил на произвол судьбы своего старого умирающего отца, и тот жил как нищий. Следователь обещанную Леведвстречу с Гайворовским так и не устроил.

— Вот если бы вы были бы даже ненормальным, — сказал следователь, — ну, и занимались бы чем угодно, как вот тот дурачок, который сидит на углу Ленинградской и Молодогвардейской улиц и показывает разные куклы. Ну что, мы над ним только смеемся и его не трогаем. Никому он зла не делает. А вот вы — вы столько зла сделали, беззакония, столько молодежи погубили... — И следователь снова начинал кричать, орать...

Хотя Лева духом был бодр, но плоть была немощна. Когда ночью подходили к волчку и тихо шептали:

— Не спать!

То он подходил и тихо отвечал: "Смирнский". В ответ на это он слышал: "Собирайтесь!"

Так тогда вызывали на допрос для того, чтобы в соседних камерах не могли слышать, кто сидит рядом. Коридоры были устланы мягкими дорожками для того, чтобы не было лишнего шума. Все было организовано по последнему слову мировой следственной техники. Теперь, когда Леву вызывали на допрос, он по слабости уже не мог идти самостоятельно, его поддерживал за руку дежурный конвоир. Лева был этим доволен, так как временами сильно кружилась голова, и поддерживающая рука была далеко не лишняя.

Он входил в кабинет следователя, садился на следственный стул, а все тело билось в нервной дрожи. Чтобы остановить ее, он впиался пальцами рук в колени и этим удерживал дрожь. А следователь все кричал и кричал.

Однажды, когда шел допрос, в комнату вошел человек в мундире. Лева вскочил и по форме узнал генерала МГБ.

Тот сердито взглянул на Леву и воскликнул:

— А, старый знакомый! Ну, как он ведет себя? — спросил он, обратившись к следователю.

— Да так вот, еще пока не раскаивается...

Генерал сразу рассвирепел:

— Ты что, еще до сих пор не раскаиваешься? Мучаешь своего следователя. Сколько стариков с седыми бородами отказались от Бога, а ты все еще не отказываешься?

По прошествии многих лет Лева, как врач скорой помощи, был однажды вызван к этому профессору и нашел у него приступ пароксизмальной тахикардии. Лева напомнил ему об его отце, тот заинтересовался и пригласил Леву заходить к нему для беседы. Но Лева зайти не решился.

После смерти Гайворовского по обстоятельствам порядка наследования к нему на квартиру явились должностные лица и в присутствии понятых произвели вскрытие его письменного стола. Весь верхний ящик письменного стола был, как говорится, забит советскими деньгами, которые этот скряга-профессор копил неизвестно для чего, предоставив

своему отцу широкую возможность умереть с голоду.

— Нет, не отказываюсь, — отвечал Лева,

— А когда ты будешь отказываться? Уж сколько, сколько людей бросили всякую веру, а ты? Лева молчал.

— Знаешь ли ты, понимаешь ли ты, — грозно закричал генерал, — что из всех преступников, которые сидят здесь и которых я видел, ты — самый злейший, самый негодный, самый худший? Ведь подумай, что ты делаешь? Ты губишь молодежь, самый цвет нашей страны. Сколько человек ты погубил, изверг!..

Он остановился, взглянул на Леву и сказал:

— Что ты дрожишь, как осиновый лист? Сознаешь свои преступления?

— Я не преступник, — сказал Лева. — Я призывал к Богу, ко Христу, жить по Евангелию. Это не преступление. А то, что я дрожу, так это просто нервы не выдерживают всех этих ночных и дневных допросов.

Генерал обратился к следователю и грозно сказал:

— Что вы возитесь с ним? Приведите его в сознание, займитесь им как следует. А если не поможет, приведите его ко мне, я ему морду набью...

Генерал повернулся и вышел.

Следователь склонил голову над бумагами и о чем-то размышлял. Видимо, ему было нелегко работать, начальство ставило перед ним определенные задачи, а Лева не поддавался и никак не отрекался.

"Отче, прославь имя Твое!" — молился Лева, сидя на стуле.

— Да, мы с вами займемся! — сказал следователь. — Будем шаг за шагом описывать все ваши похождения, начиная с того, как вы прибыли в Куйбышев после демобилизации из армии и по этот день.

Начались допросы, которые Лева подписывал страницу за страницей. Много он забыл, где был, куда ездил, но разведка обо всем была осведомлена исключительно точно, и следователь только напоминал ему, когда и с кем он был в каком городе, с кем проведовал. Сам он никогда бы не смог подробно описать все, как описали и собрали те, которые наблюдали за ним.

— Это хорошо, что все это записывается, — сказал Лева, — все это останется для истории.

— Да, да, это останется, — гордо сказал следователь и поднес к Лева папку его дела, на корке которой было написано: "Хранить вечно". — Вот пройдут годы, — сказал следователь, — и люди будут брать эти папки, изучать их и узнают, какой урод жил на свете, как он калечил людей... Это позор навеки...

Лева же молился все той же молитвой:

— Боже, прославь имя Твое!..

Иногда на допросы, где описывались "похождения" Левы, приходил Снежкин и вставлял в запись свои замечания, показывая свою полную осведомленность в религиозной деятельности Левы.

— Скажите, — обратился к нему Лева. — Вот подробно описываются мои проповеди, посещения верующих, обращения грешников, общение с молодежью, — что же во всем этом плохого? Ведь нет ни одного слова против власти или существующих порядков. Какой же я враг? Мы только молимся за вас и уважаем... — О, воскликнул Снежкин, — вы самый искусный, самый скрытный враг, самый опасный. Если бы кто пришел к нам и сказал о вас, что Смирнский ругает власть, или недоволен каким-либо законом, или не уважает товарища Сталина, — мы просто бы выгнали такого человека. Мы отлично знаем, что никакого плохого слова вы не скажете против советской власти и партии, но это не потому, что вы симпатизируете нам, а потому, что вы скрытый, опытный, опасный враг. Лева улыбнулся.

— Но это без доказательств, — сказал он. — Если бы вы могли заглянуть внутрь меня, то вы увидели бы, что на самом деле ничего реакционного во мне нет. Христос говорит: "От избытка сердца говорят уста", и если бы я имел зло на вас, то так или иначе кому-либо проговорился бы. Но этого нет и не будет, мы молимся за вас и участвуем в построении лучшей жизни. Мы от сердца желаем, чтобы свет Христов просветил вас для вашего спасения...

Глава 14. Поругание

("Неслыханное оскорбление следователя")

"Другие испытали поругание..."

Посл. к Евреям, 11, 36.

Допросы продолжались. Всегда в своих показаниях Лева старался говорить о себе и меньше всего о других. Он желал только одного — чтобы истина, как она была, запечатлелась на листках опроса. Но там, где касалось других, он старался говорить как можно кратко, указывая, что обо всем этом можно было спросить тех, о ком его спрашивали. Там, где он не помнил, он прямо говорил "не помню".

В Чапаевске было пробуждение, и немало молодежи обратилось к Христу, Когда Лева услышал о их крещении, сердцу его переполнилось огромной радостью. Об этом ему сообщили на Дальний Восток, когда он находился в действующей армии.

Теперь, записывая о верующей молодежи Чапаевска, следователь спросил:

— Скажите, а вы знаете, кто крестил чапаевскую молодежь?

— Да, я знаю, — отвечал Лева.

— Кто?

— Этого я вам не скажу. Об этом можете спросить их самих.

Следователя взорвало, как бомбу; он побледнел.

— Как вы смеете мне, советскому следователю, отвечать: "Не скажу". Никто в наших стенах никогда не говорил "не скажу". Любые языки мы можем развязать...

Он остановился, посмотрел на Леву, потом тихо произнес:

— Ведь мы власть. Ты признаешь, что мы — власть.

— Да, признаю.

— Так вот, в Слове Божьем написано... — Он достал Библию, стал рыться и потом прочел: "Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящиеся власти противятся Божьему установлению, а противящиеся сами на себя навлекают осуждение". — Вот как написано в послании к Римлянам, глава 13, 1-2 стихи. Признаете?

— Признаю, — ответил Лева.

— Так, отвечайте, кто крестил чапаевскую молодежь, повинуйтесь власти.

— Я повинуюсь во всем, но там, где относится к делу Божию, мы повинуемся только Богу, а не власти. Крещение относится к делу Божьему.

— Это на основании какого места вы так поступаете?

— А вот, когда апостолов призвало начальство того времени и запретило им говорить об имени Иисуса, они сказали начальству: "Судите, справедливо ли вас слушать более, нежели Бога?" Это где написано?

— В "Деяниях апостолов", кажется, в третьей или четвертой главе.

Тартаковский достал Библию и стал читать. Наконец прочел в "Деяниях апостолов", в 4-й главе, с 18 стиха: "И призвавши их, приказали им отнюдь не говорить и не учить об жизни Иисуса, но Петр и Иоанн сказали им в ответ: "Судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали".

— Так, так... — протяжно сказал следователь. — Ну, а вот я заметил, что не только на этот вопрос, но и на другие вопросы вы стараетесь не отвечать. Это на основании какого места Писания вы действуете?

— А вот, — сказал Лева. — Когда Иисуса схватили и стали допрашивать о Его учениках, Он сказал: "Что вы меня спрашиваете, я ничего тайно не делал, спросите слышавших Меня", и не стал рассказывать об учениках.

— Это где написано?

— В одном из Евангелий.

Тартаковский достал Симфонию и стал искать это место.

Нашел и прочел:

— От Иоанна 18-я глава, с 19-го стиха: "Первосвященники же спросили Иисуса об учениках Его и учении Его. Иисус отвечал ему: "Я говорил явно миру и всегда учил в синагоге и в храме, где всегда иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего; что спрашиваете меня? Спросите слышавших, что я говорил им; вот, они знают, что я говорю".

— Вот поэтому, — сказал Лева, — мы не говорим о других, а говорим только о себе.

— Но поймите, что это неслыханная дерзость — так отвечать следователю. — Вы могли бы сказать: "Я не знаю" или "Я забыл", а теперь я должен принять в отношении вас меры, и меры жесткие.

Следователь записал в протокол, что Лева отказывается назвать того, кто крестил чапаевскую молодежь; кроме того, занес в протокол, что этот вопрос будет рассмотрен в следующий раз.

Потом он позвонил, и пришел целый ряд сотрудников МГБ, которые ужасались "дерзости" Левы, обвинили его в том, что он "оскорбил следователя", и требовали, чтобы тот написал на подследственного рапорт, чтобы привести его в порядок.

— В карцер, в карцер его, — советовали они Тартаковскому. — Он обнаглел окончательно.

Лева отлично знал, что значит этот карцер. Недавно в их камере сидел военный, которого обвиняли в том, что он "не симпатизировал Сталину". В этом карцере, по его словам, держат три дня, выдавая на день триста граммов хлеба и воду. На третий день выдается один раз горячее. В нем холодно, в нем показываются крысы. Окна в нем нет, но помещение сообщается с каким-то окном, которое, когда его открывают, карцере становится ужасно холодно. Сажают туда без пальто и без постели, производятся непрерывные допросы... Военный далее сказал, что в конце концов у него начались галлюцинации, как из-под железной двери камеры карцера бросались на него огромные собаки...

Лева также слышал, что в это страшное место сажали одного молодого крестьянина из района, которого обвиняли в том, что его отец принадлежал к толстовскому движению и при обыске у этого "преступника" были обнаружены бланки, по которым когда-то освобождали по существовавшему закону от военной службы по религиозным убеждениям. Верил ли этот молодой крестьянин в Бога или же нет, Лева не знал, но когда его посадили в карцер, он не выдержал и двух суток и стал кричать и биться в двери, прося его вывести оттуда, и что он готов подписать все, чего от него хотят, лишь бы не быть в карцере...

Между прочим, его дикие крики слышал Лева, они раздавались по всему коридору.

— Так вот, вы сами выберете наказание, какого вы достойны, — надменно сказал Тартаковский. — Как вы думаете: дать вам пять суток, трое или десять суток? Это максимальное наказание, которое применяется.

— Я ни в чем не виноват, относился к вам с уважением, а если отказываюсь ответить на этот вопрос, то для вас в этом нет ничего оскорбительного.

— Как нет оскорбительного? Какой же я следователь МГБ, если не развяжу язык?

Леву отвели в камеру.

На другой день его вызвали "с вещами". Вещи все отобрали, оставили его в рубашке и в брюках, оставили и фуражку и зачли приговор:

"За дерзкое поведение и оскорбление следователя он, Смирнский, наказуется пятью сутками карцера".
Открылась дверь, и его ввели в это холодное помещение, в котором из мебели была только одна табуретка.
— Отче, прославь имя Твое! — молился Лева, тяжело опустившись на табуретку.

Глава 15. Испытание

(В карцере)

"Господь испытывает праведного, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа Его".

Псал. 10, ст.5.

Весь день его не беспокоили. Когда настало время спать, в карцер втащили какую-то деревянную дверь, на которой он имел право улечься спать.

— Господи, дай мне отдохнуть! — молился Лева. — Ты испытываешь мою веру, Ты допустил всю эту горечь, голод и холод: но одно прошу: дай прославить имя Твое! Стал думать о жене, о матери, как они там, что приходится им переживать, как растет маленький сын Павлик... Ничего, ничего не известно. Проходят недели, месяцы в том же городе, и я совершенно отрезан от всего.

— Господи, помоги! Только он начал задремывать, как отворилась дверь и его вызвали на допрос.

— Ну, как вам нравятся новые палаты? — спросил следователь. — Достукались! Лева молчал.

Опять допросы, опять и опять. Но "кто крестил чапаевскую молодежь", больше его не спрашивали.

Наконец его отпустили, и он опять в карцере. Опять сжался в комоч, чтобы не мерзнуть, и постарался задремать. Но только задремал, опять отворилась дверь и его снова повели на допрос. Вот и утро. Следователю по телефону кто-то звонит. — Сейчас, сейчас поеду домой. Не беспокойся! — отвечает он. Леву уводят вниз, в карцер. Он ложится на доски, пытается, задремать. Следователь уехал домой после "самоотверженной" трудовой ночи. Его ожидает уют семьи, тепло, хорошая, сытная пища. Он "достойный труженик", а Лева — преступник и к тому же ведущий себя из рук вон плохо.

Только Лева забылся, как подъем, отобрали деревянную дверь. Нужно целый день ходить, сидеть. Утром выдали триста граммов хлеба, кружку воды. Эти триста граммов Лева аккуратно разделил на три части: одну для утра, другую в обед, третью вечером. Обыски велись и в карцере, и когда у него в кармане обнаруживали хлеб, конвой удивлялся:

— Какой ты расчетливый! Делишь, а ведь все сразу съедают... На третий день ему дали горячую баланду. О, как приятна она! Была ночь, когда его допрашивали одновременно Снежкин и Тартаковский вместе. Вопрос был поставлен перед ним один:

— Расскажите о методах, какими вы вовлекаете молодежь в свое вероисповедание.

Лева отвечал, что самое главное, это молитва за гибнущих грешников. Но молитва их совершенно не интересовала. Их интересовало, по существу, второстепенное: экскурсии, поездки за Волгу с молодежью, домашние часы с участием молодежи и проч. Этому они придавали гораздо больше значения, чем молитве.

...С Левого начало твориться что-то неладное: он говорил и тут же забывал, что сказал. Память ослабла, он чувствовал себя как отравленный. Снежкин посмотрел на него и сказал:

— Спать, спать, вам нужно спать!

Они прекратили допрос и опять спустили Леву в карцер. На этот раз он несколько подремал на своей деревянной двери, потом опять допросы, допросы...

— Слушайте, а чего бы вы хотели поесть? — дружелюбно спросил его Тартаковский.

— Мяса, вот так поджаренного мяса, — сказал Лева.

Лева знал из лекций по физиологии, что мясо быстро активизирует жизненные процессы. И, быстро усваиваясь, может поддержать слабеющие силы.

На следующую ночь, когда Леву снова вызвали, на столе у следователя лежала передача, принесенная с разрешения Тартаковского для Левы. Тут были и свежие яблоки, и булочки, и сладкие пирожки, и поджаренное мясо.

— Ну, начнем с допроса, — сказал следователь. — Сегодня я перед вами ставлю вопрос: с какой целью вы совершали большие поездки в Уфу, Стерлитамак, Оренбург, Сорочинск, и притом не один, а с молодежью?

Лева отвечал, что посещать верующих для него было большой радостью, и если в каникулы студенты ездят на курорты, то он, будучи верующим, отдавал все дни для Христа, чтобы прославлять имя Его.

— Ну, ладно, покушайте вот немного мяса...

Лева стал жевать поджаренное мясо, и стоило ему съесть совсем немного, как приятная теплота, начиная от пальцев рук, постепенно охватила его застывшее, коченеющее тело. Он словно согрелся.

— Вот вам яблочко, — протянул следователь, — кушайте! А теперь будем продолжать допрос.

Если бы Лева вовсе не знал физиологии, не знал опытов академика Павлова, то он мог бы подумать, что следователь очень добр. Но он смотрел на всю эту процедуру глазами физиолога. Он понимал, что следователь обращается с ним, только как с подопытной собакой, у которой создают обстановку и вкусно кормят для того, чтобы получить нужные навыки-рефлексы. Так и сейчас следователь угощает, чтобы получить от Левы антисоветские признания или, больше того, полное раскаяние в том, что он верит в Бога. Вся эта "гуманность" в этих застенках была шита белыми нитками.

Но в то же время это не мешало Леве думать, что, может быть, Тартаковский и не столь плохой человек. Может быть, ему и в самом деле жаль меня, но он винт, раб этой ужасной машины, машины лжи, и должен вращаться и поступать так, как предписывает ему начальство — мозг этой машины Берия и его сподвижники. (Ходили слухи, что куйбышевский генерал МГБ был родственником Берии и его ставленник.)

Следователь еще угощал Леву пирожками с мясом, но Лева категорически отказался больше есть. Он был слишком голоден и понимал, что сразу накормить голодного — это во вред. Могла быть катастрофа брюшной полости, вплоть до заворота кишок. Это Лева наблюдал неоднократно в лагерях, когда изголодавшийся заключенный, получив посылку, с жадностью набрасывался на продукты, а потом если не была сделана успешная операция, то многие умирали от заворота кишок.

...Лева опять в карцере. Но что с ним? Оказывается, когда голодный переносит бессонные ночи, это легче. Но если человек поел, ему невыносимо хочется спать, невыносимо! Мысли путаются. Видимо, происходит какое-то самоотравление организма.

Лева сел на табуретку и почти тут же начал клевать носом.

— Не спать, не спать! — угрожающе раздалось в волчок. Лева попытался ходить по карцеру, но он чувствовал, что он сам не свой. Совершенно больной, сел на табуретку и почти сразу же чуть не свалился с нее. Его вызвали к начальнику внутренней тюрьмы МГБ.

— Вы что, нарушаете тюремные порядки? — грозно обратился он к нему. — Что вы дремлете днем? У нас положено днем не спать, а ночью, пожалуйста, спите.

Эти слова начальника звучали явным издевательством и, кроме того, столь же явно свидетельствовали, что начальник потерял совесть.

— Я узнавал, кто вы, — продолжал он. — Оказывается, баптист. Ха-ха-ха!... это вы что же: такой молодой и в баптисты записались, чужих баб решили перепробовать. Мы ведь все знаем, что вы, баптисты, устраиваете моления, ну, а потом повальный грех.

Лева стал доказывать, что никакого "повального греха" у них нет, что, наоборот, баптисты — это самые передовые люди в стране. Но на все подобные доказательства начальник тюрьмы лишь презрительно усмехался, а потом сердито сказал:

— Не нарушайте, не спите, иначе я доложу о вашем поведении следователю, и мы применим к вам еще более худшее, чем карцер — Злоба, ненависть, презрение чувствовались в его голосе.

Лева опять в карцере. Он сидел, всеми силами старался держать глаза открытыми, смотрел на стенку, а по ней что-то плыло что-то словно двигалось...

И он вспомнил, что это такое состояние, какое он испытывал когда болел малярией, была высокая температура. Он долго смотрел на стенки, на потолок, и там, где трещина, ему представилась удочка и там сидит рыбак — рыбачит.

Лева находился в состоянии интоксикации на почве отсутствия сна и принятой быстро усвоенной пищи.

Его снова вызвали на допрос. В кабинете следователя сидело несколько сотрудников.

— Ох, как вы изменились, Смирнский! — сказал один из них, рассматривая его.

— Ну, что вы себя мучаете, что вы себя мучаете? — спросил другой. — Покорились бы во всем следователю, ведь он вам добра желает, каким бы вы преступником ни были.

— А что это у вас за красная полоса на лбу?

— Это я туго натягиваю кепку, — отвечал Лева. — В карцере холодно.

— Вот видите, в какое нехорошее положение вы попали благодаря плохому поведению. Жили бы в мире со следователем, не скандалили бы, и было бы все хорошо.

— А лучше бы, — сказал один из них, — вам совсем сюда не попадать: или бы совсем бросить веру, или бы сотрудились с нами. Представьте себе, не лучше ли было, чем вы так себя мучаете? Вас сейчас быть на свободе... Сидели бы мы с вами в ресторане или в закусочной, попивали бы пиво "Жигули" и беседовали. Не нашли вы общего языка с нами, вот и погубили себя...

Когда друзья Тартаковского ушли, тот стал "сочувственно" расспрашивать о настроении Левы. Но в этом сочувствии Леве ясно чувствовалось что-то звериное.

— Вот от Бога вы не отказываетесь, мучаетесь, Знаете, что: я дам вам веревку, вы возьмите и повесьтесь. Хотите повеситься?

— Мы, верующие, не вешаемся.

— Да, я знаю, — протянул следователь. — По-вашему, самоубийцы царствия Божия не наследуют.

— Это точно так, — сказал Лева. — Мы бы и рады перебраться в небесную отчизну, но Бог оставляет нас здесь для вас, чтобы осолить землю и светить вам. Вы не представляете, какой ужас на земле будет, когда Бог возьмет верующих к себе. Вы читали о Содоме и Гоморре?

— Читал, — сказал следователь. — Но только вы нас этими сказками не запугаете. Мы наш, мы лучший мир построим и без вас, верующих....

Леву снова спустили в карцер.

Глава 16. Видение

(Остров спасения)

"Дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних. И всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца".

К Филипп. 2,10-11.

Лева смотрел на белую стенку карцера, на трещинки и полоски на ней, и молился Богу, чтобы Он поддержал, укрепил его и открыл ему всю силу спасения своего. А голова болела, хотелось спать, но спать было нельзя. Он испытывал страдания и молился. И вдруг словно что-то подхватило его... Эта белая стена — не стена. Это огромные заполярные льды, льды, ночь полярная, и там, вдали, где на стене какие-то полосы, он увидел остров. Этот остров был целиком предназначен для заключенных. Туда ссылают самых тяжких преступников.

"Какой же это остров?" — думает он, и ему представляется: ... Это остров далекий, за полярным кругом, в Северном Ледовитом океане. Там добывают руду, а живут там только одни заключенные и охраняющие их войска, надзиратели, тюремное начальство. Это страшный остров, о нем ходят жуткие рассказы. Это остров пыток и смерти. Провизию туда доставляют на самолетах... Там нет ни одного "вольного" человека, который не был бы или заключенным, или охранником. Морозы, суровые полярные ночи. Все озлоблены, все ненавидят друг друга. Да, доподлинно это царство пыток, царство смерти. Лева когда-то слышал о том, как расправляются там с заключенными, какой произвол царит там...

Все это пронеслось в сознании Левы, сердце сжалось... А кругом льды, льды... Кажется, полная безнадежность, безнадежность ада. На этом острове люди не знают Бога, здесь не только преступление получает возмездие, — здесь и те, кто охраняет этих преступников, одинаково несчастны, полны горя, ненависти и не видят просвета. Страшный остров. Остров, где нет спасенных, нет ищущих Бога, уста каждого — открытый рог злоречия... Все потонуло во тьме... люди заживо мертвые...

Но вот приближается самолет, везут новую партию заключенных на смену тем, которые там заживо похоронены. И среди них — несколько верующих, несколько братьев во Христе, которые любят Бога, молятся и любят всех, и даже тех, кто осудил их.

Они ничем не выделяются от остальных заключенных: в таких же черных бушлатах, в черных ватных брюках, валенках. Но они полны любви к людям, они молятся, они просят Бога послать лучи света на этот ужасный, жуткий остров.

Зима, вьюга, морозы, ветры. Самолеты уже не прилетают на этот остров.

Верующие беседуют со своими товарищами по несчастью, рассказывают им о Христе, говорят о любви. Сначала их не слушают, над ними смеются, но они просят у Бога святого Духа, чтобы просветить эту тему... И вот — первые лучи света проникают в души преступников, они начинают прислушиваться, начинают молиться и один за другим каются в грехах, обнимают верующих, становятся братьями...

Что-то необыкновенное творится в бараке, там поют, там славят Бога, и эти люди, которые выброшены на этот остров, как отбросы, становятся счастливыми. Свет, свет неба проникает в сердце людей.

Забеспокоилось начальство, вызвали братьев, стали знакомиться с ними. А они говорят о Христе-Спасителе.

Суровый начальник лагеря — тот, кто их пригласил, в своем кабинете вдруг опускается на колени и плачет... Он кается в своих грехах, он тянется к Богу, пред ним открывается новая жизнь. Он собирает все лагерное начальство и вместе с братьями-арестантами свидетельствует им о Спасителе, Который обновляет души...

Что это? Это нечто совсем не бывалое! Эти вооруженные люди, которые никогда не произносили слова "Христос", падают на колени и каются, потом обнимаются, целуются и становятся братьями.

В большом клубе собрание, туда спешат заключенные, и им говорится о свободе, свободе здесь, на этом острове пыток и смерти, — той свободе, которую дарует Христос... И тяжкие, закоренелые преступники каются, обращаются к Богу и из строптивых, свирепых становятся кроткими, как ягнята.

Уже не нужно карцеров, наручников в этом страшном лагере, уже не нужно охраны. Люди обнимаются, люди целуются, люди все братья, и этот остров становится островом спасения.

Начальник лагеря радирует на Большую землю, что у них все благополучно, производственная программа выполняется и нет никаких недоразумений.

Полярная ночь кончается, прибывает первый самолет с Большой земли. То, что увидело прибывшее начальство, поразило их:

— Неужели, неужели здесь какое-то помешательство? Никакой охраны заключенных, все так тихо и мирно?

Они проходят в кабинет начальника лагеря, и тот рассказывает им, что он спасен от греха, имеет вечную жизнь. Прибывшие смотрят на него с удивлением и решают:

— Не иначе как он сошел с ума!

Но он продолжает им рассказывать, что произошло с ним, со всеми заключенными. И эти люди, суровые и черствые, которые прибыли в лагерь для проверки работы, в изумлении...

Лева продолжает смотреть на белые стены карцера, и в вырезе, где должно быть окно, появляется крыса. Но он не замечает ее.

Его вернули в старую камеру, где сидел и Грубич. Он кратко поделился с присутствующими впечатлениями о своем пребывании в камере, причем, как это ни странно, обрисовал карцер не столь ужасным. Как он был на самом деле. Но факт был тот, что он значительно ослаб и исхудал.

Теперь, находясь в этой общей камере, он все время был под впечатлением того "острова спасения", который нарисовался в его воображении.

Лева не хочет сказать, что это было видение. Тем не менее это можно почесть за сон. Это было состояние утомленного, и он не помнит, что он находится в карцере, из глаз его текут слезы...

И вот он видит, что прилетевшие на самолете люди опускаются на колени, каются в грехах, встают радостные, обнимаются с другими. Все они родные братья.

— О, — говорит один из них. — Мы сейчас же летим назад, к центру, в Москву. Христос наш Спаситель!

Самолет поднимается в воздух с этого острова спасения, и спасенные люди летят на ту Большую землю, где столько греха и несчастья, чтобы возвестить Евангелие, которое они приняли.

Что будет дальше? Встревоженные люди из Москвы направляют на этот остров несколько самолетов, чтобы выяснить, что случилось, что за силы действуют, что и преступники и начальство, охраняющее их, — все стали верующими!..

Открылась дверь карцера.

— Срок вашего наказания в карцере кончился. Выходите! Лева умоляюще посмотрел на охранника и попросил:

— Оставьте меня в карцере еще до вечера...

— Что вы? Все просят, чтобы их как можно скорее выпустили, а вы — "оставьте до вечера". Рехнулись, что ли?

— Нет, — ответил Лева, — но если можно, оставьте до вечера...

— Нет, нет, не можем. Выходите!

Лева все еще находился под впечатлением того, что в коротком видении открылось его умственному взору. О, как он жаждал, чтобы люди стали людьми, чтобы не было греха, зла, ненависти и угнетения человека человеком! И вот то, что открылось в его воображении, раскрывало перед ним как бы картину будущего пробуждения народов земли, когда наконец люди протянут руки к Спасителю и прекратятся страдания и муки...

Но — когда же это начнется? Когда люди будут любить друг друга и человек человеку будет брат и друг?

— Вот передача, которую вам принесли, — сказал конвойный, протягивая Лева мешок с продуктами. — Только я хочу предупредить вас: не кушайте сразу много. У нас были случаи, что люди тяжело заболели после карцера, когда кушали досыта.

— Спасибо, — сказал Лева. — Я это понимаю и смогу держать себя в умеренности.

Это было состояния утомленного истощенного бессонницей, холодом организма, когда, кажется, можно впасть в отчаяние, в пессимизм. А он, движимый какой-то внутренней силой, которая проявилась в нем в результате молитвы, вознесся в сферы победы света над тьмой, добра над злом, любви над ненавистью.

Проходили дни, по-прежнему допрашивали его, и следовательно сулил страшные наказания, которые ожидают его, а он все продолжал думать об одном и том же: думать о том, когда же эти люди, "неверующие", станут братьями, когда будет уменьшаться на земле зло, насилие, ненависть.

Иногда следователь и Лева подолгу смотрели друг другу в глаза, не говоря ни слова, и следователь первый опускал глаза. Совесть у Левы была абсолютно чиста. Но была ли она чиста у Таратковского? Как-то однажды Тартаковский сказал Лева, что когда он делает проступки и сознается в этом, то начальство прощает ему. Что это были за "проступки", он не пояснил. Может быть, этим он надеялся косвенно дать понять Лева, что ему тоже нужно "сознаться", и тогда ему будет легче.

Иногда, видимо стараясь заглушить какие-то остатки совести, Тартаковский начинал доказывать Лева, какое "великое значение" имеет его работа и работа его товарищей, когда они арестовывают и приговаривают людей к тяжким наказаниям.

— А если бы мы это не делали, кругом было бы столько убийства, восстания, беспорядки в стране. Только благодаря нашей самоотверженной работе поддерживается порядок общественной жизни, государственная безопасность... В этих его высказываниях нетрудно было узнать, что эти мысли о том, что "нас окружают враги, целое море врагов", внушены были ему "отцом народов", великим Сталиным.

Глава 17. Терпение

(Допросы, очные ставки)

"Зная, что испытание вашей веры производит терпение".

Иакова, 1-3.

Дни шли за днями, мучительные, долгие, с еще более мучительными ночами. Леву перевели в другую камеру, которая была на верхнем этаже. Настало лето, погода была жаркая, и под раскаленной крышей в верхней камере было так жарко, как в парной. Люди сидели в одних трусах и обливались потом, пили "чай" в виде горячей воды; лишь ночью было некоторым облегчение от жары. Особенно тяжело доставалось сердечникам. Слышно было, как в соседней камере кто-то тяжело дышал, кричал в окно, задыхался. На всех окнах были так называемые козырьки-навесы, которые позволяли видеть лишь полоску неба. Но звуки доносились из камеры в камеру, и этот задыхающийся человек, к которому то и дело вызывали врача, хотя и был не виден, но производил на всех угнетающее впечатление.

Среди арестованных было очень много попавших в плен во время Отечественной войны. Они много пережили в гитлеровских лагерях, а теперь их обвиняли в "измене родине", якобы они получали от немцев какое-то задание и должны были в этом сознаться.

Среди этих людей, находящихся в камере, где был Лева, был некто Ганюшкин — высокий худощавый мужчина с

горестным лицом. Возвращаясь с допросов, он часто охал, иногда плакал.

— Кто у вас следователь? — спросил, Лева.

— Тартаковский, — ответил Ганюшкин.

— Это хороший следователь, — сказал Лева. — Он никогда матом не ругается.

— Что вы, "не ругается!", что ни слово, то мат и мат.

Лева вначале подумал: может, какой другой есть следователь Тартаковский? Но когда Ганюшкин обрисовал внешность еврея, Лева перестал сомневаться в том, что это — тот самый, что ведет следствие и у него.

"Значит, — подумал Лева, — он такой же страшный матерщинник, как и все. А со мной он не матерится, может, из уважения, а может быть, хочет доказать, что он и без Бога хорош".

Однажды Ганюшкин после допроса с трудом вошел в камеру и сразу повалился. Тяжко стонал.

— Что случилось? — участливо спросил Лева.

Тартаковский ударил меня кулаком во всего размаху под ложечку. Я вот так и повалился, ничего не помню. Потом пришел в себя, и он отправил меня в камеру.

Удар был меткий, как раз в солнечное сплетение. Видимо, следователь знал, как нужно бить, и был обучен этому. Но нужно сказать, что Тартаковский проявил по отношению к пострадавшему своеобразную "гуманность": дал распоряжение врачу выписать ему больничную диету, которую пострадавший получал, находясь в камере. Леве становилось все больше и больше ясно, насколько злы и несчастны эти люди, не знающие Евангелия.

Тартаковский продолжал усиленно вести следствие Левы.

— Признайтесь, какие вы дарили подарки молодым членам общины из Оренбурга.

— Никаких не дарил, ничего не помню, — говорил Лева.

— А вы вспомните, вспомните!

— Нет, ничего не помню, — отвечал Лева.

Следователь орал и наконец напомнил, что Лева каждому из молодежи в качестве "сувенира" прислал записные книжки для записей стихов из Библии на каждый день с надписью на первом листе: "1 Тим. 4, 16. Вникай в себя и в ученье, занимайся сим постоянно".

— Да, да, посылал, — сказал Лева. — Но я совсем об этом забыл.

— А мы не забыли. Это лишний факт, подтверждающий, как вы воспитывали молодежь в вашем христианском духе, а иначе сказать — как вы ее калечили, отвлекали от светлой, лучшей жизни и тянули в болото Библии.

Однажды та допрос пришел Снежкин и принес кипу писем.

— Вот эти письма в этом году писала вам жена.

Лева имел привычку все письма хранить, подшивать, считая, что они имеют значение как историческое, так и познавательное при обозрении этапов своей жизни. Он всегда бережно хранил письма, как драгоценность, и отсылал полученные домой.

И вот теперь следователи в один голос пытались внушить ему, что его жена — тоже "враг", ибо когда следователи знакомились с теми местами в псалмах, на какие она ссылалась, они "усмотрели" такие ссылки на псалмы, в которых Мария Федоровна якобы желает им мести за их дела.

— Вот возьмите, — говорил Снежкин, — стих такой-то. Мы Библию имеем. — Он открыл и посмотрел: — Это она призывает гнев Божий на нас. Как вы расцениваете такое поведение вашей жены?

— Очень просто, — отвечал Лева, — мы охотно пользуемся псалмами, но что у них, у евреев, ветхозаветное и жестокосердное; мщение, ненависть к людям, — мы это не воспринимаем, потому что по Христу мы прощаем и желаем всем добра. Да лучше всего вы у нее самой спросите, что она писала, и станет яснее.

Марусю, жену Левы, вызывали неоднократно. Ей много пришлось пережить. Все записи, письма тех лет были отобраны, сохранился только детский дневник Павлика. В нем она записывала, как рос ее маленький сын, передавала детские впечатления. Возвращаясь с допросов, она плакала, брала эти записи, перечитывала их и думала:

"Почему же, почему же разбилась их, казалось бы, идущая к покою семейная жизнь?"

Вот этот сохранившийся, не взятый "друзьями народа" дневничок, который Мария Федоровна, жена Левы, вела от лица своего маленького сына. Сын ее был в эти годы настолько мал, что сам не мог ни в чем разобраться:

8 марта 1949 г. Я подросток значительно, говорю много слов, бегаю по улице сам, кушаю хлеб с молоком, блины и лепешки... Сейчас мы с мамой в таком горе, что мама все время плачет, а я ее утешаю: у нас пропал папа.

1 марта он уехал в Самарканд за документами, чтобы поехать учиться домой, и вдруг исчез. Мама ищет всюду, и нет следа, она плачет и я плачу, а папа никак не идет; очень жду папу, зову каждое утро, смотрю на кровать, где он спал, но его нет и нет. Мы переехали на другую, маленькую квартиру, у наших хозяев злая собака. Я ее зову Динка и даю ей хлеба.

10 марта. Я проснулся очень рано утром, позвал маму, но ко мне подошла Нюся, а мамы не оказалось дома, я стал плакать. Нюся взяла на руки и стала качать; сколько я не звал маму, она не пришла. Нюся мне сказала, что мама с Марусей уехали искать папу в Самарканд. Наплакавшись, я уснул. Днем опять звал маму, но она не пришла...

12 марта. Вот мама пришла, я скорей к ней побежал, она меня поцеловала, но на глазах ее были слезы; она мне сказала, что папы нигде нет.

19 марта. Сегодня я ходил с мамой на станцию провожать двух Марусей домой, к бабушке. Я видел, как они садились в вагон, и сказал маме: "огон". Паровоз загудел: ду-ду!", и Маруси уехали.

Пришли мы с мамой и Нюсей домой, а их нет.

20 марта. Утром мама ходила на вокзал, ей хотелось встретить папу, но пала не приехал. Она купила мне яблок, чему я очень порадовался. Сегодня у мамы и Нюси молитва с постом о папе.

23 марта— Сегодня мама вечером уехала в Самарканд, так как ей прислали телеграмму. Она сказала мне, что едет к папе. Ночью я проснулся, стал звать маму, а ее нет, я стая плакать.

Утром проснулся, Нюся дома, а мамы нет, стал ждать маму.

25 марта. Воскресенье. Встал утром, покушал, играл на окне, а Нюся была в сених. Вдруг дверь открылась, и вошла мама с мешком на плечах, вся мокрая: на улице шел сильный дождь.

— Мама, мама! — закричал я. — Мама! — Она бросила пальто, шаль, схватила меня на руки и стала целовать. Я смотрел на маму, гладил ее по лицу и вдруг сильно заплакал. Мама стала меня утешать и спрашивать, о чем я плачу? А я плакал от радости, что она приехала; так долго я еще не расставался с ней в своей маленькой детской жизни.

6 апреля. Сегодня мама и тетя Аня укладывали все вещи и даже мои игрушки. Мама говорит, что мы поедем к бабушке, к дедушке, и я увижу Волгу. Идет дождь, но я на улице. Вот и вокзал. Бежит паровоз, вагоны. Мама волнуется из-за билета и багажа. А я ни за что не схожу с ее рук и требую, чтобы она со мной ходила и разговаривала. Наконец мама купила билет, сдала багаж (не без происшествия), и мы сели в вагон и заняли нижнюю полку. Я кричал: "ду-ду!" и с нетерпением ожидал, когда поезд пойдет.

Вечером мы приехали в большой город Ташкент. Мама сдала вещи в камеру хранения. Мама ушла искать знакомых в городе, а я остался с тетей Аней. Мама пришла промокшая от дождя и усталая. Она сказала, что папа уехал домой. Завтра и мы поедем. Вечером дядя играл на аккордеоне — так хорошо.

14 апреля. Утром я проснулся и спросил маму: "Огони?" Да, еще в вагоне, сынок. Теперь скоро будем дома. Я покушал картошки, немного молока и стал играть. Мама готовила вещи, я лег на голую палку и уснул. До самого Куйбышева я спал, и маме пришлось меня разбудить: "Вставай, Павлик, ведь мы приехали домой, скорей вставай!" Она быстро одела меня, и поезд встал. Мама увидела в окно дедушку и друзей и выбежала к ним. Все взяли вещи, а мама — меня, и мы пошли. На трамвае доехали домой, встретились с бабушкой, которая заплакала при виде нас, вспоминая о папе. Все целовали меня.

Мы поблагодарили Отца за все и сели обедать. С нами были Маруся, Нюся и пришел Толик Зенков, которого я узнал и назвал "Толя". Через полчаса пришла баба Дора, пробыла недолго ушла.

Вдруг пришли два дяди, большие, в шинелях, и стали хозяйничать в доме. Мама меня отдала дедушке. Я немного побыл у него и стал плакать и звать маму. Мама взяла меня на руки, укачала и я уснул. Мама спросила дядю, можно ли меня положить на кровать. Они разрешили, я спал недолго, проснулся. Дяди все еще ходят по комнате и вытаскивают из сундуков все. Книжки кладут на стол, все смотрят и что им нравится, берут себе. Мама сказала мне, что у этих дядей спрятан мой папа, я посмотрел на них и отвернулся. Ушел играть с Гогой. Потом дяди забрали книжки и письма (они чуть не унесли мой дневник), уехали, а мама стала убирать в комнате. Убирала она два дня. Я ничего не понял и весело играл с Гогой.

24 апреля. Воскресенье. Сегодня большой праздник, мама утром надела на меня все чистое и дала мне и Гоге яички: голубое и красное. Голубое я расколосил и съел, а красное было деревянное, открывалось, и в нем лежало еще желтое, и им стало хорошо играть. На улице дождь, и мама утром ушла, понесла папе вещи. Днем мы с мамой ходили к Доре, вечером играли, только мама невеселая. Она говорит, что когда папа был дома, то в этот праздник у нас было очень хорошо, а сейчас ей скучно, больно, что нет папы, и даже она не смогла передать ему булочки — не разрешили. Я очень люблю папу и все смотрю на карточку — скорее бы он приехал!

20 мая. Мама очень расстроена из-за папы, она была у дяди, где папа, и узнала много плохого. Она целует меня и обнимает и смотрит на меня, а я ей говорю: "Белый, чистый!" Я думаю, что она смотрит, чистый ли я.

26 мая. Вчера вечером сильно капризничал, режутся зубы, болит рот. Плохо кушал. Папы еще нет, мама ждет и говорит мне, чтобы я любил и не забывал папу. Я его помню и очень люблю, кушаю вместе с ним. Карточку рядом ставлю и кушаю и ему даю ложечку каши и супа.

... Она облокотилась обеими руками на стол, подперла ладонями голову и думала, думала:

"Боже мой! Вернулась с фронта, всю войну прошла, отдавала все. Он тоже вернулся с фронта. Наконец после многих мытарств и после всяких приключений началась нормальная жизнь. Он все отдавал учебе и научной работе, я работаю не покладая рук. Бог дал нам малютку, и вот — все разбито, изорвано, покалечено... за что? То, что он был искренне верующий и преданный Христу, стремился поступать по Его учению, проповедовал Евангелие и звал людей ко Христу — разве это преступление? Разве за это я должна остаться без мужа, а этот малютка — расти без отца?"

Почему так поступают с теми, кто от души следует за Христом? Ведь в нем не было ничего такого, что бы настраивало его против власти. Но неужели, неужели правда не восторжествует? И эти

злые, потоптав всякие ленинские положения о веротерпимости, будут чернить его и осудят.

Неужели такая дикая несправедливость возможна в нашей прекрасной стране? Неужели нет людей, которые могли бы остановить этот произвол и восстановить справедливость?"

Ока видела, что все следствие было сплошь ложное. Ни с того ни с сего стали обвинять и ее, что она якобы желала гибели и мщенья современной власти, и все это — на основании текстов псалмов, которые она, не выбирая по смыслу, ставила мужу для назидания в Слове Божьем. Старались доказать, что и она сама настроена антисоветски, контрреволюционно. И вдобавок — это нелепое, возведенное на мужа обвинение, что он якобы "жил со многими молодыми сестрами". Кругом только ложь и подлость. Где же правосудие? Где же? О, Боже!..

А машина следствия с пристрастными допросами продолжала работать день и ночь. Вызывали и допрашивали тех, которые знали Леву. Наконец стариков приглашать перестали, а увидели, что нужно создать обвинение в подпольной молодежной баптистской антисоветской организации. Поэтому и стали привлекать к допросам и показаниям только молодежь. И в качестве свидетелей отбирали тоже молодежь, как будто бы Лева не вел никакой духовной работы для спасения грешников среди пожилых людей. Это, конечно, он делал, но совращения в веру пожилых решили не ставить

ему в вину.

Тартаковский говорил ему:

— Вы не думайте, что нам легко набрать против вас свидетелей. Упорно не хотят говорить, что именно вы совратили их в веру. Не от вас и не через вас покаялись. Комсомольцы вначале говорят, что вы никогда не уговаривали их выходить из комсомола, но... мы умеем вести следствие, умеем! — грозно протянул он. — И они раскалываются и признают, что вы убеждали их выходить из комсомола. В своих показаниях, раскаиваясь, они подписывали, как они страдали душой, оставляя родной комсомол.

— Это ложь, ложь! — твердо говорил Лева.

— Хорошо, мы вам устроим очную ставку.

Однажды Леву вызвали днем. За столом сидел Тартаковский. Он сказал, что сейчас будет очная ставка с одной из сестер, которая вышла из комсомола якобы под влиянием наставлений Левы. В комнату ввели девушку из Чапаевска — Тамару. По ее испуганному виду, дрожащим бегавшим глазам Лев понял, какую большую психологическую подготовку пришлось провести "органам" для того, чтобы заставить ее говорить ложь.

— Тамара, Тамара, как я рад видеть тебя!

— А вот мы сейчас зачтем ее показания, — сказал следователь. И он стал читать, как Тамара показывала, что она познакомилась с верующими, стала посещать баптистские собрания в Чапаевске, покаялась, а потом Лева уговорил ее оставить комсомол. — Подписывайся! — предложил Тартаковский.

— Она подошла к столу, дрожащей рукой, не садясь, стала подписывать.

Лев смотрел на нее, и сердце его горело только любовью, только состраданием к этой юной, духовно слабой сестре. Она только-только пошла за Иисусом, и вдруг такая буря ринулась на нее!

— Тамара, — сказал Лева. — Я нисколько не обижаюсь на тебя, что ты неправильно показала, что я говорил тебе о выходе из комсомола. Я понимаю твое состояние, буду продолжать молиться за тебя и верить, что тот огонек, который зажегся в твоем сердце, будет благословением тебе в жизни.

— Это вы что, здесь еще вздумали агитировать? — закричал следователь. — И здесь еще пропаганду разводите, хотите ее опять вовлечь? Замолчите!

Он тут же постарался поскорее выпроводить свидетельницу.

— До свидания, до свидания, Тамара. Я никогда тебя не забуду и желаю тебе только хорошего! — искренне, с любовью в голосе говорил Лева.

— Вот видите, — торжествующе сказал следователь, — она подписала, дело оформлено, факт остался фактом, что вы отвлекали людей от общественных организаций. Вы преступник, и тяжелый преступник. Не только это, но мы имеем факты, что ваша деятельность могла вести к подрыву Советской Армии. Что молчите? Это факты! — Он достал протокол допроса. — Володю Шапошникова знаете?

— Да, это сын брата Алексея Ивановича Шапошникова. Он тоже покаялся и стал приближаться к Богу.

— Ну, это колеблющаяся личность. Он вроде от вас и отходит, а вот существования Бога никак не может отрицать. Но мы надеемся — вправим ему сознание. Так вот, он показывает на вас, что слышал, как вы в доме его отца говорили, что лучше сидеть в тюрьме, чем идти в Советскую Армию. Говорили? Признавайтесь, говорили?

— Признаваться мне не в чем, потому что это противно моим убеждениям, и так говорить я не мог, Я считаю службу в армии своей гражданской обязанностью и сам служил в армии.

— Бросьте ссылаться на ваши убеждения. У вас их никаких нет. Вы просто враг, урод, урод. Вспомните, ведь говорили так? Припомните?

— Мне припоминать не приходится, я точно знаю, что так говорить я не мог.

— Так-так, — сказал следователь, — конечно, вы нам можете сказать, что показаний одного свидетеля еще недостаточно. Кстати, вы с Володей Шапошниковым не во вражде? Может быть, он умышленно показывает на вас ложное?

— Нет, я с ним в хороших отношениях, — сказал Лева.

— Вот видите, это для суда будет очень важно. Следовательно, нет данных, что Шапошников показал на вас ложное. Да, но показание одного свидетеля недостаточно. Так вот, да будет вам известно, что ваш помощник Юрий Лаврентьевич Рязанцев, который сейчас находится под следствием и сидит в заключении, признался, что слышал от вас эти самые слова, что лучше сидеть в тюрьме, чем идти в Советскую Армию, и подписал протокол. Так что два живых свидетеля, которые не в ссоре с вами, ваши близкие, не скрыли вашу гнилую сущность и оба подтвердили те же слова. Теперь вы приперты к стене. Признавайтесь!

— Я этих слова не говорил. Я еще раз вам говорю, что считаю службу в армии гражданской обязанностью каждого верующего.

— Хорошо, хотите, я устрою вам очную ставку и вот здесь будут стоять Рязанцев и Шапошников и будут обличать, что вы лгун, их руководитель, лгун. Не стыдно ли вам будет тогда?

— Что угодно делайте, — сказал Лева, — но ложь я никогда подтвердить не соглашусь. Так я никогда не говорил.

Леву увели в камеру. Тяжело ему было. Правда, это не первый удар в грудь, в сердце. Он помнит, когда гораздо выше и старше его духовно близкие говорили на него ложь. Он понимал систему этой машины, которая фабрикует ложные показания; он понимал, как вынудили показать на него и Володю и Юрия, не осуждал их, но все-таки было больно. Больно, что мы, верующие, не способны бываем из-за страха отстаивать истину.

Допросы продолжались. Следователь продолжал кричать, шуметь, и наконец в присутствии Снежкина и следователя ему была дана очная ставка со Славой Беляниным.

— Вы друг друга знаете? — спросил следователь. Вместо ответа друзья обнялись и расцеловались. Снежкин

рассмеялся:

— Вот видите, какие мы гуманные люди, даже разрешаем вам целоваться!

— Так вот, Слава Белянин показывает на вас что вы знали, что он работает дружинником, и отвлекали его от этой полезной общественной деятельности, советовали ему, как он и подписал это, отстраниться от этой работы. Ну, а что он комсомолец, он показывает, что вы не знали об этом.

— Говоря правду, — сказал Лева, — я никогда не отвлекал его от работы дружинника и не нахожу ничего плохого в том, что он, будучи христианином, делает полезную работу, и делает добросовестно. Ну, а то, что он комсомолец, об этом, представьте себе, я знал.

Славик оживился и твердо сказал:

— Все, что говорит Смирнский, правда, а все, что я вам подписывал, ложь, и я каюсь в этом и не буду все это подтверждать и подписывать.

Следователь и Снежкин взволновались, пытались было прикрикнуть на Белянина, но тот, возбужденный, не обращал никакого внимания на их угрозы.

— Ну, ладно, ладно, — сказал следователь. — Тут еще есть один вопрос: после того как побывала на очной ставке Тамара, между верующими распространился слух, что вас на следствии бьют и выбили вам зубы. Скажите Белянину, как с вами обращаются.

— Обращение со мной очень хорошее, — сказал Лева. — А то, что у меня сейчас нет верхнего переднего зуба, так это не потому, что у меня выбили его, а потому, что у меня на этом месте был зубной протез, и его при помещении сюда, во внутренней тюрьме, отобрали.

— Почему же отобрали? — удивился Слава Белянин.

Не успел следователь сказать что-либо, как Лева вставил:

— Полагают, что в протезах вделан яд и подследственный, сломав этот протез и выпив этот яд, может умертвить себя. А так я должен сказать тебе: передай всем, что отношение ко мне очень хорошее.

Лева не стал спрашивать Славика, как его допрашивали как "свидетеля", чтобы он подписал ложь. Ему я без слов было ясно, что эти люди своей агрессивной психической атакой нарушали и без того наследственно неустойчивую психику Белянина.

То обстоятельство, что Славик Белянин в дальнейшем течении своей жизни не раз и не два находился на обследовании в психбольнице, подтверждает, какая тяжелая "ошибка" произошла в его сознании в результате этих допросов.

После очной ставки Славика с Левою он, Лева, мог только благодарить Бога за то, что хоть кое-где, а правда все же пробирается в этом неправильно составленном его деле.

— Отче, прославь имя Твое! — продолжал он молиться.

Глава 18. Любовь

(Встреча с прокурором)

"А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас".

Ев. от Матфея, гл 5, ст. 44

Однажды в камеру, в которой содержали Леву, ввели заключенного из другой камеры. Он был очень удручен и, видимо, сознавал, что следствие ведут так, что ему, пережившему ужасы немецких лагерей для военнопленных, придется побывать и в лагерях для "врагов народа". Временами он страшно горевал и сидел насупившись, смотря в одну точку. Лева подошел к нему и стал беседовать. Он оживился и спросил:

— Вы верующий баптист?

— Да, да, — ответил Лева.

— Так вам, может быть, будет приятно узнать, что я до этого сидел в камере вдвоем — тоже с баптистом, с Юрием Рязанцевым.

— Вот как! — воскликнул Лева. — Ну, как он, не унывает?

— Нет, бодрится. Но таскают его крепко. Он научил меня деть такую хорошую песнь, вот как раз для нас. Мы с ним пели, и на душе становилось легко. Давайте с вами потихоньку споем.

— А какая же это песнь? Как начинается? Какие слова? Заключенный задумался и сказал;

— Право, никак не могу вспомнить... Ни одного слова не могу вспомнить. Но песнь как раз для нас самая подходящая.

Лева стал перебирать слова различных гимнов: "Посмотри, вблизи потока...", "Радость, радость непрестанно...". Но на все его напоминания прибывший в камеру только качал головой:

— Не эта... Не эта...

Долго ломал голову Лева, какой же именно гимн научил его петь Юрий. Наконец сказал: "Когда одолеют тебя испытанья..."

— Вот, вот этот самый, — сказал, оживившись, новичок. — Давайте потихоньку споем его. Уж больно хорошие

слова.

И они тихо, тихо запели:

"Когда одолеют тебя испытания,
когда в непосильной устанешь борьбе
и каплю за каплей из чаши страданий
пить будешь, упреки бросая судьбе,
Не падай душою, судьбу не злословь;
есть вера, надежда, любовь.

Когда твое сердце заносит тоскою,
наступят скитаний тяжелые дни,
и зова душа не услышит к покою,
никто ей не скажет: "Иди, отдохни",—
ты вспомни, что греет и душу и кровь,—
то вера, надежда, любовь.

Постигнет ли в жизни утрата какая,
не плачь безутешно о ней никогда,
знай: участь начертана свыше такая,
решенье сбылось неземного суда,
и ты утешенья ищи и даров,
где вера, надежда, любовь.

Терпенья не станет, ослабнут ли силы,
в тумане сомнений потонет душа...
С девизом иди ты до самой могилы,
ведь жизнь и в страданье всегда хороша.
В ней большего счастья не может и быть,—
надеяться, верить, любить.

Да, вера, надежда, любовь, вот что дает многое, многое даже в самых ужасных условиях, сказал Лева.

— Надеяться хорошо, верить тоже хорошо, но любить... Как любить людей, когда кругом неправда? — спросил подсевший к Лева средних лет человек, голова которого уже покрылась сединой. — Сколько в жизни я видел несправедливости, бед. Что я, в самом деле нарочно, что ли, захотел немцам в плен попасть? Эх... — протянул он. — И вот теперь любить тех, которые меня допрашивают? Да ни за что!

— Христос учил нас и дал лучший путь. А Он говорит: "Любите врагов ваших". А у нас, у верующих, получается — вроде бы и врагов даже нет. Вот меня следовательно считает врагом, более того — врагом народа. А я его своим врагом не считаю. Просто — несчастный человек, ослепленный, бессильный поднять голову за справедливость. Христос говорит: "Благословляйте проклиняющих вас". Вот Снежкин — начальник отдела, по своей должности он явно проклиняет нас. Ну, а я правду говорю: готов только благословлять. Я понимаю, что Бог через него допустил мне такие испытания. Но все это — к славе Его и к укреплению веры...

— Неужели эти все ваши допросы вас еще больше укрепили в вере?

— О да! — сказал Лева. — Мне стало ясно, насколько мы счастливы, имея драгоценную веру Божию, и насколько, наоборот, бессильны, идеологически несостоятельны те, кто пытается разрушить эту веру. Чувствуя свое моральное и идейное бессилие, убедившись, что они не могут нас, верующих, перевоспитать, они прибегают к методам тюрем и лагерей, совершенно пренебрегая при этом указаниями Ленина, как нужно бороться с религией. Христос также говорит: "Благоволите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас..."

Лева не успел окончить, его перебил тот, кто сидел с Рязанцевым:

— Да, это я скажу, что ваш напарник так и делает, он молится и о твоём следователе, и обо всех, которые на него показывают...

— И я тоже молюсь, — сказал Лева. — Но я думаю сделать еще больше, как там написано: "благоволите", для своего следователя. Он так в последнее время кричит, что, мне кажется, рискует вовсе разрушить свою нервную систему. Я должен как-то о нем позаботиться.

— Как же вы это сделаете? — спросили в камере.

— Подумаю, помолюсь...

Следователь продолжал требовать, чтобы Лева во всем сознался, и если он не хочет отречься от Бога, то по меньшей мере, признал бы себя врагом советской власти.

Лева, наоборот, продолжал настаивать, что он ни в чем не виновен. В ярости следователь продолжал кричать на него, сжимая кулаки, но ничего не получалось. Наконец он, разъяренный, подскочил к Лева и закричал:

— Скажи, кто ты? Сын Божий? — Он занес руку, сжатую в кулак, намереваясь ударить Лева под ложечку. Молнией мелькнула у Лева мысль, почему он спрашивает? Для еврея, по мнению Лева, название "сын Божий" — самое противное.

Лева тихо ответил:

– Какой я сын Божий? Я только дитя Божье.

– Дитя, дитя... — закричал Тартаковский, обдавая Леву слюной и размахивая кулаками. Однако он Леву не ударил.

– Больше вам я ничего отвечать не буду, прошу вызвать прокурора, дайте мне бумаги, я напишу заявление, чтобы он пришел. Имею я право вызвать прокурора по надзору за органами МГБ?

– Конечно, конечно, он вам покажет, он вас в порядок приведет.

– Не думайте только, что я хочу вызвать прокурора, чтобы сделать вам зло; наоборот — добро.

На следующий допрос явился прокурор Чекменев, который вел надзор над работой следствия. МГБ. Он посмотрел на Леву взглядом, полным презрения. Лева сказал, что хотел видеть его по двум причинам: во-первых, он находит, что следствие приходит к совершенно неправильным выводам и вместо того, чтобы его оправдать и освободить, все направлено на его осуждение.

Прокурор сказал: дело он просматривал и находит: все ясно, он, Смирнский, является закоренелым преступником, для которого не может быть никакого снисхождения.

— Второе, почему я вас хотел видеть, — сказал Лева, — заключается в следующем: меня очень беспокоит здоровье, психическое состояние следователя Тартаковского. Он много работает, много кричит и выходит из себя: это, конечно, ведет к разрушению его здоровья.

И Лева просил, чтобы как-то обратили на него, следователя Тартаковского, внимание — не с целью его наказания, а для облегчения его труда.

На это прокурор сказал, что это "не может быть", чтобы Тартаковский расстраивался и выходил из себя.

– Тут вас много таких, как вы, но с вами он, конечно, не может расстраиваться, так что о нем не беспокойтесь.

– Я христианин, — сказал Лева, — мой долг не только молиться за тех, кто нас обижает, гонит, но и всячески делать добро им...

– А, бросьте все это! Вы будете осуждены, я выступлю обвинителем по вашему делу и буду требовать для вас самого большого наказания: вы — закоренелый преступник.

Вернувшись в камеру, Лева размышлял, что же означает поведение Тартаковского. В самом ли деле он кричит, раздражаясь и свирепея, или же он просто артист, который воплощается в рассвирепевшего, гневного человека, а на душе у него полное равнодушие?

Нет, наблюдая своего следователя, Лева не сказал бы, что он артист, искусный актер. Он действительно переживал за дело, которое вел, и за реализацию тех задач, которые перед ним ставило начальство, выходил из себя и психовал, когда терпел неудачу. Действительно, его сердце было наполнено злом по отношению к верующим.

Лева слышал, как ночью, во время допросов в соседних кабинетах, когда открывались двери, до него доносились удары кулаком по столу, топание ног. Все это были, вероятно, различные психические приемы, чтобы вызвать у подследственных "ошибку" и во что бы то ни стало добиться от них нужных показаний.

Не исключена возможность, что среди заключенных были и настоящие преступники и врага, но они были вовсе не заметны среди общей массы неповинных арестованных.

Глава 19. В огне переживаний

(Дело закончено. Обвинительное заключение)

*"Каждого дело обнаружится: ибо день
"кажет, потому что в огне открывается, и
огонь испытывает дело каждого, какова оно
есть".*

1 посл. к Коринфянам, 2-13.

После встречи с прокурором Лева стало вполне ясно, что прокурор — это только деталь общей машины, которая не столько "расследует", сколько — осуждает. Искать у него правды или какой-нибудь справедливости не приходилось. То, что он смотрел на Леву только как на "закоренелого преступника" и ничего не видел: ни его души, ни убеждений — все это говорило о том, что он — один из тех многочисленных и заурядных прокуроров, которые без стеснения совести помогают Берии и его сообщникам свершать свои гнусные дела.

Но Лева как был, так и остался неисправимым идеалистом. "Возможно, — думал он, — в Москве больше справедливости, и если Москва будет рассматривать его дело, — ведь в нем ничего антисоветского нет! — то придет к совершенно другим выводам, и все следствие будет пересмотрено, а он будет освобожден". Ему стало ясно одно, что здесь, в Куйбышеве, он не видал правды, как ни старался, в 1935 году, он не видит ее и теперь и нужно писать в Москву.

На следующем допросе Лева сказал, что он больше никаких показаний давать не будет и требует, чтобы весь следственный материал был передан в Москву, а там рассмотрят его дело.

Следователь усмехнулся:

— Что же, вы нам не доверяете? По-вашему, мы не представители советской власти?

— Нет, я вам доверяю и считаю, что вы представители власти и молюсь за всех, желаю вам только хорошего; но по тем или иным причинам следствие идет извращенно, от свидетелей получают лживые показания. Я прошу

направить все в Москву, и пусть там изучат и примут участие в расследовании моего дела.

— Значит, вы отвечать больше отказываетесь?

— Да, совершенно отказываюсь.

— Ну хорошо, посмотрим.

Он позвонил, и Леву опять забрали в камеру.

Погода стояла жаркая, в камерах было страшно душно, лил пот. Передачи Лева по-прежнему не передавали.

Вот тут-то ему очень пригодился тот засушенный лимон, который он привез из Средней Азии. От него Лева отламывал крошечный кусочек, клал в рот и пил с ним горячий чай. Эта лимонная кислота способствовала утолению жажды. В то же время она, конечно, была источником витамина "С", как бы ни было минимально его количество.

Леву не вызывали почти неделю. Затем опять вызвали.

— Ваше дело закончено, — сказал он. — Вы обвиняетесь по статье 58 Уголовного кодекса, часть 2, пункт 10 и по пункту 11. Знаете, что это означает?

— Да, знаю, — ответил Лева.

— Но я все-таки вам прочту.

Тартаковский достал Уголовный кодекс и прочел, что Лева обвиняется по пункту 10, часть 2, "в использовании религиозных предрассудков масс с целью контрреволюционной агитации и пропаганды для свержения существующего строя, и по пункту 11 — в участии в контрреволюционной организации, действующей для свержения советской власти.

— Конечно, вас не расстреляют, — сказал следователь. — Сейчас расстрелы заменяются 25-ю годами. Вы получите заслуженное наказание, а пока вот садитесь за стол, читайте все свое дело и распишитесь, что вы ознакомились с его содержанием.

Это было объемистое дело. Оно содержало допросы как самого Левы, так и свидетелей из молодежи.

Лева уселся читать его, но так как он был сильно истощен и утомлен допросами, то не был в состоянии более глубоко вникать в сущность всего, а фактически лишь бегло просматривал материал.

Казалось бы, ничего особенно плохого не было, отражалась его деятельность, поездки, общение с молодежью, встречи. Лишь местами были резкие искажения — такие, как высказывания Володи Шапошникова или Зайцева, а также о том, что он (Лева) "отвлекал от комсомола", показания Тамары и некоторые другие неправдоподобия. Но не было данных, что он клеветал на советскую действительность, высказывался против правительства или выражал чем-либо недовольство. Казалось, к такому делу совершенно не подходят предъявленные статьи.

— Обвинительное заключение вы получите позже, — сказал следователь.

Через несколько дней его вызвали из камеры с вещами. В коридоре начальник тюрьмы вручил ему обвинительное заключение, напечатанное на машинке на тонкой бумаге, и тут же его отвели в отдельную спецкамеру.

Оставшись один, Лева стал читать обвинительное заключение. С первых же строк глаза его расширились от изумления и сердце забило от негодования. В этом обвинительном заключении на

папиросной бумаге говорилось, что органами МГБ раскрыты тайные молодежные баптистские контрреволюционные организации, которые возглавлял Смирнский. В течение ряда лет эти организации действовали на территории Куйбышевской и других областей, они вовлекали молодежь в баптизм, отвлекали от общественной деятельности, вырывали из комсомола. Организацией руководили Смирнский и его помощник по Чапаевску Рязанцев, которые арестованы, и на основании таких-то и таких-то статей дело после расследования передается суду. Подследственные обвиняются по таким-то статьям, до суда содержатся там-то, в суд надлежит быть вызванными такие-то и такие-то свидетели. Был большой перечень молодежи, и ни одного взрослого, пожилого...

Чем больше Лева вдумывался и вчитывался в текст обвинительного заключения, тем больше душа его наполнялась негодованием и смущением. Это была явная, сплошная несправедливость.

Он лег на откидную койку для сна, время было уже спать. Сердце билось страшно часто — не сосчитать. Все его существо не соглашалось со сделанными в обвинительном заключении выводами. Ведь никакой "подпольной контрреволюционной организации" не существовало, даже не было религиозной организации. Все они были членами или приближающимися — верующими членами общин евангельских христиан-баптистов и не помышляли устраивать какую-либо "молодежную организацию", а работали и трудились для Господа и в среде своих общин, как члены единого организма. Вся эта "контрреволюционная молодежная организация" была чистым вымыслом, и даже в разговорах она не существовала, а если и существовала, то только здесь, на бумаге и в воображении следователей и их сподвижников.

Лева не мог заснуть. Он видел, как в волчок непрестанно наблюдал за ним бодрствующий глаз, и подумал: за ним, видимо, наблюдают так пристально именно потому, что другие люди, получив всякие нелепые обвинения против них, не выдерживали и в отчаянии, что не найдут правды, предпринимали попытки покончить жизнь самоубийством.

Лева буквально горел в огне тяжелых переживаний за эту дикую несправедливость, за эти дикие лживые выводы, к которым пришло следствие.

Ведь в результате все построено так, что предъявленная статья говорит только о его враждебности, контрреволюционности, а не о подвигах христианской веры. Лева имел полное моральное право и основание — ненавидеть, проклинать этих бессовестных, поправших все правдивое. Но он молился за них, и никакое чувство — самое малейшее — ненависти к ним не проникало в его сердце. Он понимал, что это — результат борьбы со Христом тех, кто (безуспешно) хочет стереть имя Спасителя с лица земли. Он отчетливо сознавал, что не его терзают, а терзают Христа, Которого распяли в древние времена и Которого жаждут вновь распять современные враги Его.

Глава 20. Испытанная вера

(Суд и приговор)

"Дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого, золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа".

1 посл. ап. Петра, 1,7

Наконец настал день, когда Леву вывели с вещами и тут же посадили в "черный ворон". Вместе с ним посадили и Юрия Рязанцева. После долгой разлуки братья встретились. Однако поговорить им не пришлось: некто, сидевший в "черном вороне" вместе с ними, следил за ними и не разрешал разговаривать. Их привезли на площадь, где стоит памятник великому вождю революции Владимиру Ильичу Ленину.

Машина остановилась перед зданием суда. Кругом у входа и по лестницам было много народа. Это были члены общины, братья и сестры, пришедшие, чтобы увидеть гонимых за Слово Божие. Это пришли родные как Рязанцева, так и Смирнского. Когда их вводили в здание, раздались приветственные возгласы близких:

— Как вы себя чувствуете? — спрашивали они. В ответ Лева громко воскликнул:

— Слава Богу! Да будет слава Богу!

А про себя продолжал шептать все ту же молитву:

"Отче, прославь имя Твое!"

Их ввели в особое помещение, где содержатся подсудимые перед выводом в суд. Родные хотели передать передачу, но конвой не разрешил. Это не потому, что он был жесток, а потому, что это было "не положено". Законы, как всегда, были простые и ясные, но всегда находились такие крючкотворцы, такие любители обсасывать их и обволакивать сетью всевозможных пунктов и подпунктов, примечаний и разъяснений ("заповедь на заповедь, правило на правило, тут немного и там немного"), что от простых и ясных законов мало что оставалось, все тонуло в бездне всевозможных "положено" и "не положено", выдуманных этими крючкотворцами.

Держали их отдельно, и говорить между собою они не могли.

Пришли защитники для того, чтобы сказать, что они будут их защищать и выступят на суде по их делу. Лева категорически отказался от защиты, мотивируя тем, что он — христианин, последователь Христа, а Христа судили без защиты, и у него был только один Защитник — Бог. Как ни уговаривали его принять хотя бы государственного защитника, он категорически отказался.

Записали, что Смирнский отказывается от защиты по религиозным убеждениям. Юрий Рязанцев от защиты не отказался. Это давало прокурору "право" выступить по их делу.

На суд пришел и следователь Тартаковский. Он был очень мрачен и заметно волновался. Видимо, следуя его указаниям, на суд не допустили никого из посторонних. Все братья и сестры и все родные были удалены. Вызывались и присутствовали только свидетели. Последовала обычная процедура объявления состава суда, кто прокурор, кто народные заседатели, защитник и т. д. Лева и Юрий сидели на скамье подсудимых, окруженные молодыми солдатами. Те с интересом — видимо, редко бывали на судах — наблюдали судопроизводство. Лева молился: "Отче, прославь имя Твое!"

И вдруг ему ясно, как никогда, предстала картина суда над Спасителем. Ложные вопросы, ложные свидетели, поток обвинений, а Он молчит. И тогда, когда уже выступили лжецы и стали показывать, что Он собирается разрушить Иерусалимский храм, Он не оправдывался, а продолжал молчать. Молчал при любой клевете, не защищался. И Леве стало ясно, что защищаться от клеветы и нелепых обвинений не нужно, это совершенно бесполезно. Нужно идти по стопам Христа, терпеть и побеждать все силой веры: не возмущаться, а только верить и смотреть на Спасителя.

И Лева — не искусственно, а на самом деле — стал совершенно равнодушным и безразличным ко всему ходу суда. В большинстве случаев, когда появлялись свидетели, он даже не поворачивал к ним головы, а сидел с полужакрытыми глазами, как бы дремал, и на душе у него был полный покой.

Сообщили, что некоторые свидетели не могли явиться. Так, например, Евстигнеев находится в другом городе. Суд нашел возможным вести дело при данном составе свидетелей.

Задавались вопросы Рязанцеву и Леве по ходу дела. Лева отвечал: "Да, нет".

Когда их во время перерыва повели опять в их помещение, один из конвоиров сказал ему:

— Что ты все берешь на себя? Говори и на других что-нибудь... Лева улыбнулся и ничего не сказал.

Начался допрос свидетелей обвинения. Все они подтверждали то, что было записано в протоколах допроса, а когда судья обращался к Леве:

Подсудимый, имеете ли вы какой вопрос задать свидетелю? Лева неизменно отвечал равнодушно, спокойно:

— Не имею.

Вызвали следующего свидетеля. Вышел маленький юноша, почти мальчик. Он стал говорить и подтверждать, что Смирнский беседовал с ним и посоветовал ему не вступать в комсомол.

Лева был близко знаком с его старшей сестрой и приходил в их дом, но с этим мальчиком не имел никаких разговоров.

— Так вы, значит, подтверждаете, что он вас уговаривал не вступать в комсомол? — спросил судья.

— Да, уговаривал, — сказал мальчик и вдруг заплакал и закричал: — Хочу в комсомол! — Запишите меня в комсомол!

— А ты в Бога веруешь? — спросил судья.

- Верую, — сквозь слезы отвечал парнишка.
- Вот когда перестанешь веровать в Бога, тогда и запишем в комсомол. Успокойся! — сказал судья.
- Смирнский, вы имеете какой вопрос к свидетелю?
- Нет, не имею.

Суд вызвал свидетельницу Валю, молодую девушку, которая много помогала Леве в его работе. Она участвовала с ним в поездках и каждый понедельник приходила к нему, чтобы помогать в ведении корреспонденции. Было время, когда она спросила пресвитера общины В. А. Кузнецова: "Меня вызывают в органы, как мне быть?" Тот ответил: "Говори только правду". С этим же вопросом она обратилась и к Леве. Он сказал ей: "Спрашивай об этом у Бога и поступай по совести".

Конечно, ложь нигде не допустима, но Иуда не лгал, он предал Христа. Из наблюдений за Валею и некоторыми ее "пояснениями" Лева ясно понял, что она вынуждена была осведомлять обо всем МГБ. Лева видел, как она вписывала в свою книжку адреса, чтобы передать затем "ям" о его переписке. Но он не огорчился этим, а размышлял так: "Пусть больше знают, пусть увидят, что он занят только служением Христу, и убедятся, что в его переписке нет ничего враждебного и антисоветского".

Понятно, Леве было хорошо известно евангельское изречение о том, что "соблазны должны прийти в мир, но горе тому, через кого они приходят". Как выяснилось, покойный пресвитер Василий Алексеевич Кузнецов тоже был осведомителем, и на допросах Левы отозвались о нем с похвалой: "Царство ему небесное — хороший был человек!" К "некачественности" его осведомительной деятельности в МГБ относили то обстоятельство, что он "все точно рассказывал о пятидесятниках, а о своей общине кое-что утаивал".

Затем внимание Левы снова переключилось на Валею. Ее стали расспрашивать о том, как она помогала Леве, и о случае, который был в его семье, случае, выявляющем якобы все "лицемерие" Левы. Валя рассказала, что однажды Павлик, их маленький сын, сильно заболел. Мария Федоровна, его мать, будучи сама детским врачом, усиленно его лечила. Однако ничего не помогало. Ребенка рвало, и никакие лекарства он не принимал — был слаб. Тогда Лева сказал нам, молодежи, что нужно прилежно молиться Богу, чтобы Павлик остался жив. Мы молились, Павлик остался жив, и Лева сказал, что это — прямое следствие наших молитв о мальчике.

После этих слов Валею поднялся прокурор и обратился к суду за разрешением — дать ему слово. Ему дали.

— Вот вы видите, граждане судьи, — начал он, — и все присутствующие, что за физиономия этого преступника, какой он негодяй. Сам учится в мединституте — отличник, учится для того, чтобы использовать достижения современной медицины для лечения больных, и в то же время дурманит молодежь, говорит: "Молитесь, Бог поможет". Зачем ему было учиться, прикрываться медициной, которой он не верит? Он — рассадник дурмана.

— Я и теперь верю, — сказала Валя на слова прокурора, — что, когда мы молимся, Бог слышит и помогает.

Прокурор простер руку на свидетельницу и воскликнул, смотря с гневом на Леву:

— Вот плоды ваших преступных трудов!

Лева засиял от радости и громко, ясно сказал:

— Слава Богу!

Что-то говорил защитник Юрия Рязанцева. Из его речи было ясно одно — что он в вопросах Евангелия совершенно не разбирается и сам точно не понимает, что говорит.

Прокурор говорил зло и требовал для Левы самого высшего наказания.

Затем последнее слово было предоставлено подсудимым. Юрий Рязанцев просил о снисхождении к нему. Лева встал и сказал:

— Собранные и предъявленные суду материалы и целый ряд свидетельских показаний лживы и не соответствуют действительности. Что он проповедовал Евангелие, это факт. Что он привлекал ко Христу людей всех возрастов — это тоже факт. Факт также и то, что он христианин и будет исполнять повеление Христа до конца. А выводы, которые делаются из всего этого, и предъявленное обвинение в подпольной контрреволюционной молодежной организации — абсурдны. Он, Лева, готов страдать за Христа, но просит: для того чтобы суд не был виновен в его обвинении, не выносить решение, а передать его дело в Москву, и там оно будет заново пересмотрено.

— Если вы считали, что показания свидетелей неправдивы, то как жаль, что вы не задавали вопросы. Это внесло бы ясность в ваше дело, — сказала судья.

— Это бесполезно. Христос не задавал вопросов ложным свидетелям и не оправдывался. Христос страдал и терпел, и нам надлежит страдать и терпеть.

Суд удалился на совещание.

Перед зачитанием приговора в зал суда были впущены все желающие. Масса верующих Куйбышевской, Чапаевской общин. Были родные подсудимых. Старушка — мать Левы — села впереди. Невдалеке сел и пожилой отец Юрия Рязанцева, с длинной узкой бородкой. Почти рядом сидели две матери, жены: одна — жена Юрия, Вера, с совсем маленьким ребенком; другая — жена Левы, с маленьким мальчиком Павликом, который все вырывался побегать. Подсудимые не спускали глаз с дорогих близких. Сколько их здесь, сколько сочувствующих взглядов! — Встать, суд идет! — раздалось.

Все встали. Вошли судьи, и началось чтение приговора. Юрия Рязанцева приговорили к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Лева Смирнский был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Все замерли.

Далее было зачитано, что на основании каких то постановлений правительства расстрел заменяется заключением сроком на двадцать пять лет.

После чтения приговора судья обратился к осужденным:

— Вам понятен приговор?

— Да, понятен, — сказал Лева. — За все слава Богу. Да простит вам Бог все, вы не знаете, что творите...

Мать Левы, обратившись к осужденным, громко сказала:

— Не унывайте! У Господа тысяча лет как один день и один день как тысяча лет.

Раздались приветственные, ободряющие слова из Евангелия.

— Уведите осужденных, уведите скорей! — со злобой закричал прокурор. Он был страшно разгневан. Во время суда он вея себя в высшей степени раздраженно; например, потребовал ареста одной из сестер — Маруси, которая отказалась подтвердить свои показания, заявив, что они не верны.

Но Лева искренне желал, чтобы Бог простил всем: и Снежкину, и Тартаковскому, и судьям. Ибо поистине они не знали, что творили, в эти страшные годы.

Глава 21. Он знает

(Этап)

"До Он знает путь мой; пусть испытывает меня, выйду, как золото".

Кн. Иова, 23,10.

Если бы не Господь был поддержкой для родных, то они от этого приговора разразились бы плачем, но упованием на Бога укреплялось их душевное состояние. Они твердо знали, что путь их дорогих в руках Иисуса. Он испытывает их, и они будут еще чище. Упование на Бога укрепляло и самих приговоренных. Больно расставаться с дорогими близкими, с родителями, с мамой, с маленьким сыном, но упование на Бога укрепляло их. В дневнике Павлика, где жена Левы записывала его развитие, 17 августа 1949 года она записала:

"Суд. Сегодня мама увезла меня на трамвае, сказав, что поедет к папе. Я был в большом доме, где бегал по коридору и лестнице. Папу увидел два раза по четверть минуты. Дома рассказывал, что видел папу, что он уехал на машине. Мне один год и девять месяцев, я много говорю и понимаю. Но почему папа не с нами, я еще не знаю. Мама плакала. Я ей сказал: "Не плачь, мама, я люблю тебя крепко, крепко", — и поцеловал маму. А потом стал звать ее гулять. Я очень люблю гулять с мамой".

В тюрьму МГБ Леву и Юрия привезли в одной машине, а потом посадили в разные камеры, говорить им друг с другом почти не пришлось. Но из отрывочных слов Юрия Лева понял, что он остался верен Богу и ни на какие сделки с совестью не пошел.

Приговоренным дали возможность обжаловать приговор в высшей инстанции. Оба обвиняемых написали жалобы. Принимая их заявления и услышав о тяжести приговора, дежурный по охране сказал, что надежды на отмену или смягчение приговоров нет никакой,

— Сколько я эти годы здесь работаю, — сказал он, — всегда высшие инстанции приговоры только утверждают. Да, было тогда такое время...

Прошло некоторое время, и им объявили, что каждый приговор утвержден без изменения. Родные стали готовить передачи (после суда теперь передачи разрешали), передавать теплые вещи, зимнее пальто, шапки. Лева был особенно обрадован тем, что среди переданных вещей оказались драгоценные листочки со Словом Божиим. Свидания с осужденными не разрешали, сколько об этом ни хлопотали их родные.

Томительно шли дни и часы. Хотелось скорей в дорогу — так тяжело было сидеть в этих камерах...

И вот, вызвали Леву, Юрия и еще некоторых осужденных, как всегда, тщательно обыскали и направили на станцию. Шли они вместе, моросил дождь...

Что впереди? Прощай, родной город! До свидания, дорогие, близкие родные! За что все это? Для чего все это?

Они ободряли друг друга.

В те годы, кстати сказать, никто всерьез не верил в эти исполинские сроки: четверть века! Все г— и родственники осужденных, и сами осужденные — в глубине души были убеждены, что в более или менее ближайшем будущем должны произойти какие-то перемены, и эти приговоры будут отменены либо значительно смягчены. Поговаривали также об амнистии. Но все это было впереди, в будущем...

Посадили их в столыпинский вагон, в одно отделение. Здесь наконец они смогли свободно побеседовать друг с другом. Юрий рассказал, как его арестовали, как сразу затормошили допросами. Он просто растерялся, так как попал в заключение в первый раз.

— Только Бог помогал мне, — сказал Юрий. Вот только я согрешил: показал на тебя неправду, — сокрушенно произнес он.

— Да, — протянул Лева, но как же так могло случиться?

— Ну, они взяли в оборот Володю Шапошникова, что ты будто бы говорил, что лучше идти в тюрьму, чем в Советскую Армию. Мотали, мотали его, он и подписал. Потом вызвали меня и говорят, что Смирнский говорил эти слова и при вас — это показывает Шапошников. Я стал отказываться, что таких слов никогда не слышал и при мне Смирнский ничего подобного не говорил. Тогда они стали сильно нажимать на нас, а Володя стал умолять меня подписать, иначе ему будет плохо. Я долго сопротивлялся, но потом — сам не знаю как — подписал...

Лева тяжело вздохнул.

Прошли годы. Володя Шапошников не потерял веру в Бога, однако ушел от Него. Он все больше и больше стал

выпивать, стараясь заглушить голос совести, и много горя причинил своей матери. Володя писал Леве, чтобы тот простил его грех, и каялся. Лева ответил ему, что прощает, любит его по-прежнему и желает, чтобы он продолжал быть таким же христианином, какими были его отец и дедушка.

Спустя некоторое время Шапошников снова прислал Леве письмо и опять каялся перед ним в своем ложном показании. Лева в ответ вторично прислал ему слова прощения и утешения.

...Стучали колеса вагонов, проходили станции за станциями. Куда их везут, друзья, само собой разумеется, не знали. Не знают они также и то, будут ли они вместе или их определяют в разные лагеря. Было достоверно одно — что Господь знает их путь, испытывает и выведет, сделает как драгоценное золото, огнем испытанное.

Уснули спокойно и спали хорошо. На их счастье, в столыпинском вагоне не было слишком тесно.

Наутро, помолившись Богу, делились друг с другом мыслями о грядущем, об ожидаемом...

— Я не знаю, что будет. Срок очень большой, — сказал Лева. — Я уж и так много перенес, и, возможно, придется смертью прославить Бога, уйти в вечность в этих страданиях. Что бы то ни было, я готов к этому. Для меня жизнь — Христос, а смерть — приобретение. Конечно, лучше выйти из этой плоти, разрешиться и быть со Христом. Только когда подумаешь, что сделал Он для нас и как мало мы сделали для Него, то понимаешь, что нужно остаться в этой жизни и быть светом для многих...

— Да, я думаю, что тебе не следует особенно унывать, — сказал Юрий. — Ведь у тебя специальность медицинская, тебе будет не так трудно, а там, глядишь, не может быть, чтобы все двадцать пять лет держали в заключении. А вот мне, — что я буду делать в лагерях? Я ведь химик, там это не пригодится, и придется работать на самых тяжелых работах. Правда, здоровье у меня неплохое и физический труд будет для меня полезен...

— Не будем смущаться, — предложил Лева. — Он знает путь, и Он силен сохранить тебя, переплавить, и ты будешь сильным работником на нивах Его.

— Дай Бог! — сказал Юрий. — Главное — это веру сохранить...

— Если бы мы не имели этих испытаний, — заметил Лева, — то, возможно, не были бы способны на жертвенный трудовой путь. А теперь Сам Господь будет воспитывать, укреплять, чтобы мы меньше занимались земным, а посветили себя делу. Когда они доехали до станции Петропавловск (это был Петропавловск казахский), начальник конвоя выкликнул Леву и некоторых других с вещами.

Друзья быстро распрощались. Леву ссадили, а Юрия Рязанцева повезли куда-то дальше, в Сибирь.

Друзья расстались. Надолго ли? Неужели встреча только на небе? Если люди не знают ни милости, ни сострадания, то Бог — Он милосерд. Он силен, Он знает, Он любит, Он усмотрит...

Глава 22. Избави от лукавого

(Петропавловская пересыльная тюрьма)

"И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого".

Ев. от Матф. 6,13.

Прибывший этап повели в большую Петропавловскую пересыльную тюрьму. Сюда прибывали этапы осужденных из разных частей России. Здесь формировали новые этапы и направляли в различные лагеря.

Камера, куда попал Лева, была большая, с обширными двухэтажными тарами по обеим сторонам стен. Была масса всевозможного народа. Особенно много было с Кавказа — чеченцев, ингушей. Большинство было по 58-й статье — "враги народа".

Вся эта атмосфера для человека, впервые попавшего в пересылку, показалась бы дикой. Все утопало в табачном дыме, кругом раздавались ругань, сквернословие. Люди ссорились из-за каждой мелочи, нервы у всех были взвинчены до крайности.

Но для Левы это было не ново. Не первый и не второй раз в жизни он попадает в пересылки. Конечно, но не мог сказать, как обычно говорят рецидивисты: "Кому тюрьма, а мне — дом родной".

Лева никогда не мог свикнуться с тюрьмой. Это было страшное дело, где нет моральных устоев, где веселье и радость вызывают грязные анекдоты, где Христос, Его любовь, как бы вовсе отсутствует для этих людей, опустившихся от злобы. Здесь ему трудно, трудно дышать — и физически и духовно. Но он верил и понимал так, что если Бог привел его сюда, то, стало быть, он нужен, он на пути к лучшему.

Среди заключенных ходили слухи, что ближайший большой этап формируется в Джезказган, на медные рудники. Как ни скрывала его от них администрация, это из всех лагерей были самые страшные, режимные.

Заключенные волновались. Никому не хотелось попасть в Джезказган, или, как его называли, степной лагерь Шахты, руда — вот все производство этих больших лагерей Лева молился.

— Господи, Ты Один знаешь, что для меня лучше. Мне говорят "там плохо". Если возможно, избавь меня от этих медных рудников, не введи во искушение, но избави от лукавого! Отче, прославь имя Твое!

В определенное время многие горцы — чеченцы и ингуши — как по команде, расстилали свои платки, преклоняли колена и начинали молиться Аллаху. Никакие поверки, окрики не могли оторвать их от молитвы. Молитва Аллаху была для них священна. Когда после отбоя все стали ложиться спать, Лева преклонил колени и стал молиться. Никто не помешал ему. Утром он сделал то же, обращаясь к Всевышнему.

— Ты в Бога веруешь? — спросил его пожилой чеченец.

– Да, верую, — ответил Лева, — за веру и попал сюда.

– О, это хорошо! — сказал чеченец.

Скоро его пригласили на левые верхние нары, где были кавказцы. И молодые, и старые, они смотрели на него дружелюбно, и один, самый старый из них, сказал, что все они очень уважают верующих.

— Кто в Бога верует, у того есть совесть, — сказал кавказец. — Кто в Бога не верует — совесть пропадает — плохой.

Кавказцы тоже очень волновались, в какой этап их направят.

– Я не боюсь, — сказал Лева. — Но только я верю, что Бог направит меня в самое лучшее место. Он избавит от лукавого.

– Это хорошая вера, — сказал молодой осетин. — У нас там тоже есть такие верующие, как ты, осетины.

– Смирнский! — раздался голос надзирателя. — Лева вскочил, подошел к двери. — Собирайся на свидание, к тебе жена приехала.

– Как же она могла узнать, что вы здесь? — раздался голоса заключенных. — И так быстро приехала!

– Я молил Бога, — сказал Смирнский, — и с молитвой вручил надзирателю маленькое треугольное письмо, адресованное домой. Вот, видимо, оно и дошло.

Леву вывели из камеры, повели коридором, ввели в другое здание, и там, в углу коридора, одетая в шубу, закутанная в шаль, ждала его жена Маруся.

– О, как я рад, что ты приехала! — воскликнул Лева. — Это необыкновенно!

– Да, как только я получила маленькое треугольное письмо, тотчас собралась и выехала. И знаешь, я уже была на свидании у папы.

– Как, разве папа здесь? — спросил Лева.

– Да, — сказала Маруся. — Ведь он кончал срок ссылки в Кокчетаве, но, видимо, злые люди, что осудили тебя, дали туда сигнал, чтобы его не освобождали. И его снова арестовали, быстро провели следствие и осудили на заключение в лагерь.

– О, Боже мой, Боже мой! Ведь он такой старенький! Что они от него хотят?

– Он там, в ссылке, работая фельдшером, продолжал общаться с верующими и читал Евангелие, вот и вся причина.

– Да как он выглядит? — спросил Лева.

— Дали нам свидание через решетку, он такой старенький, с длинной бородой, весь дрожит от холода. Ведь сейчас такой холод завернул здесь. Снег сыплет, вьюга. Я с трудом дошла к тебе. Он спрашивал о тебе. Я сказала, что ты получил 25 лет. Он удивился. Удивился не только отец Левы – Сергей Павлович – удивились и надзиратели которые присутствовали "Какое же преступление он сделал?"

– А как ты попала к папе?

– Он сообщил мне, что находится в Петропавловске, и дал адрес верующих, которые его посещают с передачей. Я приехала прямо к ним, они направили меня вначале на свидание к папе. Мы побыли у него, а потом уже я стала искать тебя. Отец сидит в другой тюрьме.

Нельзя выразить словами, как радостно было для обоих это свидание. Но оно пролетело как миг. Маруся передала Лева передачу, ободряла его, он взаимно ободрял ее. Они расцеловались и расстались — надолго.

Когда Лева с передачей вернулся в свою камеру и стал угощать заключенных съестным, — все наперебой расспрашивали его о жене.

— Мы долго были в разлуке, она прошла весь фронт — и осталась верна. У нас маленький ребенок, ему 15 октября будет 2 года.

– О, твоя жена необыкновенная, достойная жена!

– Да, моя жена как ангел Божий, — сказал Лева. — Сколько любви и заботы она вкладывала, когда я учился и когда меня брали в тюрьму..

Прошло еще несколько дней, и Лева был направлен с этапом на медные рудники в Степлаг.

Глава 23. Помощь

(Прибытие в Джезказган. Братья)

"Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь".

Евреям. 2,18.

Наконец они у места. Видны вышки шахт среди далеких степей, лагеря, огороженные проволокой, каменные побеленные бараки. Прибыли, когда все уже было покрыто снегом и зима все сильнее вступала в свои права. Как обычно, их поместили в карантинные больницы.

Таких заключенных, как здесь, Лева еще не видел. Они отличались от всех заключенных, которых когда-либо видел Лева. Это были люди под номерами. На шапке, на спине, на брюках, в области правого бедра, на правом рукаве бушлата и телогрейки — везде был вырезан материал основной ткани и вместо этого были поставлены белые лапки, на которые черной краской наносился номер заключенного. Он был уже теперь под номером. И когда после санобработки прибывшим этапникам выдали обмундирование, то Лева увидал, что им всем выдали лапки, ножницы, нитки, краску, и

на брюках, рубашках, на верхней одежде они должны были сами — вырезать и вышивать эти лапки — свои номера. Лева достался номер "СЩ— 8".

Эта нумерация, эти люди под номерами — было дико для Левы, хотя он и был старый арестант. Кто изобрел это, кто "усовершенствовал" эту систему заключения? Нет ли тут унижения человеческого достоинства — значиться и ходить только под номером? Кроме этой своеобразной "номерной системы" Леву интересовал только один вопрос: есть ли здесь дорогие братья? Так хотелось услышать родную речь, помолиться, поделиться всем пережитым!

На второй день к этапникам подошли два шахтера. По их особо приветливому виду Лева подумал: "Не братья ли?" Подошел и спросил:

— Кого ищите?

— Нет ли здесь верующих? — спросил один коренастый.

— Я верующий! — ответил Лева, улыбаясь.

— Брат?

— Брат!

— Они обнялись, расцеловались. Какое счастье было Лева — повидать дорогих братьев!

— У нас еще есть братья, есть и брат-пресвитер.

— Как хорошо, как хорошо! — воскликнул Лева.

— Весь этот лагерь разбит на несколько лагпунктов, хотя они находятся в одном месте, но друг с другом не сообщаются.

— Но мы знаем, что в каждом лагпункте есть братья.

— А есть тут больница, санчасть? — спросил Лева.

— Есть больница и есть санчасть, — ответили ему. — А ты кто по специальности будешь?

— Я работал фельдшером, потом три года учился в мединституте, так что незаконченный врач.

— Здесь в медработниках большая нужда. Завтра же сходи в санчасть или в больницу. Конечно, устроишься.

— А как вы имеете общение друг с другом?

— Выходные дни имеем, вместе собираемся, поем в бараках. Нас особенно не притесняют.

— А как у вас в отношении вечери Господней?

— Мы уже говорили об этом, но ни разу еще не совершали ее. Вино можно достать через вольных шахтеров, но денег у нас нет. Денег нам на руки не выдают, наш заработок передается в ларек, и только оттуда мы можем приобретать продукты.

— Сейчас я, — сказал Лева. — Он порылся в пальто и вернулся к братьям:

— Доставайте вино, поговорите с братом-пресвитером, и дай нам Бог в следующее воскресенье иметь вечерю Господню!

Через два дня братья-шахтеры принесли в зону красное вино для хлебопреломления. В следующее воскресенье была большая радость: Лева познакомился с пресвитером Огапценко Иваном Григорьевичем. Это был высокий худощавый брат из Одесской области. Его душа сияла любовью, радушием, он и Лева как-то особенно быстро сблизились друг с другом после первых встреч.

— Вот Слова Божия нет у нас, как жалко! — говорил брат Онищенко.

— Будем молиться, — сказал Лева, — и Господь все устроит. В воскресенье в одном из бараков, в углу, братья собрались, чтобы провести вечерю.

О, это была чудная, незабвенная вечеря Господня! Участники в страданиях Христовых, братья вспоминали, как Иисус протягивал ученикам хлеб, как разливал вино в память Своей Крови. Каждый, с благоговением молясь, в слезах, участвовал в этой вечери. Тихо, тихо пели, и словно небесные силы наполняли души каждого, и с этими новыми силами каждый готов был идти дальше по узкому тернистому пути.

Эта вечера была могучей помощью для души каждого. Ее участники сердечными глазами видели образ Претерпевшего, в искушениях могущего им помочь...

Глава 24. Не унывать

(Ночь страданий)

"Должно всегда молиться и не унывать".

Ев. от Луки, 18,1.

Маруся, жена Левы, и Вера, жена Юры, ждали — ждали писем от мужей, что отправились в путь страданий. Письма приходили редко, очень редко. В лагерях, куда был направлен Лева, разрешалось писать два письма в год.

Молились жены, посылали посылки, вопияли к Богу и вспоминали слова Христа, что всегда должно молиться и не унывать.

Рос маленький Павлик — сын Левы. Мать записывала в дневнике его развитие, как учит он стихотворения, как начал петь. 15 октября 1949 года ему исполнилось два года. В его дневнике Маруся записала:

"Дали кусочек пирога и кувшинчик молочка. Потом я рассказывал по картинкам и про лису, и про ежика, и про мишеньку... На днях я пел слова из гимна "По дороге испытанья поведу тебя вперед". А когда спал, то наклонился к матери и сказал: "Христос поведет людей". Мама очень удивилась, что я соображаю, что пою. Она мне не говорила об этом. Я очень люблю книги и каждый день прошу у мамы новую книгу, говорю ей — "почитай"..."

Лева подал заявление начальнику санчасти, чтобы его приняли на работу в хирургическое отделение больницы. Хирург Петцольд сказал, что место фельдшера есть и что он будет очень нужен. Лева ждал только конца карантина, чтобы перейти на работу в больницу. Все-таки ему будет легче: ведь он так любил медицину. Но однажды в барак пришел хирург Петцольд, подозвал Леву и тихо сказал:

— Вас брать на медицинскую работу не разрешают. Я узнавал, в чем дело. Оказывается, на вас вместе с вашим делом прислана какая-то ужасная характеристика, и здесь, в лагерях, вам придется нелегко, как самому худшему преступнику. В общем, жаль, но взять вас мы не можем...

Лева уже и в прошлом испытывал нечто подобное. Он понял, что Тартаковский не успокоился на том, что добился для него максимально возможного приговора, и в дикой ненависти, что Лева не отказался от Бога, сделал все от него зависящее, чтобы погубить его до конца.

Леве было и грустно, и больно. Он чувствовал, что впереди тяжелые страдания. Одни страдания. Искуситель всячески хотел обрушиться на Леву, чтобы он стал унывать, падать духом, приходиться в отчаяние. Но он вспоминал слова Иисуса, слова Евангелия: "Должно всегда молиться и не унывать". Бог ли не защитит избранных своих, вопиющих к Нему день и ночь?

Карантин кончился. Леву назначили в этап для перевода в другой лагпункт. Есть ли там братья, никто не знает. Лева просил всех близких верующих молиться о нем и с верою в Иисуса вышел из этой зоны и последовал в другой лагпункт.

Там включили его в бригаду, которая грузит руду на платформы. В большинстве она состояла из молодых, крепких парней, так называемых "власовцев", которые были в плену во время войны.

Работа была очень тяжелая. Лева с трудом поднимал тяжелые камни и бросал их на платформы. Лагпункт был переполнен заключенными. Работали в две смены: дневная и ночная. Когда бригада, где был Лева, возвращалась в барак с ночной работы, то они не имели возможности раздеться и лечь на нары, так как эти нары занимала дневная бригада, не вышедшая на работу. И нужно было сидеть и дожидаться, когда та бригада встанет и уйдет, а потом, позавтракав, самим ложиться на свое место. Получалось так, что не было своего уголка, где бы можно было положить свои вещи. А начальство собирало собрание и требовало одного: выполнения и перевыполнения норм.

...Сыплет снег, ярко горят прожектора, холодно, но холод этот неощутим. Нужно работать, нужно бросать камни. Лева поднимает камень, раскачивает его, бросает на платформу. Но камень не долетает, он попадает в голову рабочему, который наклонился, чтобы поднять руду. Рабочий падает, вскакивает, а потом в страшном гневе бежит к Лева и замахивается над ним, чтобы его избить...

Ночь страданий... Боже мой, Боже мой!

Это жуткие, страшные годы — 1950, 1951, 1952, 1953, 1954, — которые Лева провел в Степлаге, в Джекказгане, составляют в биографии нашего героя — Левы Смирнского — изрядный пробел. Он еще собирается описать их, и когда-нибудь, возможно, они будут описаны.

Однако эти годы прошли.

О том, что стало с нашим героем после того, как рухнула эпоха "культы личности", мы можем прочесть в очередной главе, которая носит название — Заключение.

Заключение

Прошли годы. Рухнула эпоха "культы личности" Сталина. Партия и правительство резко осудили практику "недозволенных методов дознания", на первом плане которых была — пытка лишением сна. Было упразднено Министерство государственной безопасности и вместо него учрежден Комитет госбезопасности.

В местах заключения, в тюрьмах и лагерях все стало по-иному. Массы невинных людей реабилитировали, оправдывали, снимали с них мнимую "вину". И была пасхальная ночь, когда офицер штаба принес и показал Лева документы: он срочно освобождается, невиновен, реабилитирован. Эту ночь Лева никогда не забудет, душа пела: "Христос воскрес, а с Ним и я! Христос воскрес, с Ним и я!"

Наутро радио лагеря передало, что пересматриваются дела, советская законность торжествует, ленинские нормы и ленинская политика восстанавливаются. Как пример сообщалось, что Смирнский, приговоренный к двадцати пяти годам заключения, освобождается — реабилитирован.

Настал день фактического освобождения из лагеря, и Лева едет домой.

Приехал домой. Неописуемая радость встреч! Весна. Сияет солнце, цветут цветы...

Лева хлопочет в Москве о продлении учения. Центральный комитет КПСС разрешает.

Лева идет на встречу с теми, кто засудил его, но в МГБ их уже нет. На другой день после преобразования Министерства госбезопасности и назначения нового уполномоченного и Тартаковский и Снежкин — оба были уволены из этого вновь созданного комитета. Они тут же "перекочевали" в Управление внутренних дел, в органы милиции, где Тартаковскому была предоставлена широкая возможность расправляться с уголовниками и рецидивистами.

Лева находит их в Управлении областной милиции. Он пожимает руку Снежкину и благодарит за все. Тот улыбается и говорит:

— Страшные времена были, ужасно заставляли работать. Я почти нажил себе язву желудка в это кошмарное время, — делился он с Лева.

Входит Тартаковский. Лева пожимает ему руку (!) и благодарит за все.

— Меня не за что благодарить, — отвечает тот и опускает голову. — Вы реабилитированы? Какие планы?

— Учиться, учиться, — отвечает Лева, — стать врачом и до конца оставаться христианином.

— Учитесь, — желают ему оба "друга народа", — будете старшим товарищем среди молодых студентов.

— А мы ведь знали, что вы о нас молитесь, — замечает Снежкин, — и не являетесь нашим врагом. Времена тогда были такие...

Лева учится, кончает мединститут. Начинаются государственные экзамены.

Неожиданно его вызывают в Оренбург, к уполномоченному местного Комитета госбезопасности.

— Мы должны сообщить вам грустную для вас новость, — говорит уполномоченный. — Ваша реабилитация отменена, дело по ходатайству генерального прокурора Руденко пересмотрено. Вам зачтен тот срок, который вы отсидели...

Уполномоченный был удивлен. "Я никогда даже не слышал, чтобы у реабилитированного отменяли его реабилитацию. Это странный случай. По-видимому, у вас есть какие-то враги, которые вредят вам и делают зло. Так что — давайте вашу справку, и мы выдадим вам другую — о вашем освобождении.

Лева вернул справку, и ему выдали другую, согласно которой он считался отбывшим срок определенного наказания, но не реабилитированным.

Большим, страшным горем для Левы было это событие. Молясь, напрягая силы, переживая, он продолжал все же сдавать госэкзамены.

— Неужели нет правды, справедливости? Неужели над страной снова начинается сгущаться мрак, а верующих ожидают новые страдания?

— Что с тобой? — участливо спрашивали его студенты, с которыми вместе Лева сдавал госэкзамены. — У тебя вид такой, как будто ты каждый день родственников хоронишь...

— Тяжелые переживания, — отвечал Лева. — Очень тяжелые.

Прошли годы, но эта отмена реабилитации была страшной раной для Левы. Она отразилась на его материальном положении. Когда он достиг пенсионного возраста, у него не хватило медицинского стажа. Работая врачом, он не может получать пенсии.

Но не только одно это. Леву всегда тяготит моральное сознание что ты "к злодеям причтен", что люди, люди правосудия, не хотят восстановить справедливость и правду, оправдать его.

Он писал, хлопотал о пересмотре своего дела, но из Куйбышевской прокуратуры приходит один и тот же ответ "Осужден правильно, дело пересмотру не подлежит"

Послесловие

Эта книга — автобиографическая повесть Юрия Сергеевича Грачева (1911-1973), пламенного проповедника Евангелия и духовного писателя. Тяжелые испытания, выпавшие на долю ревностного христианина Левы Смирнского — Ю.С. Грачева, — не сгибают его, но напротив, закаляют его характер, укрепляют в нем доверие Богу, воспитывают "те же чувствования, какие и во Христе Иисусе" (Флп. 2, 5). Многократно проверенные им слова "Господь усмотрит", звучат лейтмотивом всей его повести. Но, к сожалению, в книге нет окончания, неизвестна дальнейшая судьба ее героя, служителя Христова.

Господь и в дальнейшем был с рабом Своим, ибо верен Обещавший, Который сказал: "Не оставлю тебя и не покину тебя"

(Евр. 13, 5).

После осуждения в стране культа личности Сталина Верховный суд РСФСР в 1954 году полностью реабилитировал Ю.С. Грачева. Восемнадцать лет лагерей — это ошибка. Срочно освободить!

По согласованию с ЦК партии ему разрешили продолжить учебу в институте, но не в Куйбышеве, поскольку там он был известен как страдалец за веру. После четырех лет учебы в Оренбургском мединституте Ю.С. Грачев в 1958 году сдает госэкзамены и получает долгожданный диплом врача. Казалось бы, все несчастья позади.

Однако в том же 1958 году его вызвали в КГБ и заявили, что Пленум Верховного суда СССР отменил постановление о его реабилитации, и он вновь считается преступником... "Ваша реабилитация закрывается, — сказали ему, — но брать вас под стражу мы не будем, так как вам зачтены те сроки, которые вы уже отбывали".

Как ни хлопотал после этого Юрий Сергеевич, сколько ни ездил в Москву, как ни настаивал на пересмотре своего дела, все было напрасно: он вновь считался "преступником" и "злодеем". Но и в этом случае брат не впал в отчаяние, а прославил Христа, Который задолго до него "к злодеям причтен был" (Ис. 53, 12). Он молился и верил, что "любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу" (Рим. 8, 28).

С 1958 по 1960 год Ю.С. Грачев работал хирургом в Чебоксарах, а затем с разрешения властей вернулся к семье, в Куйбышев. С 1960 года он работает врачом "скорой помощи" и одновременно участвует в деле Божиим: проповедует в Куйбышевской церкви, занимается делами милосердия, пишет лекции по истории евангельско — баптистского братства. Для сбора исторического материала он посещает библиотеки и церкви различных городов, бывает в семьях верующих. И вновь о нем появляются статьи в газетах. Советский врач и христианин-баптист — эти понятия были не совместимы для многих ответственных руководителей. В начале 1972 года главный врач "скорой помощи" вызвала Ю.С. Грачева к себе и поставила перед ним условие: или прекратить проповедовать в церкви евангельских христиан-баптистов, или оставить медицину. На раздумье давалось два дня.

В ответ на ультиматум в феврале 1972 года брат пишет письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И.

Брежневу, в котором сообщает о том, что на местах нарушается законодательство о свободе совести. Можно ли одновременно быть специалистом и проповедовать Евангелие? Противозаконно ли это с точки зрения советского законодательства? Эти и другие вопросы были поставлены Ю.С. Грачевым в том письме. О себе же он сообщил, что из-за отмены реабилитации он, потерявший работу, к тому же не получает и пенсии по старости. "Я проповедую Евангелие Христово, ибо вижу в нем свет и благо для народа. Долгие годы я страдал за веру, жить осталось немного. Постоянно готов к тому, чтобы меня злословили и гнали. Я готов умереть за Евангелие".

Реакция на письмо была положительной: из Москвы дали указание восстановить его на работе и больше не беспокоить.

В марте 1972 года Президиумом Верховного Совета СССР его ходатайство о реабилитации было вновь отклонено. Реабилитировали его только в 1991 году, через восемнадцать лет после смерти.

Годы тягот и лишений сказались на здоровье брата: тяжелая болезнь быстро прогрессировала и уносила силы. 27 декабря 1973 года Ю.С.Грачев перешел в светлые обители неба. В следующем году закончилась земная жизнь и его дорогой спутницы Марии Федоровны, а еще через год, в 1975 году, отошла в вечность его мама — христианка Анна Ивановна (отец Сергей Павлович Грачев, фельдшер по профессии, умер в 1953 году в узах за Слове Божие).

С самого раннего детства мать Юры водила его по различным церквям: православным храмам, где он слышал уважаемых в народе священников-старцев, католическим костелам, где люди по-своему поклонялись Богу, лютеранским кирхам, в которых прихожане стройно пели немецкие гимны; приходилось ему слышать и протяжное пение в молоканских общинах. Главное, что он вынес оттуда, это то, что народ ищет Бога, не может жить без Бога. Он понял, что настоящая вера не губит души, как утверждали атеисты, а сеет в них доброе, вечное.

В юные годы Юрий Грачев обратился к Господу и принял крещение, дав "обещание Богу доброй совести" (1 Пет. 3, 21). Нашедший радость спасения у ног Христа, он не мог не делиться этой радостью с теми, кто еще не имел ее. "Если я спасен сам, то я должен спасать других", — говорил он. Брат понимал: людям нужен Христос — Спаситель. Без Христа не может быть чистой и святой жизни, ибо Христос есть путь и истина, и жизнь.

Великим примером для него в следовании за Господом был апостол Павел, сказавший: "Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам" (Рим. 1, 14). Это стало девизом всего служения Ю.С. Грачева.

Приняв к сердцу слова Христа "В темнице был, и вы пришли ко Мне" (Мф. 25,36), брат загорелся желанием исполнить волю Божию, выраженную в этом стихе. Он посещает тюрьмы, ездит в лагеря, чтобы как-то облегчить участь своих братьев по вере. В свидетельстве о Христе и участии в добродетели Ю.С. Грачев видел свое призвание от Господа.

Это был неутомимый глашатай Божьей истины. Он зажигал души огнем любви к Господу и видел, как эти души, просвещенные светом Евангелия, буквально преображались и обретали новую жизнь. Он понимал также, что без Христа человек, находящийся и в самых прекрасных условиях, остается бедным и несчастным грешником. Приобретение Христа дороже всех сокровищ мира.

Брат дерзновенно мог повторять слова великого апостола Павла: "Я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедовать Евангелие благодати Божией" (Деян.20, 24).

За свидетельство о Христе Ю.С. Грачева неоднократно осуждали на различные сроки тюремного заключения и ссылку.

Однако он не боялся никакого испытания, "как приключения для него странного", но доверял во всем Богу. Брат верил, что Господь может провести рабов Своих "и долиной тени смертной" и славил Бога за то, что ему дано ради Христа не только верить в "Него, но и страдать за Него" (Флп. 1, 29). "Я верю, — говорил он, — что Господь, удостоив нас страдать, имеет Свой промысел как для сохранения нашей духовной жизни, так и для будущего в деле Его".

Ю.С. Грачев, как служитель Христа, научился у Него прощать. В ответ на вынесение ему приговора о двадцатипятилетней ссылке в сибирские лагеря он имел силу от Господа, чтобы сказать судьям: "За все — слава Богу! Пусть Бог простит вас, ибо вы не знаете, что делаете". "Если бы они познали любовь Божию, как бы все изменилось", — часто повторял он.

Встретившись как-то после освобождения с одним из своих прокуроров, Ю.С. Грачев услышал от того: "А мы ведь знаем, что вы о нас молитесь и не являетесь нашим врагом. Но поймите, времена такие были..."

Брат был горячим молитвенником. Его обращения к Богу шли от сердца, в них всегда звучала благодарность Господу и ходатайство о нуждах ближних. С ним беседовали, делились сокровенным, вместе молились, и многие обретали мир с Богом. Его особенно любила молодежь. Вечера в беседе с Юрием Сергеевичем были незабываемыми. Гостеприимный дом семейства Грачевых стал известен далеко за пределами Куйбышева.

У Ю.С. Грачева было особое отношение к Библии, к Слову Божьему. Он не только читал его, но заучивал наизусть. Находясь в неволе и не имея с собой Божественной книги, он поддерживал себя тем, что сохранила его память. Но зато когда попадало ему в руки Евангелие, радости его не было предела. Эта маленькая книжечка "была для него бездонна по своей глубине и высока до небес по своей премудрости". Он не просто читал, а "словно пил, наслаждаясь дивными потоками живой воды, утолял жажду, как утоляет ее путник в безводной пустыне, повстречав неожиданно ручей".

"Золотые стихи" служили для него Божиим ободрением и утешением, вселяли покой в его сердце. И тогда неизвестность или случайность не тяготели над ним, ибо он верил, что у руля его жизни был Сам Спаситель Иисус Христос и без воли Господа "и волос не упадет с головы его".

"В жизни христианина нет случайностей, — говорил служитель Божий, — все эти случайные на вид совпадения

различных обстоятельств допущены и устроены Небом, чтобы пройдя огни и воды, мы были живыми свидетелями Бога. Все это предусмотрено в Его Божественных планах".

Юрий Сергеевич был чутким и внимательным к людям. "Врач может иногда излечить, часто может облегчить, но утешить он должен всегда", — говорил он. Как врач и христианин, он сознавал: важно беречь тело, но еще важнее беречь душу для вечности с Господом.

Брат дорожил общением детей Божиих, он радовался, когда видел, что церковь находится в мире и единстве. Разделение, происшедшее в нашем братстве в шестидесятых годах, он переживал очень остро и болезненно. О вышедших из церкви он говорил: "Как можно закрыть глаза на святые строки Библии — молитву Иисуса Христа, где Он обращается к Отцу Небесному с просьбой о единстве: "Да будет все едино".

В самые тяжелые и мрачные годы безбожия и преследования верующих слуга Господень не сомневался, что эти испытания — временные. Еще в 1935 году, находясь в заключении, он говорил: "Я верю, Господь пожалует гибнущий во грехах народ и будет в нашей стране большая проповедь Евангелия". В шестидесятые годы, когда все шло к тому, чтобы "последнего верующего показать по телевидению", а Библию превратить в запретную книгу, Юрий Сергеевич с горячей убежденностью говорил, что век нагнетаемого безбожия недолог: придет время, когда и в нашей стране Библия будет продаваться в книжных магазинах, а проповедь Евангелия будет звучать во дворцах культуры и на стадионах. Ему не верили, но он не сомневался, потому что взирал "не на видимое, но на невидимое" (2 Кор. 4, 18).

Брат дорожил званием христианина-баптиста, то есть крещенного по вере. Для него это означало быть истинным последователем Иисуса Христа. Однако в то время слово "баптист" имело негативный оттенок. Не случайно, когда его сосед по бараку, узнав кто он такой, сказал: "Лучше бы ты был бандит, чем баптист". Лагерное начальство советовало ему не упоминать этого слова в тюремных бумагах. "Называй себя просто христианином", — подсказывали ему. Однако он не страшился и не стеснялся этого слова: "Нет, пишите "баптист". Это славное имя христиан, которые, стремясь жить по учению Христа, много страдали в прошлом и страдают за истину теперь. Я до конца останусь под этим именем христианина, что бы отсюда ни последовало".

Вместе с тем он не считал, что Царство Небесное наследуют только баптисты.

"Во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему" (Деян. 10, 35), — не раз вспоминал Ю.С. Грачев.

Юрий Сергеевич дорожил встречей с верующими других конфессий, которые преданно любили Господа, считал их братьями по Крови Иисуса Христа и молился о них: "Господи! Дай всем детям Твоим остаться верными до конца".

Как христианин, он осуждал себя за свои слабости, ошибки, упущения и особенно переживал "период молчания", когда, находясь в заключении, он не мог свидетельствовать о Христе.

Всю жизнь он стремился к знаниям, считая, что для того чтобы быть всесторонне развитым свидетелем Христа, нужно учиться.

В пятьдесят лет Юрий Сергеевич начал самостоятельно заниматься английским языком и вскоре достиг значительных успехов: мог свободно разговаривать и вести переписку.

Отдых Юрий Сергеевич использовал как перемену занятий. Любил путешествовать, много читал, занимался литературным трудом. Кроме повести "В Иродовой бездне", он написал "Перейду", "Герои веры", "Звезды Сибири", "Христианский студенческий кружок".

Всю свою жизнь Юрий Сергеевич спешил делать добро. Проповедь Евангелия он считал особо важным и добрым делом, ибо от принятия Христа в сердце зависит будущее человека. "Как больно и страшно, что гибнут люди, — говорил он в своей последней проповеди, — гибнут наши ровные и близкие, наши дети, а мы не имеем сил, не имеем огня для того, чтобы просветить эту тьму и перед пришествием Христа возвестить о спасении, которое продолжается".

Перед своей смертью он сказал: "Если бы у меня были две жизни, то и тогда я, "не советуясь с плотью и кровью", отдал бы их без остатка Господу".

Таким был любящий и верный брат наш Юрий Сергеевич Грачев, рассказавший о своей нелегкой и удивительной судьбе в книге "В Иродовой бездне".

Господь да благословит всех, читающих эту книгу.

Издательство "Благовестник", Москва, 1993 г.